

Russkaya Starina

Has been issued since 2010

E-ISSN 2409-2118
2023. 14(2). Issued 2 times a year

EDITORIAL STAFF

Krinko Evgeny – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Editor in Chief)
Larionova Marina – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Deputy Editor-in-Chief)
Grevtsova Tatyana – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation
Grom Oleg – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation
Dobrovolskaya Varvara – V.D. Polenov State Russian House of Folk Arts, Moscow, Russian Federation
Shadrina Alla – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Borkovski Andrzej – University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland
Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine
Dimitrov Lyudmil – Sofia University St. Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria
Dzhandzhugazova Elena – Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation
Goretity József – University of Debrecen, Debrecen, Hungary
Zubarev Vera – University of Pennsylvania, Philadelphia, United States of America
Menkovsky Vyacheslav – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Pushkareva Natalia – Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Redkina Olga – Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation
Salnikova Alla – Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation
Tyumentsev Igor – Volgograd Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

Journal is indexed by: **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (USA), **Electronic Scientific Library** (Russia), **ERIH PLUS** (Norway), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Spain), **Journal Index** (USA), **Open Academic Journals Index** (USA), **ResearchBib** (Japan), **Scientific Indexing Services** (USA), **Sherpa Romeo** (Spain).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1717 N Street NW, Suite 1, Washington, District of Columbia, USA 20036
Release date 22.12.2023
Format 21 × 29,7.

Website: <https://rs.cherkasgu.press>
E-mail: krinko@mail.ru
Typeface Georgia.

Founder and Editor: Cherkas Global University
Order № 34

© Russkaya Starina, 2023

Russkaya Starina

2023

Is. 2

Русская старина

Издается с 2010 г.

E-ISSN 2409-2118

2023. 14(2). Выходит 2 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (главный редактор)

Ларионова Марина – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (заместитель главного редактора)

Гревцова Татьяна – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Гром Олег – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Добровольская Варвара – Государственный Российский Дом народного творчества имени В.Д. Поленова, Москва, Российская Федерация

Шадрина Алла – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Борковски Анджей – Университет естественных и гуманитарных наук, Седльце, Польша

Горетить Йозеф – Дебреценский университет, Дебрецен, Венгрия

Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина

Димитров Людмил – Софийский университет имени святого Климента Охридского, София, Болгария

Джанждугазова Елена – Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Зубарева Вера – Пенсильванский университет, Филадельфия, Соединенные Штаты Америки

Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Пушкарева Наталья – Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Российская Федерация

Редькина Ольга – Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Сальникова Алла – Казанский федеральный университет, Казань, Российская Федерация

Тюменцев Игорь – Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Российская Федерация, Волгоград

Журнал индексируется в **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (США), **ERIH PLUS** (Норвегия), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Испания), **Journal Index** (США), **Open Academic Journals Index** (США), **ResearchBib** (Япония), **Scientific Indexing Services** (США), **Sherpa Romeo** (Испания), **РИНЦ** (Россия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

2023

Is. 2

Адрес редакции: 1717 N Street NW, Suite 1,
Вашингтон, округ Колумбия, США 20036

Дата выпуска 22.12.2023
Формат 21 × 29,7

Сайт журнала: <https://rs.cherkasgu.press>
E-mail: krinko@mail.ru

Гарнитура Georgia.

Учредитель и издатель: Cherkas Global
University

Заказ № 34

© Русская старина, 2023

CONTENTS

Articles

National Issue in Bessarabia in the Pages of Newspaper “Bessarabets”, 1897–1905 O.O. Grom	58
The Russian Nation and Its Ethnic Groups in the Late 19 th – First Quarter of the 20 th Century: Historical and Demographic Analysis S.A. Kropachev	69
Problems of Soviet History in Modern Azerbaijani Historiography E.F. Krinko	78
Fleet of the Sarapul Tannery (Plant), 1941–1956 N.W. Mitiukov, Yu.L. Kim	92
Russian Historiography of Cossack Collaborationism during the Great Patriotic War of 1941–1945 M.V. Pogrebovsky	99
Military Burials of the Great Patriotic War in the Territory of the Historical Necropolis of Taganrog E.N. Sedakova	112

Published in the USA
Russkaya Starina
Has been issued since 2010.
E-ISSN: 2409-2118
2023. 14(2): 58-68

DOI: 10.13187/rs.2023.2.58
<https://rs.cherkasgu.press>

Articles

National Issue in Bessarabia in the Pages of Newspaper “Bessarabets”, 1897–1905

Oleg O. Grom ^{a, b, *}

^a Southern Federal University, Russian Federation

^b Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article deals with the analysis of the texts on the national issue, published in Kishinev newspaper “Bessarabets” (1897–1905), the only commercial private newspaper in Bessarabia, edited by famous right-wing publicist and political activist Pavel Krushevan. Over the 9 years, its political orientation evolved from the moderate to the right-wing radical and anti-Semitic. An important topic in “Bessarabets” was the Jewish question, which Krushevan treated as a set of moral, ethical and religious premises that led to “Jewish dominance” in the spheres of trade, industry and the press in the provinces of the Pale of Settlement. He saw the ideal solution to the Jewish question in the voluntary assimilation and Christianization of Jews, but at the same time he did not actually believe in the reality of such a scenario. The newspaper also covered the Moldovan issue. Krushevan saw the future of the Moldovans also in Russification. He considered their “spiritual amalgamation” with the Russians to be an accomplished fact. At the same time, Krushevan opposed forcing the “superficial” linguistic Russification. However, not all newspaper’s correspondents shared his opinion.

Keywords: Bessarabia, newspaper “Bessarabets”, periodicals, national question, Pavel Krushevan, Moldovans, Jews, anti-Semitism.

1. Введение

Газета «Бессарабец», издававшаяся в Кишиневе в 1897–1905 гг., является важным и во многом недооцененным источником по истории русской консервативной мысли на окраинах в эпоху «подцензурной печати». В массовом сознании газета и ее основатель-издатель П.А. Крушеван тесно связаны с темой антисемитизма в России на рубеже XIX и XX вв. В 1905 г. русская журналистика претерпела переход от эпохи «подцензурной печати» к «эпохе публичности». Существует представление, что до отмены предварительной цензуры публицисты были скованы в выражении собственного мнения и не могли говорить открыто на многие темы, а также высказывать радикальные суждения. Цель статьи состоит в том, чтобы на примере публикаций в конкретном издании понять, как выглядела окраинная пресса до «раскрепощения печати», какую эволюцию она претерпела, а также непосредственно проанализировать взгляды ее издателей и сотрудников на национальный вопрос в Бессарабии.

* Corresponding author

E-mail addresses: gromescu@gmail.com (O.A. Grom)

2. Материалы и методы

Хронологически статья охватывает период с 1897 г, когда в Кишиневе стала выходить газета «Бессарабец», до публикации манифеста 17 октября 1905 г., положившего конец эпохе подцензурной печати. Основным источником выступают комплекты газет «Бессарабец» и «Друг» за указанные годы. Массив текстов, опубликованных в изданиях П.А. Крушевана почти за десять лет, огромен, велико разнообразие сюжетов и проблем, освещавшихся в них. Поэтому мы ограничимся рассмотрением сюжетов, связанных с обсуждением еврейского и молдавского вопросов в Бессарабии. Преимущественно мы будем обращаться к текстам, написанным самим издателем-редактором газеты, т.к. они во многом задавали направление всего издания и представляют наибольший интерес с точки зрения изучения становления крайне правой идеологии в дореволюционной России.

Несмотря на важность газеты «Бессарабец» как исторического источника, она до сих пор незаслуженно обойдена вниманием как российских, так и молдавских историков, и не становилась предметом детального анализа. В вышедшей еще в советское время монографии Б.А. Трубецкого «Из истории периодической печати Бессарабии» газета описывается вскользь и оценивается в довольно типичном духе как «знаменосец помещичье-черносотенной прессы», которую издавал П.А. Крушеван, «известный своими ультрареакционными взглядами, что и предопределило монархически-верноподданническое, черносотенное направление газеты» (Трубецкой, 1989: 41). В.М. Топилина указывала, что на издания Крушевана, «духовного отца и организатора черносотенства в Молдавии», равно как и на официозные газеты и журналы края, не распространялся ряд цензурных ограничений, наложенных властями на печать, в частности касавшихся освещения революционного движения в начале XX в. (Топилина, 1987: 15). «Бессарабец» и сменивший его в 1905 г. «Друг» таким образом рассматриваются как один из инструментов властей в борьбе с движением народных масс. В то же время Топилина подчеркивает, что в годы революции Крушеван дошел до такой степени радикализма, что даже царская цензура была вынуждена штрафовать его за некоторые антисемитские выпады (Топилина, 1987: 18).

Личность издателя газеты П.А. Крушевана в последние годы начала привлекать все большее внимание исследователей. В этом ряду стоит выделить работы И.П. Шорникова, пытающегося «нормализовать» восприятие личности Крушевана и его литературно-публицистического наследия. Однако Шорников приходит к ряду проблемных выводов. Например, Крушеван у него неожиданно становится «деятельным защитником молдавской национальной идентичности» (Шорников, 2011: 104). При этом, заявляя такие положения, он ссылается на вторичную литературу и игнорирует собственно тексты Крушевана, в первую очередь, его публикации в «Бессарабце», из которых ясно следует, как будет показано ниже, что будущее «молдавской национальной идентичности» Крушеван видел в ее постепенном вытеснении идентичностью русской.

Если Шорников все же пытается сохранить объективность в оценке противоречивого и неоднозначного наследия, то автор предисловия к изданному О.А. Платоновым сборнику текстов Крушевана (в который, впрочем, не вошли публикации из «Бессарабца») не утруждает себя условностями. Здесь в качестве основы используется текст автореферата диссертации И.П. Шорникова, но отбрасываются или объявляются фальшивыми все мало-мальски негативные пассажи о нем. Крушеван представляется апостолом борьбы русских с кознями «мирового еврейства», в реальности которых составители сборника не сомневаются (Крушеван, 2015: 5-90).

Таким образом, спектр историографических оценок Крушевана варьируется от демонизации в связи с его антисемитизмом и крайне правыми взглядами до заявлений, что он был «христианским социалистом» и даже «деятелем молдавского национального движения», стремившимся с помощью русификации оградить молдаван от румын.

3. Обсуждение и результаты

Издатель и вдохновитель «Бессарабца» Павел Алексеевич Крушеван (1860–1909) происходил из обедневшего дворянского рода, вероятно, имевшего греческие корни. Дворянское состояние рода было официально подтверждено только в 1907 г. После окончания Кишиневской гимназии служил чиновником акцизного ведомства, в 1887–1895 гг. работал в Минском акцизном управлении (Морозан, 2018: 227). В 1880-е гг.

он начинает заниматься литературной деятельностью, печатается в различных газетах, в том числе в «Минском листке» и «Виленском вестнике». В 1896 г. выходит его книга «Что такое Россия? Путевые заметки», где он описывает состоявшееся годом ранее турне по Европейской России. Вернувшись в Бессарабию, он решает полностью посвятить себя газетному делу и получает разрешение на издание в Кишиневе ежедневной газеты большого формата под заглавием «Бессарабец».

Для понимания феномена «Бессарабца» необходимо в общих чертах проследить, что представлял собой рынок печати в Бессарабии конца XIX – начала XX в., а также историю самой газеты. До появления в 1889 г. первого частного издания, газеты «Бессарабский вестник», рынок периодической печати здесь обслуживался в основном одесскими газетами, уделявшими краю много внимания и имевшими в Кишиневе отделения редакций. Местная печать была представлена исключительно официозными изданиями – «Бессарабскими губернскими ведомостями» и «Кишиневскими епархиальными ведомостями». «Бессарабский Вестник» был довольно типичной провинциальной газетой того времени. С его выходом Одесса стала сокращать областное отделение. Благодаря удачному подбору сотрудников и разнообразию печатавшегося в ней материала газета приобрела популярность у бессарабской публики. Издателем ее был С.И. Соколов, управляющий акцизными сборами Бессарабской губернии. Официальным редактором числилась его жена, а фактическим редактором выступал В.Я. Лучинский (*Одесский листок*. 1912. № 111: 6).

Впоследствии Соколову пришлось отказаться от издания газеты. По мнению одесского публициста М. Яковлева, причиной этого стали частые доносы на издание. В итоге директор департамента неокладных сборов А.С. Ермолов (впоследствии министр земледелия и государственных имуществ и член Государственного совета) частным образом дал Соколову «дружеский совет» отказаться от издательской деятельности и продать газету. Следуя совету Ермолова, Соколов продал газету И. Чекану. После продажи газета стремительно теряет популярность, и, в конце концов, ее выкупает владелец кишиневской типографии Ф.П. Кашевский, который «выписывает» из Вильны П.А. Крушевана. По словам Кашевского, «один Крушеван в состоянии заполнить целую газету... не надо будет много сотрудников иметь» (*Одесский листок*. 1912. № 112: 5). Но в 1897 г. Крушеван поссорился с Кашевским и получил разрешение на издание собственной газеты под названием «Бессарабец». «Бессарабский Вестник» не выдержал конкуренции с детищем Крушевана и вскоре был закрыт (*Одесский листок*. 1912. № 112: 5). Видимо, этот эпизод положил начало антагонизму Крушевана с евреями. Примечательно, что «Бессарабец» отличало полное отсутствие евреев среди сотрудников, а также авторов, за исключением авторов некоторых писем в редакцию и периодически публиковавшихся «обличений» евреев, якобы написанных самими евреями. Немногим чаще в газете печатались люди с молдавскими фамилиями. С 1898 до 1904 г. (когда начнет выходить «либеральная» и «юдофильская» газета «Бессарабская жизнь», издававшаяся бывшим сотрудником Крушевана Ф.Е. Захаровым) «Бессарабец» не имел внятных конкурентов на местном печатном рынке, если не считать таковыми официоз и выходившую с 1899 г. газету городской управы, против организации которой сам Крушеван активно протестовал (*Бессарабец*. 1899. № 94: 1).

В идеологическом плане историю газеты можно разделить на несколько периодов: 1897–1900 и 1901–1905 гг. В первый период газета отличалась относительно спокойным тоном и даже своеобразным «либерализмом» в подаче материала. Начиная с 1901 г., особенно с 1902 г. начинается резкий крен в сторону антисемитизма и русского национализма. Газета все более ориентируется не на интеллигентного читателя (что было свойственно русским газетам и журналам XIX в.), а на массу, зачастую полуграмотную, что будет отличать крайне правые газеты «эпохи публичности». Что характерно, эта тенденция усилится в 1903 г., когда Крушеван фактически не будет принимать участия в издании, занимаясь организацией в Петербурге газеты «Знамя», в которой он будет пропагандировать антисемитизм на общероссийском уровне и в итоге опубликует знаменитые «Протоколы сионских мудрецов».

В конце 1902 г. Крушеван по «фиктивной» в его интерпретации сделке продает «Бессарабец» Д.В. Мальскому за 27 тыс. рублей. С 1903 по 1905 г. будет идти тяжба между Крушеваном и Мальским (*Друг*. 1905. № 2: 2). В этот период «рафинированный» теоретический антисемитизм Крушевана уступает место бытовому. В апреле 1903 г. происходит Кишиневский погром, часть вины за который современники будут возлагать на

«Бессарабца» и Крушевана. Газета в свою очередь будет пытаться выгородить погромщиков, обвиняя самих евреев, которые довели своей «эксплуатацией» до крайности «темный люд» (Бессарабец. 1903. № 96: 3). Похожую позицию до приезда нового губернатора С.Д. Урусова будет занимать и местная власть.

В апреле 1905 г. суд окончательно признает за Мальским право на издание «Бессарабца», а Крушеван получает разрешение на издание новой газеты «Друг». Через несколько месяцев начинает выходить новый «Бессарабец», уже полностью издаваемый Мальским (формальным издателем значилась его жена А.Я. Мальская). Хотя в подзаголовке газеты значилось гордое «год издания девятый», она имела мало общего с оригинальным изданием. Уже в программной статье читалось умеренно позитивное отношение редакции к происходящим в стране революционным изменениям. Направление новой старой газеты можно было охарактеризовать как «мирное обновление» (Бессарабец (Мальская). 1905. № 1: 1). В оценке кишиневских событий 17–20 октября 1905 г. разница с газетой Крушевана была еще более разительной. Они описывались как «погром», зачинщиками которого были неизвестные провокаторы, а полиция проявила бездействие: «Наша администрация, – писала газета, – “спешит медленно” и слишком опаздывает с помощью» (Бессарабец (Мальская). 1905. № 100: 2).

Однако попытка новых издателей «Бессарабца» актуализировать направление газеты в соответствии с духом времени не привела к результату и через несколько месяцев она прекратила выходить. Отчасти провал предприятия Мальского обусловлен тем, что на местном печатном рынке была высокая конкуренция. В литературном плане она недотягивала до крушевановского «Друга» и уступала по радикализму «Бессарабской жизни». Позднее в Кишиневе выходило еще несколько газет с таким же названием под редакцией разных лиц (П.В. Дическул, А.В. Ноур, В.И. Тихович, И. Чекан) (Presa basarabeană, 2002: 42), но и они не имели того успеха, который имел и «Бессарабец» в «подцензурную эпоху», и «Друг» в «эпоху публичности».

Одно из важнейших мест в материалах «Бессарабца» занимал еврейский вопрос. Антисемитские нотки проявились уже в первый год издания газеты. Но, как и в ранних литературных и публицистических работах Крушевана, отношение к евреям в целом было относительно сдержанным. Евреи воспринимались им в большей степени как конкуренты, к которым нужно относиться с определенной долей уважения. В их же «руссофобстве» (или точнее в «христианофобстве») виделась еще и их образцовая сплоченность, организация – те качества, которых, по мнению Крушевана, не хватало русским. Например, в одной из статей он сравнивает, как поставлено дело в кишиневских русской и еврейской столовых для бедных, и сравнение оказывается не в пользу «христианской столовой», на содержание которой никто не хочет жертвовать и, как следствие, там царит антисанитария (Бессарабец. 1897. № 9: 3).

Самой негативной чертой евреев Крушеван, как и многие его современники, считал их склонность к ростовщичеству. Ростовщичество – это зло, язва общества, «вампиры», наживающиеся за счет «бедного люда». Но когда он пишет об этом в 1897 г. он непременно делает оговорки, что и некоторые христиане занимаются тем же злом. Он подчеркивает, что далеко не все евреи замешаны в подобном бизнесе. В более поздних публикациях подобным нюансировкам не будет места. Публикации о «еврейском засилье» в конце 1890-х гг. пока не являются самоцелью, их размещают подспудно, как бы невзначай. Например, в газете публикуется перепечатка из «Нового времени» о «пленении» евреями города Таганрога с характерным примечанием редакции: «Кажется – нам особенно удивляться тому нечему» (Бессарабец. 1897. № 37: 2).

Среди публикаций на еврейскую тематику в первые годы существования «Бессарабца» представляют интерес статьи, подписанные псевдонимом «Еврей», хотя маловероятно, что это был реальный еврей, а не один из многочисленных псевдонимов Крушевана. Подобные статьи часто сопровождалось характерными редакторскими примечаниями: «Автор статьи еврей, и потому мы придаем тем больше значения его мнению». В основном они были посвящены критике «пороков» еврейства и проектам «слияния» евреев с «коренным населением» западных окраин, что опять же, как будет показано дальше, согласовывалось с идеями самого Крушевана. Например, в одной из таких публикаций обсуждался вопрос о привитии еврейским детям земледельческих навыков. «Только детей, не познавших еще прелестей торгашеской жизни, – писал автор, – возможно превратить в землеробов».

Он утверждал, что ограничения в отношении землепользования евреями – это не злой умысел правительства, а стремление оградить «коренное население» от еврейской эксплуатации. Однако создание земледельческих школ для еврейских бедных детей и разрешение возделывать землю без использования наемного труда могут стать началом решения «еврейского вопроса», т.к. они способствуют созданию у евреев утраченного 2 тыс. лет назад земледельческого класса, сделав тем самым евреев «нормальным» народом (Бессарабец. 1898. № 167: 1-2).

Начиная с 1901 г. тон публикаций по еврейскому вопросу становится более резким, а сами они начинают занимать чуть ли не всю «аналитическую» часть газеты. В 1902 г. Крушеван публикует открытое письмо известного публициста-народника Я.В. Абрамова. В письме Абрамов оправдывается, что стал мало публиковаться в «Бессарабце», и в то же время сетует на то, что его редкие публикации вызвали нападки со стороны других публицистов, возмущавшихся сотрудничеству такого авторитета с газетой того направления, к которому пришел «Бессарабец». Абрамов пускается в рассуждения о «еврейском вопросе», трактуя его с общечеловеческой позиции. По его мнению, нельзя обвинять весь народ только потому, что его отдельные представители занимаются неблагодарным делом эксплуатации. Население страдает от эксплуатации не только со стороны евреев, но и со стороны представителей других народов, и, возможно, даже в большей степени со стороны «своих», т.е. русских. Крушевана же он упрекает в том, что авторы «Бессарабца» забыли об осторожности, необходимой при обсуждении таких тонких вопросов, за слишком резкий тон и отсутствие альтернативных суждений в газете (Бессарабец. 1902. № 80: 2-3).

Крушеван использовал письмо Абрамова как повод для пространного «прояснения позиции» по еврейскому вопросу. Начинает он с историко-религиозного экскурса. По его мысли, христианство является наиболее прогрессивным, красивым и правильным учением об устройстве мира. Однако еврейский народ, из недр которого вышел Христос, отверг своего величайшего мыслителя и его учение, предпочтя остаться в окопах «отмершего» иудаизма. Отсюда пошли все их беды. Евреи, расселенные по миру, вынуждены жить среди христиан, пользоваться всеми благами христианской цивилизации, но при этом они проявляют отчуждение, упорное стремление к обособлению. Именно в этом, по словам Крушевана, кроется корень «еврейской трагедии» (Бессарабец. 1902. № 89: 2).

Не имея других возможностей для борьбы за существование, евреи, по мнению Крушевана, уверовали во всемогущество капитала и встали на путь экономического порабощения христиан. На юге России в их руках оказались торговля, промышленность, капиталы и печать. Они сплоченные, в отличие от христиан, они беспощадны и не останавливаются ни перед какой ложью для достижения своих целей. А главная их цель – это уничтожение ненавистных им христианских идеалов. Вся история евреев – это жестокая трагедия вырождения. Избрав изначально неверный способ борьбы за выживание, они превратились в единый сплоченный организм, паразитирующий на других народах (Бессарабец. 1902. № 91: 2).

Однако, как указывает Крушеван, вечно так не может продолжаться и рано или поздно евреи встанут перед выбором – либо слияние с теми обществами в которых они живут, либо путь сионизма. Второй Крушеван объявляет утопическим и заведомо обреченным на неудачу, приводя в пример современную Грецию: «Ни одному народу, утратившему свою национальную независимость, а тем более – принадлежавшую ему территорию, не удалось, несмотря на самые пламенные желания его патриотов, вернуть свою независимость не только по истечении двадцати веков, но даже спустя один-два века... разве она [Греция] имеет хоть что-нибудь общее с той великой Элладой, мечта о которой воодушевляла борцов за ее независимость?» С этой точки зрения сионистские идеи, будучи реализованными, не приведут к возрождению древнего Израиля; они создадут нечто новое, и это новое Крушеван заведомо считает злом. Альтернативу сионизму Крушеван видит в ассимиляции, слиянии евреев с русскими, и исправлении исторической ошибки – принятии христианства (Бессарабец. 1902. № 91: 2). Однако конкретного рецепта, как это осуществить, Крушеван не предлагает. Более того, если проанализировать его последующие тексты, то обращает на себя внимание парадокс: с одной стороны, он приглашает евреев к слиянию, а с другой, он не верит в это слияние. Он постоянно приписывает евреям склонность к обману и даже в переходе евреев в христианство видит подлый расчет.

Далее Крушеван в очередной раз постулирует, что евреи «захватили» губернии в черте оседлости и ведут себя как победители по отношению к побежденным. Причем и здесь евреи

демонстрируют «аномалию», поскольку «нормальные» завоеватели не отбирают у побежденного народа право на экономическую деятельность, в первую очередь право торговать. Но, по мнению Крушевана, именно это делают евреи в Бессарабии и на западных окраинах – не пускают «коренных жителей» в торговлю. Это угнетает население, тормозит развитие края и России в целом. Отвечая Абрамову на тезис о том, что не только евреи занимаются эксплуатацией простого народа, Крушеван парирует: «...есть в эксплуатации народа евреями нечто такое, что усугубляет ее отрицательное значение: русский кулак, выжимая соки из своего народа, все-таки ему же и вернет их раньше или позже, ему предоставит и заработок у дела, которое ведет; еврей-эксплуататор, выжимая соки из нашего народа, будет отдавать их своему народу, будет предоставлять заработок своему народу, будет приращивать ту его силу, которая служит для порабощения нас же» (Бессарабец, 1902. № 91: 2). Таким образом, и здесь евреи представляются нетипичным народом.

Подробно экономическую составляющую еврейского вопроса Крушеван разбирает в отдельном цикле статей, озаглавленном «К завоеванию России евреями». Здесь он в целом повторяет типичный набор мифологем о еврейской эксплуатации и стремлении евреев, используя финансово-экономические рычаги, захватить мир. Экономический кризис, который в тот момент переживала Россия, он объяснял, по крайней мере отчасти, следствием «еврейского завоевания» (Бессарабец, 1902. № 108: 2). Но в целом «еврейский вопрос» Крушеван предпочитал описывать в социал-дарвинистских терминах «борьбы за существование». Рассматривает его он не только и, на первый взгляд, даже не столько в экономическом ключе, сколько в морально-этическом, поскольку «еврейство несет с собой человечеству господство грубо-утилитарных и плутократических идеалов и полное этическое вырождение» (Бессарабец, 1902. № 101: 3).

Вопрос об искренности крушевановского антисемитизма неоднократно поднимался в историографии и мемуаристике. Моисей Слуцкий, кишиневский врач, знавший лично Крушевана, считал, что он не был убежденным антисемитом, а в ранние годы своей публицистической карьеры даже относился к евреям с определенным сочувствием. Переход на позиции крайнего антисемитизма он связывал с конъюнктурой издательского рынка Бессарабии, борьбой с одесскими «юдофильскими» изданиями, а также возможностью получения правительственных субсидий на «патриотическую» деятельность. С переходом к антисемитской риторике Слуцкий связывал рост популярности и тиражей «Бессарабца» (Слуцкий, 1930: 43-44). Румынский историк и общественный деятель Н. Йорга писал, что Крушеван имел репутацию сумасшедшего; ходили слухи, что в частных разговорах он якобы признавался, что не имеет ничего против евреев и вообще любит их. (Colesnic, 2000: 32). Кишиневский городской голова, а затем член Государственной Думы П. Синадино относил перемену отношения Крушевана к евреям к 1894 г. или к более позднему времени, и связывал это с нежеланием кишиневских евреев давать ему кредиты, в которых он нуждался постоянно (Colesnic, 2000: 37).

Молдаванам, составлявшим большинство населения губернии, в газете «Бессарабец» отводилось заметно меньше места, чем евреям. С точки зрения Крушевана, как, впрочем, и большинства тогдашних местных публицистов, «молдавский вопрос» не был угрозой ни местного, ни общеимперского масштаба. Наиболее полно представления издателя газеты о молдавском вопросе и окраинном вопросе в целом были изложены в опубликованном в 1898 г. фельетоне «Оставьте нас в покое!». Крушеван рассказывает историю о том, что, когда он жил в Северо-Западном крае, его попросили дать рецензию на корреспонденцию в газету на тему окраинной политики. Крушеван так описывал этот случай: «...она была написана по общему рецепту подобных корреспонденций: патриотически-возвышенный тон, мрачные краски, обрисовывающие положение русского человека на окраине, целый ряд грозных перспектив, указывающих на необходимость принять самые репрессивные и энергичные обрусительные меры, лирическое отступление на тему о русской крови, пролитой для завоевания окраины, и скорбная патриотическая нотка, звучащая в опасенье, как бы эта кровь не была пролита напрасно и как бы внукам не пришлось проливать ее и отвоевывать то, что завоевали деды» (Бессарабец, 1898. № 190: 1). В итоге выяснилось, что автором этого «патриотического» текста был знакомый Крушевану журналист-еврей, который до того момента не был замечен в подобного рода патриотизме.

Крушеван уверяет, что написание подобных шаблонных текстов было распространенной практикой как в окраинных, так и в столичных газетах. Но далеко не всегда их авторы

руководствовались истинно-патриотическими чувствами. Газеты использовали такие публикации для того, чтобы отвлечь внимание правительства или общественного мнения от реальных проблем окраин. По версии Крушевана, большинство столичных газет имело «любимые» окраины, а обращение к подобного рода корреспонденциям, написанным часто случайными людьми, призвано было «заставить забыть о том, что творится на покровительствуемой окраине», отвлечь внимание правительства от одной окраины муссированием фактов, происходящих на другой (Бессарабец. 1898. № 190: 1).

К подобного рода публикациям он отнес напечатанную в «Санкт-Петербургских ведомостях» статью А.К. Мурузи на тему необходимости срочного принятия обрусительных мер в Бессарабии. Мурузи писал, что Бессарабия находится под угрозой сепаратизма, так как Румыния в последние годы делает потрясающие успехи во всех областях жизни – в экономической, военной и т.д. Это вызывает рост притязаний Румынии к соседям. «Ни один современный румын, – писал Мурузи, – не таит мечты присоединить, при первом благоприятном случае, Бессарабию и без особого труда докажет вам, что область эта в настоящее время, по языку и нравам ближе к Румынии, чем Трансильвания и Буковина». В то же время в России эти стремления румын, по словам Мурузи, стараются не замечать; с 1812 г. «не было сделано ничего... чтобы слить эту область с остальной Россией, чтобы сделать из нее настоящую русскую губернию». Следствием этого может стать легкое поглощение края Румынией: «Язык, законы, нравы, предания – все здесь осталось румынским, и в тот день, когда враги наши из-за Прута перешли бы эту реку, они оказались бы в стране столь же румынской, как та, которая лежит по ту сторону ее». Самых бессарабских молдаван он обвинял в симпатиях к запрутским единоплеменникам и едва ли не сознательном нежелании учить русский язык, т.к. 9/10 населения Бессарабии не знает ни слова по-русски. Такой же процент, по словам Мурузи, не может даже назвать имени российского императора. Более того, население края чуждо какого-либо понятия о религии, не знает даже основ православия и базовых молитв. Наконец, оно «не имеет никакого русского патриотического чувства» (Бессарабец. 1898. № 190: 1).

Решение проблемы Мурузи видел в «послании значительного числа истинно русских семей среди теперешнего населения Бессарабии». «Русский элемент», по его мнению, без труда ассимилирует молдаван, чему будет способствовать единство веры. Кроме того, он предлагал ввести обязательное обучение русскому языку всех молдаван с 12 до 18 лет (Бессарабец. 1898. № 190: 2).

В ответ на статью Мурузи в «Санкт-Петербургских ведомостях» была опубликована статья публициста Н.Н. Дурново (старшего), известного своими антирусификаторскими публикациями, а также защитой интересов православных инородцев России. Дурново раскритиковал обрусительные интенции Мурузи. Примечательно, что Крушеван нашел эту критику совершенно справедливой, по крайней мере, пока речь шла о насильственной русификации как целенаправленной политической практике. Далее Дурново заявляет, что правительство как раз и занимается последние десятилетия «насилием над языком молдаван», в подтверждение чего приводит факт закрытия архиепископом Павлом (Лебедевым) в 1870-х гг. 335 молдавских церквей¹. Однако эта политика оказалась безуспешной, так как молдаване не только не «приобщились» к русскому языку, но и отвернулись от официального православия. Дурново пускается в пространные рассуждения на тему того, что передача Румынии Добруджи взамен на южные уезды Бессарабии в 1878 г. была ошибкой. Вместо этого правительству России следовало аннексировать не только юг Бессарабии, но и Добруджу, получив тем самым общую границу с Болгарией, а Румынии взамен отдать центральную, населенную румынами, часть Бессарабии. Надо заметить, что позднее Дурново станет сторонником передачи всей Бессарабии Румынии (Гром, 2015: 102). По мнению публициста, России насильственная русификация молдаван невыгодна по двум соображениям. Во-первых, она ведет к ухудшению отношений с соседней единой верой страной, а во-вторых, «дает в то же время возможность мадьярской печати указывать, что и Россия одинаковым образом, – если только не хуже мадьяр, – действует в Бессарабии» (Бессарабец. 1898. № 190: 3). Таким образом, Дурново придавал «молдавскому вопросу» в Бессарабии еще большее значение, чем Мурузи, вписывая его в хитросплетения балканской и центрально-европейской политики.

¹ Подробнее об этом сюжете см.: (Гром, 2019: 149-152).

В итоге Крушеван обрушивается с критикой на обоих петербургских публицистов, обвиняя их в том, что они теоретики и не знают истинного положения дел в Бессарабии. По его версии, действительная картина выглядит следующим образом. Население во всех городах «давно и совершенно почти обрусело». Бессарабия – это самая мирная и благополучная окраина России. Ее население в целом «слилось с Россией по духу, стремлениям, а главное по религии». Доказательство этого он видел в том, что за 86 лет население Бессарабии не проявляло «не только коллективную, но и единичную тенденцию к сепаратизму». А высшая власть настолько доверяла и доверяет бессарабцам, что имплементировала здесь те реформы, которые до сих пор не введены в «исконно русском» Северо-Западном крае. Упрек молдаванам в том, что они не хотят говорить по-русски, Крушеван объявляет домислом: «молдаванин везде понимает русский и стремится к тому, чтобы его дети на нем также и говорили» (Бессарабец. 1898. № 190: 2). Но этот процесс языковой ассимиляции, по Крушевану, долгий и его нельзя форсировать: «Нужна смена не одного поколения для того, чтобы народ переродился – и слился не только душой, а и с внешней стороны». В то же время «слияние духовное», как представлялось Крушевану, уже произошедшее, гораздо важнее внешней ассимиляции. «Войдите в любую молдавскую избу, – говорил он, – и вы увидите там портреты Государя императора, а в некоторых и по два...». Причину такой «духовной русификации» Крушеван видит в том, что молдавский народ, переживший тяжелое турецкое иго, не способен более на борьбу за свое самостоятельное существование. Однако он никак не объясняет, что тот же самый народ по ту сторону Прута, находившийся даже дольше под османским управлением, все же сохранил достаточно «пассионарности» для создания собственного достаточно эффективного государства. Впрочем, предвидя подобное возражение, он дает намек на то, что с экономической точки зрения по ту сторону Прута народ живет так же, как и здесь, а государственный порядок и могущество России гарантируют ему даже больше, чем в Румынии. Но главная гарантия, которую, по его мнению, дает молдаванам Россия, – это «возможность мирного труда и исповедание своей религии» (Бессарабец. 1898. № 190: 2). За последним пассажем, вероятно, скрывалось расхожее в церковных и консервативных кругах Бессарабии представление о том, что в Румынии в результате модернизационных реформ второй половины XIX в. православие было искажено и «окатоличено».

Размышления о неспособности молдаван к государственному строительству и вредности таких стремлений следует интерпретировать в том же контексте, в котором Крушеван воспринимал сионизм. Борьба за независимость, даже если она заканчивается успехом, создает нечто новое, и это новое отличается от того, что было изначально, не в лучшую сторону. Для небольшого народа большим благом будет ассимиляция, «слияние» с крупным государственным организмом. Молдаване, добровольно избравшие путь ассимиляции, могут служить примером для населения других окраин, и, возможно, для евреев.

Но если народ находился на стадии «духовного слияния» с Россией, то молдавские элиты продвинулись в деле ассимиляции еще дальше. Образованные классы общества, по словам Крушевана, «состоят на государственной службе, участвуют в разных сферах русской государственной деятельности и, что любопытнее всего, не только не умеют писать по-румынски, но даже позабыли большею частью говорить на этом языке» (Бессарабец. 1898. № 190: 3). С представителями молдавского дворянства и немногочисленной на тот момент интеллигенции Крушеван, безусловно, был знаком лучше всего. Вероятно, этот образ «почти русского», об отличии которого от «коренных русских» говорит только родословная, в который вписывался и сам Крушеван, он пытался спроецировать на всех бессарабских молдаван.

В тексте статьи Крушеван постоянно делает акцент на том, что Бессарабия – «самая мирная, самая православная и самая преданная интересам России окраина» империи; этот тезис он повторяет несколько раз, и неоднократно будет тиражировать в дальнейшем. Более того, в грядущую эпоху публичности он станет политическим *credo* практически всех бессарабских правых публицистов, общественных деятелей и политиков. Отчасти это представление не было лишено основания. Крушеван сравнивает Бессарабию с Польшей, западными окраинами, Финляндией и Кавказом и приходит к выводу, что нигде за такой промежуток времени (86 лет с 1812 г.) не было такого общественного спокойствия и примеров «слияния» окраины. Примечательно также, что Крушеван вообще в своих текстах, посвященных «молдавскому вопросу», старался избегать терминов «румыны»

и «молдаване», а говорил о них, используя нейтральный термин «бессарабцы» или описательные конструкции вроде «бессарабские крестьяне», «население Бессарабии» и т.д.

В заключении своей статьи Крушеван приходит к выводу, что письмо Мурузи – это очередная попытка отвлечения внимания петербургской публики и властей от истинных окраинных проблем, поводом к чему на сей раз был выбран «несуществующий» бессарабский вопрос. Попутно он обвиняет «Санкт-Петербургские ведомости» в полонофильстве и нежелании признавать угрозу католического фанатизма на западных окраинах, а главное поднимать волновавший Крушевана больше всего «проклятый еврейский вопрос» (Бессарабец. 1898. № 190: 3).

Позиция Крушевана по молдавскому вопросу, выраженная в фельетоне «Оставьте нас в покое!», в том или ином виде повторялась и в других его текстах, касавшихся бессарабских молдаван. Даже в 1906 г., когда на сцену выйдет молдавское национальное движение, он будет, опираясь на тот же набор верноподданнических аргументов, доказывать, что это движение не имеет ничего общего с народом и его интересами, а за его спиной стоят «враги», которые были не кем иными, как евреями (Друг. 1906. № 138: 2). Однако в «Бессарабце» публиковались и статьи, несколько противоречившие благостной картине «слияния», которую рисовал Крушеван. Например, статья некоего Z «Что дает русская школа молдаванам?». В отличие от Крушевана ее автор признавал Бессарабию именно «инородческой окраиной», далекой от культурного слияния с остальной Россией. Автор прямо увязывал степень культурности и развития той или иной окраины с распространением русского языка. Но в Бессарабии, по его мнению, «приобщение к культуре» шло медленно. Молдаване едва понимают русскую речь, а если в селе найдется человек, способный свободно говорить по-русски, то он вовсе не выпускник русской школы, а бывший солдат, или фабричный рабочий. Именно они на самом деле несут в Бессарабию культуру. На перспективы изменения такого положения вещей автор статьи смотрел с пессимизмом (Бессарабец. 1902. № 228: 1-2).

4. Заключение

Газета «Бессарабец», издававшаяся П.А. Крушеваном, неординарной личностью, внесшей огромный вклад в формирование право-монархической и черносотенной идеологии, представляет собой важный и во многом недооцененный источник по истории консервативной мысли на западных окраинах. За время издания газета претерпела значительную эволюцию, основной тенденцией которой была радикализация. Хотя «Бессарабец» существовал в условиях предварительной цензуры, в газете велась массивная и все более агрессивная антисемитская агитация, на которую цензура и местные власти предпочитали закрывать глаза.

По мере эволюции газеты все большее место на ее страницах занимал еврейский вопрос, рассматриваемый Крушеваном в двух плоскостях: морально-философской и экономической. Непринятие христианства выступало для Крушевана поворотным моментом истории евреев, предопределившим начало «аномального» развития этого народа, связанного «с верой во всемогущие капиталы». С отходом Крушевана в 1903 г. от непосредственного издания «Бессарабца» «теоретический» антисемитизм стал уступать место бытовому. Это совпало с кишиневским погромом в апреле 1903 г., в разжигании которого ряд современников обвиняли газету и ее издателя.

Публикации на молдавскую тематику в «Бессарабце» были относительно редкими и появлялись, как правило, по случаю полемики с петербургскими публицистами. Крушеван постулировал факт «духовного обрусения» молдаван. Но при этом он выступал против форсирования «внешней», в первую очередь языковой русификации. В публикациях по молдавскому вопросу, увидевших свет на рубеже XIX и XX вв., можно выявить зачатки тех элементов дискуссии между молдавскими националистами и русскими «охранителями», которые в полной мере проявятся после 1906 г. уже в контексте выхода на политическую сцену молдавского национального движения.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации проекта РНФ 22-28-01912 «Мягкая сила империи: неконфликтные формы и практики интеграции западных регионов России в 1881–1904».

Литература

- Бессарабец** – *Бессарабец*, газета. Кишинев, 1897–1899, 1902–1903.
- Бессарабец (Мальская)** – *Бессарабец*, газета (изд. А.Я. Мальская). Кишинев, 1905.
- Гром, 2015** – *Гром О.А.* Дебаты о «молдавском сепаратизме» в период между первой русской революцией и столетним юбилеем присоединения Бессарабии к России (1907–1912 гг.) // *Славянский альманах*. 2015. № 3-4. С. 87-104.
- Гром, 2019** – *Гром О.А.* Между православием и русификацией: Бессарабские архиереи конца XIX – начала XX в. и их молдавская паства // *Новое прошлое*. 2019. № 2. С. 146-167.
- Друг** – *Друг*, газета. Кишинев, 1905, 1906.
- Крушеван, 2015** – *Крушеван П.А.* Знамя России / Сост., предисл., коммент. Д.И. Стогов; под ред. О.А. Платонова. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 720 с.
- Морозан, 2018** – *Морозан В.В.* Бессарабия и ее дворянство в XIX – начале XX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 2. 592 с.
- Одесский листок** – *Одесский листок*, газета. Одесса, 1912.
- Слуцкий, 1930** – *Слуцкий М.Б.* В скорбные дни. Кишиневский погром 1903 года. Кишинев: Тип. М. Авербуха, 1930. 119 с.
- Топилина, 1987** – *Топилина В.М.* Легальная печать Молдавии 1905–1907 гг. о первой русской революции. Кишинев: Штиинца, 1987. 63 с.
- Трубецкой, 1989** – *Трубецкой Б.А.* Из истории периодической печати Бессарабии. (1854–1916 гг.). Кишинев: Штиинца, 1989. 271 с.
- Шорников, 2011** – *Шорников И.П.* П.А. Крушеван и национальный вопрос в России: Молдаванин или русский националист? // *Вестник РУДН. Серия: История России*. 2011. № 1. С. 93-106.
- Colesnic, 2000** – *Colesnic Iu.* Basarabia necunoscută. Vol. III. Chişinău: Museum, 2000. 300 p.
- Presa basarabeană, 2002** – *Presa basarabeană de la începuturi pînă în anul 1957*. Catalog. Chişinău: Poligraf, 2002. 480 p.

References

- Bessarabets** – *Bessarabets*, gazeta [Bessarabets, newspaper]. Kishinev, 1897–1899, 1902–1903. [in Russian]
- Bessarabets (izd. A.Ya. Mal'skaya)** – *Bessarabets*, gazeta (izd. A.Ya. Mal'skaya) [Bessarabets, newspaper (Ed. A.Ya. Malskaya)]. Kishinev, 1905. [in Russian]
- Colesnic, 2000** – *Colesnic, Iu.* (2000). Basarabia necunoscută [Unknown Bessarabia]. Vol. III. Chişinău: Museum, 300 p. [in Romanian]
- Drug** – *Drug*, gazeta [Drug, newspaper]. Kishinev, 1905, 1906. [in Russian]
- Grom, 2015** – *Grom, O.A.* (2015). Debaty o «moldavskom separatizme» v period mezhdru pervoi russkoi revolyutsiei i stoletnim yubileem prisoedineniya Bessarabii k Rossii (1907–1912 gg.) [Debates on “Moldovan separatism” between the First Russian Revolution and the celebration of 100 Years of Besarabia’s ceding to Russia (1907–1912)]. *Slavjanskij al'manah*. 3-4: 87-104. [in Russian]
- Grom, 2019** – *Grom, O.A.* (2019). Mezhdru pravoslaviem i rusifikatsiei: Bessarabskie arkhieerei kontsa XIX – nachala XX v. i ikh moldavskaya pastva [Between Orthodoxy and Russification: Bessarabian bishops of the late 19th and early 20th centuries and their flock]. *Novoe proshloe*. 2: 146-167. [in Russian]
- Krushevan, 2015** – *Krushevan P.A.* (2015). Znamya Rossii [Banner of Russia]. Sost., predisl., komment. D.I. Stogov; pod red. O.A. Platonova. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 700 p. [in Russian]
- Morozan, 2018** – *Morozan, V.V.* (2018). Bessarabiya i ee dvoryanstvo v XIX – nachale XX v. [Bessarabia and its nobility in the 19th and early 20th centuries]. Vol II. SPb.: Dmitrii Bulanin, 592 p. [in Russian]
- Odesskii listok** – *Odesskii listok*, gazeta [Odesskii listok, newspaper]. Odessa, 1912. [in Russian]
- Presa basarabeană, 2002** – *Presa basarabeană de la începuturi pînă în anul 1957*. Catalog. [Bessarabian press from the beginning to 1957. Catalogue]. Chişinău: Poligraf, 2002. 480 p. [in Romanian]

Shornikov, 2011 – *Shornikov, I.P.* (2011). P.A. Krushevan i natsional'nyi vopros v Rossii: Moldavanin ili russkii natsionalist? [P.A. Krushevan and national question in Russia: Moldovan or Russian nationalist?]. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*. 1: 93-106. [in Russian]

Sluckii, 1930 – *Sluckii, M.B.* (1930). V skorbnye dni. Kishinevskii pogrom 1903 goda [In sorrowful days of the Kishinev pogrom of 1903]. Kishinev: Tip. M. Averbukha, 119 p. [in Russian]

Topilina, 1987 – *Topilina, V.M.* (1987). Legal'naya pechat' Moldavii 1905–1907 gg. o pervoi russkoi revolyutsii. [Legal press of Moldavia in 1905–1907 about the First Russian Revolution]. Kishinev: Shtiintsa, 63 p. [in Russian]

Trubetskoi, 1989 – *Trubetskoi, B.A.* (1989). Iz istorii periodicheskoi pechati Bessarabii. (1854–1916 gg.) [From the history of periodical press of Bessarabia (1854–1916)]. Kishinev: Shtiintsa, 271 p. [in Russian]

Национальный вопрос в Бессарабии на страницах газеты «Бессарабец», 1897–1905 гг.

Олег Андреевич Гром ^{a, b, *}

^a Южный федеральный университет, Российская Федерация

^b Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются публикации газеты «Бессарабец», посвященные национально проблематике. Газета «Бессарабец» издавалась в Кишиневе с 1897 по 1905 гг. публицистом и общественно-политическим деятелем крайне правого направления П.А. Крушеваном, являясь при этом единственной частной газетой в губернии. За девять лет издания ее направление эволюционировало от умеренного до праворадикального и антисемитского. Важное место в издании уделялось еврейскому вопросу, который Крушеван рассматривал как совокупность морально-этических и религиозных предпосылок, приведших к «еврейскому засилью» в сферах торговли, промышленности и печати в губерниях черты оседлости. Идеальное решение еврейского вопроса он видел в добровольной ассимиляции и христианизации евреев, однако в реальность такого сценария он не верил. На страницах газеты освещался и молдавский вопрос. Будущее молдаван Крушеван видел также в русификации, причем «духовное слияние» их с русскими он считал уже свершившимся фактом. Однако не все корреспонденты газеты разделяли это мнение. При этом Крушеван выступал противником форсирования «внешней», т.е. языковой русификации.

Ключевые слова: Бессарабия, газета «Бессарабец», периодическая печать, национальный вопрос, П.А. Крушеван, молдаване, евреи, антисемитизм.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gromescu@gmail.com (О.А. Гром)

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2023. 14(2): 69-77

DOI: 10.13187/rs.2023.2.69
<https://rs.cherkasgu.press>

The Russian Nation and Its Ethnic Groups in the Late 19th – First Quarter of the 20th Century: Historical and Demographic Analysis

Sergei A. Kropachev ^{a, *}

^a Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article deals with the ethnic groups of Russians of the late 19th – first quarter of the 20th century. The author divides all local groups of Russians into ethno-territorial, ethno-class, ethno-confessional and ethnographic. They were formed in the context of the development of territorial-economic and historical-cultural clusters: Southern and Central Russian, Northern Russian, Siberian, Far Eastern and Central Asian. Subethnic groups of Russians had to adapt to different climatic conditions, perceive the way of life and a new type of economy management, elements of the material culture of the aboriginal peoples. The degree of proximity to the latter was different, from self-isolation to close contacts and the conclusion of mixed marriages. At the same time, as a rule, Russians retained their language, cultural elements, ethnic identity and other basic values. The article presents demographic indicators of local groups of Russians of the late 19th – first quarter of the 20th century.

Keywords: Russian ethnos, ethnogenesis, ethnic groups, subethnic identity, Russia, RSFSR, late 19th – first quarter of 20th century.

1. Введение

Этногенез русской нации – явление сложное и многообразное, насчитывающее не менее тысячи лет. Базовые этнические ценности формировались в процессе расселения славян в Восточной Европе в X–XIII вв., а также в ходе освоения новых территорий в XV–XVIII вв., расширения границ Русского централизованного государства, вхождения в него десятков этносов и субэтносов, государственных образований.

К концу XIX – началу XX в. процессы аккультурации и этнической ассимиляции стабилизируются и замедляются. К русскому языку, культуре и ментальности обращается часть народов, проживавших длительное время на сопредельных с русскими территориях в условиях полиэтничности. В начале 1920-х гг., впервые за более чем два столетия истории России, русские стали составлять большинство населения страны (Поляков, 1986: 154). По Всесоюзной переписи населения 1926 г. в республике проживало 74 072 096 русских, или 73,61 % от общего числа жителей (Всесоюзная перепись 1926: 38, 41). Завершаются процессы формирования русской нации, русского этноса, который становится более цельным, однородным, а культурные, языковые, религиозные и иные отличия русских нивелируются, но не исчезают.

2. Материалы и методы

Настоящая статья о субэтнических группах русского народа носит обобщающий, системный характер. Выделяются локальные группы русских по территориальной,

* Corresponding author

E-mail addresses: rektor@eipk.info (S.A. Kropachev)

сословной и конфессиональной принадлежности. Автор поясняет отличия этнической и этнографической групп. Одновременно одна и та же этническая группа может быть отнесена, например, к территориальной и сословной группам. Важнейшими источниками для характеристики русского этноса и его субэтнических групп в исторической динамике являются Всесоюзная перепись населения 1926 г. и Всероссийская перепись населения 2010 г. Первая, по оценкам специалистов, являлась наиболее полной и объективной переписью советского периода. Она учла все имевшиеся на тот момент этносы и этнические группы, даже малочисленные. Вторая «вернула» из забвения этносы, которые «исчезли» в недрах советской статистики, но не исчезли из жизни. Автор прослеживает судьбу некоторых этнических групп русских за почти сто лет (1926–2010 гг.), которые сохранили принадлежность не только к великой русской нации, а также к определенному субэтносу. Последние, как правило, обладают устойчивым субэтническим самосознанием, оригинальной культурой, специфическим укладом хозяйствования. К таким этническим группам относятся, например, казаки, камчадалы, поморы.

Наличие субэтнических групп делает русский этнос разнообразным, ярким, неповторимым. С другой стороны, имеются попытки искусственно возродить ту или иную субэтническую группу. Как правило, они не имеют исторической перспективы. Длительное время существуют в основном те локальные группы, которые имеют глубокие исторические корни, отличаются особым менталитетом и элементами духовной и материальной культуры.

3. Обсуждение и результаты

Большое количество этнических групп возникает в ходе экспансии, освоения новых территорий, когда «передовые отряды» забегают вперед или уходят в сторону от основных сил. Им приходится адаптироваться в иных, иногда суровых климатических условиях, воспринимать быт и новый тип хозяйствования, элементы материальной культуры аборигенных народов. Степень близости к ним бывает разной. Одни этнические группы русских в силу религиозных (например, старообрядцы) и иных причин самоизолировались, не смешивались с другими народами, сохраняли «чистоту расы» и поддерживали только эндогамные брачные связи (колымчане, марковцы, русско-устыинцы и др.). Представители других охотно шли на тесные контакты с местным населением, заключали смешанные браки, и ассимиляционные процессы в меньшей степени сдерживались религиозными или иными институтами общественного контроля (казачество, камчадалы, каменщики и др.). Особенно много смешанных браков, метисов было в Якутии, Забайкалье и затундренной зоне (Русские, 1999: 114). Казаки охотно брали в жены представительниц иных этносов из-за специфики образа жизни и бытового уклада. На Дону ребенка, который родился от казака и иноземки, называли болдырем—(Большой толковый словарь, 2003: 49). Фамилии, производные от этого корня, широко сегодня распространены на Дону и Кубани. Казачество перенимало у соседних народов обычаи, традиции, предметы материальной культуры, например, от кавказских народов – куначество, военную одежду (черкеска) и др. При этом русские сохраняют свой язык, элементы культуры, этническое самосознание и другие базовые ценности. У крупных народов в большинстве случаев есть этнические группы, проживающие на территории страны (стран), где обитает большая часть «своей» (как правило, титульной) нации, или за рубежом.

Все локальные группы русских, которые сформировались за сотни лет, можно разделить на: 1) этнотерриториальные; 2) этносословные; 3) этноконфессиональные и 4) этнографические (Русские, 1999: 107-123; Бузин, Егоров, 2008: 308-346).

1. Этнотерриториальные группы.

Самые многочисленные локальных групп русских – этнотерриториальные. Этнотерриториальные группы – часть этноса, отделившаяся от него в результате, как правило, миграций или депортаций, но сохраняющая этническое самосознание, веру, язык и частично культуру. Проживая в иных климатических и природных условиях, члены этнотерриториальной группы вынуждены адаптироваться в новых условиях и воспринимать у аборигенных народов (народа) элементы материальной культуры, хозяйственной и бытовой жизни. Это помогает им выжить, нередко в суровых условиях, и успешно осваивать новые виды занятий и промыслов. Подвергаясь ассимиляции, они сохраняют базовые

ценности, которые характеризуют «материнский» этнос, прежде всего, его фундаментальные отличительные признаки.

Этнотерриториальные группы русских формировались в условиях развития территориально-хозяйственных и историко-культурных кластеров (сфер). Их выделяется пять: 1) южный и центрально-русский; 2) севернорусский; 3) сибирский; 4) дальневосточный и 5) среднеазиатский кластеры.

Некоторые группы (однодворцы, саяны, ягуны, гагары и др.) одновременно можно отнести к этнотерриториальным и этносословным локальным образованиям.

1. Южный и центральнорусский кластер:

– *Полехи, горюны, саяны, северюки, карамыши, цуканы* – группы автохтонного южнорусского и среднерусского населения, проживавшие в заокских регионах Дикого поля, и частично сохранившиеся в ходе монголо-татарского нашествия и ордынского владычества.

– *Мещёра (мещёры)* ([Народы России, 1994: 284](#)), *корелы, ляхи, паны* – группы иноэтничного происхождения, переселившиеся в междуречье Оки и Волги, и ассимилированные русскими.

– *Однодворцы* – в XIX в. подразделялись на *галманов, ионков, коннозаводских крестьян*. Потомки военно-служилых людей низших разрядов конца XVI – начала XVII в., переселившиеся на южнорусские земли. Заняли социальную лакуну между крестьянами и мелкими помещиками. Имелись народные, иногда обидные, прозвища однодворцев – «индюки», «талагаи», «щекуны» и др. ([Русские, 1999: 112](#)).

– *Ягуны, кагуны, мананки, поляне, мамоны* – группы помещичьих, монастырских, государственных крестьян, имевшие сложный этногенез, и проживавшие в центральных губерниях России (Воронежская, Орловская, Калужская, Тульская и др.).

– *Кацкари* – группа, проживавшая в современной Ярославской области, историческом районе, известном, начиная с XVI в., как Кацкий стан.

2. Северный кластер:

– *Поморы* – потомки древних новгородцев и населения Ростовско-Суздальской земли, расселившихся, начиная с XII в., по берегам Белого и Баренцева морей. Выработали свой тип северного приморского хозяйства (рыболовство, морская охота, мореходство и др.).

– *Сицкари* – группа, проживавшая в Ярославской губернии. Появилась вследствие ростовско-суздальского освоения Русского севера начиная с XIV в.

– *Тудовляне* – группа, проживавшая в Тверской губернии, по р. Туд, близкая по происхождению к белорусам.

– *Ягутки, гагары* – группы, проживавшие в Новгородской и Вятской губерниях, и происходившие из бурлаков.

– *Кокшары* – группа, проживавшая в бассейне реки Кокшеньга, Вологодской губернии.

3. Сибирский кластер:

Все группы русских, проживавших в Сибири в конце XIX – первой четверти XX в., условно можно разделить на «сибиряков» и «российских» ([Русские, 1999: 114-115](#)):

– «Сибиряки» – потомки первопроходцев конца XVI – XVIII в., первой волны русской колонизации Сибири. Выходцы как правило, с Европейского Севера и Северного Приуралья, сохранившие основные элементы севернорусской культуры.

– «Российские» или «новоселы» – переселенцы XIX в. из центральных и южнорусских губерний России. Численно преобладали над «сибиряками».

По этнотерриториальному признаку русские, проживавшие в Сибири, делились на следующие группы:

– *Усть-оленёкские, усть-янские, верхоянские, усть-елонские* – группы русских, проживавших в Якутии, частично ассимилированные коренными народами.

– *Нижнеколымчане, среднеколымчане (походчане)* – группы русских, проживавших на р. Колыма, имевшие ограниченные контакты с местным населением, умножившиеся за счет ссыльных.

– *Русско-устынцы (индигирцы, или индигирцики), марковцы (анадырцики, или анадырцы)* – автономные группы русских, сохранивших свой язык и культуру, проживавшие в селах Русское Устье на Индигирке и Марковка в устье Анадыря: ([Большая Российская энциклопедия, 2004: 182](#)).

– *Якутяне (ямщики, или ленские старожилы)* – группа русских, жителей ямщицких селений по р. Лена.

– *Затундренные крестьяне* – группа русских, проживавших по р. Дудинка и р. Хатанга, ассимилированные якутами.

– *Гижигинцы* – группа русских, потомков казаков, купцов, разночинцев, которые в XVII в. в устье р. Гижига, впадающей в Охотское море, основали город Гижигинск. Русское население имело тесные контакты с аборигенами, были распространены смешанные браки (с якутами, коряками и др. ([Большая Российская энциклопедия, 2004: 182](#))).

– *Амгинцы* – потомки русских первопроходцев и якутов, проживавших с XVIII в. в слободе (затем, селе) Амга, в Якутии, на восточном берегу р. Лена.

4. Дальневосточный кластер:

– *Камчадалы* – группа русских, потомков казаков, крестьян и коренных жителей Камчатки ительменов. Их по переписи 1926 г. насчитывалось 4217 человек ([Всесоюзная перепись 1926: 39](#)).

– *Албазинцы* – потомки казаков – первопроходцев, которые в XVII в. основали Албазинский острог на границе с Китаем, на реке Амур. Были распространены смешанные браки.

5. Среднеазиатский кластер:

– *Уральцы* – потомки уральского (яицкого) казачества, переселенные в XVIII в. после разгрома Пугачевского восстания. Проживали по рекам Амударья и Сырдарья. В последующие периоды переместились на территорию Юга Казахстана и всей Средней Азии. Являлись старообрядцами ([Русские, 1999: 117](#)).

II. Этносословные группы.

Этносословные группы – часть русского и украинского этносов, именовавшиеся казаками, сложившиеся как специфическое военно-служилое сословие, отличавшееся не только особым социальным статусом, но и самобытной культурой, традициями, конфессиональной принадлежностью, особенностями хозяйственного уклада, бытовой жизни и наличием значительного количества диалектов. Славянские корни казачества не подлежат сомнению. В составе большинства казачьих сообществ доминировали славянские этносы – около 95 %. Но подпитывались они и представителями народов Кавказа, Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Сибири и Дальнего Востока (калмыки, ногаи, татары, кумыки, чеченцы, армяне, башкиры, мордва, туркмены, буряты и др.).

Казаки являлись самыми яркими и многочисленными группами русского этноса, которые отличались по сословному признаку. Как известно, в России в XVIII – начале XX в. казачество являлось военно-служилым сословием, а казаки представляли собой не только воинов, служилых людей, но и сельских тружеников. Накануне революции 1917 г. существовало 11 казачьих войск – Амурское, Астраханское, Донское, Забайкальское, Кубанское, Оренбургское, Семиреченское, Сибирское, Терское, Уральское и Уссурийское. Таким же статусом обладали Иркутский и Енисейский конные полки, ставшие отдельными войсками в 1917 г. В систему казачьих войск входил Якутский отдельный казачий полк.

По состоянию на 1913 г. в казачьих войсках имелось 9 млн человек, из которых 4 млн., или 46%, относились к войсковому сословию. Самыми крупными были Всевеликое войско Донское и Кубанское казачье войско, в которых насчитывалось 2,6 млн человек только служилого сословия ([Энциклопедия кубанского казачества, 2011: 194](#); [Русские, 1999: 123](#)). Казачье происхождение также имели некоторые другие этнические группы.

1. Казаки, члены казачьих войск России и их потомки: донские, кубанские, оренбургские, забайкальские, терские, сибирские, уральские (бывшие яицкие), амурские, семиреченские (вышли из уральских (яицких) казаков, поселившихся в XIX в. в Восточном Казахстане и Северной Киргизии), астраханские, уссурийские, енисейские, якутские (входили в Якутский отдельный казачий полк).

2. Казачьи этнические группы:

– *Некрасовцы* – группа донских казаков, которые под предводительством атамана Игната Некрасова, после разгрома Булавинского восстания, ушли с Дона на Правобережье Кубани, входившую в состав Крымского ханства. Первые группы некрасовцев эмигрировали в Турцию в 1708 г. Основная масса некрасовцев оставалась на Кубани до 1770-х гг., потом также эмигрировала в Османскую империю. В изгнании они провели более 250 лет.

Некрасовцы начали возвращаться на родину в 1910–1920-х гг. На Кубани они основали хутор Ново-Некрасовский. Последние группы вернулись в 1962 г. и поселились в Ставропольском крае (поселки Кумская долина и Новокумский) ([Энциклопедия кубанского казачества, 2011: 304](#)).

– *Новосильские казаки* проживали в Тульской губернии. Имели сложный этногенез и происходили из потомков служилых людей XVI–XVII вв., казаков, стрельцов, пушкарей.

III. Этноконфессиональные группы.

Этноконфессиональные группы – общности, возникающие при тесном соприкосновении этноса или его части с конфессией другого народа, живущего на смежных территориях, или принудительном обращении части этноса в другую религию (конфессиональное обособление). Так, христианизация части татарского этноса привела к появлению в его составе этноконфессиональной группы «кряшены» (крещенные татары) и самостоятельного этноса «нагайбаки». Но не всегда принудительное конфессиональное обособление приводит к появлению этноконфессиональных групп. Например, обращение в христианство аборигенных этносов российского Севера, Сибири и Дальнего Востока не имело таких последствий. Эти народы, приняв христианство, сохранили основные элементы язычества и веру в духов природных явлений, стихий и животных (широкое распространение имели анимизм, шаманизм, тотемизм и др.).

Конфессиональные группы русских так же, как и этнотерриториальные, отличались многообразием. Их можно разделить на старообрядцев, сформировавшихся в православии в XVII в. в результате церковной реформы патриарха Никона, и сектантов.

Существовали три направления раскольников: поповщина, беспоповщина, часовенные старообрядцы. Они делились на многочисленные течения – толки и согласия ([Русские, 1999: 110](#)).

1. Поповщина (поповские толки): беглопоповцы, белокриницкая церковь, заволжские старообрядцы, бухтарминцы (каменщики), «поляки», семейские Забайкалья, кержаки, липоване-дунаки (проживали за границей (Румыния, Болгария), частично вернулись на Родину в середине XX в. вместе с казаками-некрасовцами или под именем последних) ([Энциклопедия кубанского казачества, 2011: 304](#)).

2. Беспоповщина (беспоповские толки): поморский (даниловцы), филипповский, федосеевский, бегунский (страннический), кулугуры.

3. Часовенные старообрядцы. Существовало несколько согласий (школ) по именам основателей – духовных наставников.

В количественном отношении старообрядцев было относительно немного. В конце XIX в. среди населения северных губерний они составляли: в Архангельской – 1,8 %, Вологодской – 0,58 %, Вятской – 3,17 %, Костромской – 2,81 %, Новгородской – 2,24 %, Олонецкой – 0,81 %, Пермской – 7,17 %, Псковской – 3,17 %, С-Петербургской – 0,94 % от общего числа населения ([Русские, 1999: 111](#)).

Ряд этнических групп русских, не затронутых старообрядчеством (раскольниковством), были подвержены влиянию сектантства, религиозных объединений, находившихся в оппозиции к Русской православной церкви. Сектантство в конце XVII – XIX в. было распространено в центральных и южных губерниях, Крыму, на Северном Кавказе, в Закавказье и Сибири. Назовем наиболее известные секты, некоторые из которых также имели свои течения (толки):

1. Хлысты – были распространены у донских казаков, откуда перешла в центральные губернии России.

2. Субботники – известны с конца XVII – начала XVIII в. в центральных губерниях, у помещичьих крестьян.

3. Духоборцы – идеи были распространены с середины XVIII в. у государственных крестьян Воронежской губернии. Преследовались властями. Течение в последующие годы распространилось в Малороссии, Закавказье, Сибири и Дальнем Востоке.

4. Молокане – течение известно с 1860-х гг. среди крестьян Тамбовской губернии. Затем оно распространилось на Северном Кавказе, Крыму, Закавказье, Дальнем Востоке. Много молокан власти выслали в Сибирь. Наиболее крупные толки молокан: «донской» и «прыгуны» ([Русские, 1999: 112](#)).

5. Штундисты – секта, распространенная с начала XIX в. в Сибири, Тобольской и Томской губерниях. Как молокане и духоборцы, преследовались властями.

Старообрядцы и сектанты в Европейской России к середине XIX в. насчитывали 759 880 человек (из 74 271 205 человек всего населения России), на Кавказе – 52 814 человек (Русские, 1999: 113).

По данным 1869 г. в Западной Сибири проживал 49 261 раскольник из 2 743 157 человек, населявших регион. Все они относились к беспоповским толкам (Русские, 1999: 115).

IV. Этнографические группы.

Этнографическая группа – часть народа, возникающая при значительном расширении этнической территории (экспансии, освоении новых земель и др.) и отличающаяся отдельными элементами культуры, быта и языковыми особенностями (наличие диалектов, говоров, наречий) Этнографические группы могут быть также рудиментом не до конца исчезнувших этнических групп. В этом случае они существуют длительное время и проявляют себя в культурной и религиозной жизни (фольклорные ансамбли, религиозные общины, культурные автономии и др.). С другой стороны, этнографические группы с течением времени могут приобрести новые, существенные элементы «материнского» этноса и трансформироваться в полноценную этническую группу (русско-устыинцы, марковцы, поморы и др.).

Ниже будут представлены этнографические группы русских, которых нельзя отнести к территориальным, религиозным или сословным сообществам. Они, как правило, представляют собой следы исчезающих или исчезнувших полноценных этнических групп. Своеобразие еще присутствует в образе жизни, элементах материальной и духовной культуры, языковых особенностях, но они уже ассимилированы окружающим народом (народами) или, наоборот, становятся «полноценными» русскими.

К таким группам, которые существовали еще в конце XIX – начале XX в. можно отнести:

1. *Усть-цилёмы (усть-цилёмцы), пустозёры, ильменские поозеры* – группы, близкие к поморам. Начиная с XIV–XVI вв. территориальные группы на Русском Севере долго именовались географическими терминами (*белозеры, вычегодцы, онежане, двиняне, устюжане* и др.).

2. *Водлозеры, выгозеры, заонежане* – группы русских, переселившиеся в Карелию, начиная с XVI в., и сохранявшие длительное время свою самобытность, несмотря на смешение с аборигенным населением.

3. *Гураны, кударинские русские* – группы русских Забайкалья. Гураны являлись потомками русских мужчин и эвенкийских (тунгусских) женщин, кударинские русские – русских и буряток.

4. *Челдоны (чалдоны, чолдоны)* – потомки первых сибирских переселенцев XVI–XVII вв. с особым менталитетом, ценившие прежде всего волю и интересы общины. По одной из версий, были выходцами с Дона, где проживали по рекам Чалка и Дон.

На настоящий момент большинство субэтносов прекратили свое существование, соединившись с материнским этносом. Но и сегодня существуют отличия одних русских от других, живущих в разных регионах одной страны. Они различаются по говорам, фольклору, обрядам жизненного цикла, особенностям менталитета, структуре питания, разным представлениям о качестве жизни и приоритетах духовных ценностей и др.

Но некоторые субэтноты живы до сих пор. Об этом, в частности, говорят переписи населения. По Всероссийской переписи населения 2010 г., указывая свою национальность, некоторые русские обратили внимание и на принадлежность к этнической группе: буртасы, ведрусы, горюны, горяне, гураны, духоборы, дырники, затундренные крестьяне, индигирцы, карымы, кержаки, колымчане, красноверцы, кулутуры, липоване, молокане, нууча, обские старожилы, русско-устыинцы, семейские, сибиряки, скобари, смоляки, староверы, тютнярцы, чалдоны, челдоны, якутяне.

Очень пестрая этническая картина. Большинство групп узнаваемы, и отродно, что эти названия и не только живы в сознании потомков. Правда, есть и весьма реликтовые группы, например, скобари. Это даже не группа, а собирательное разговорное название жителей Пскова и Псковщины, которое давно устарело.

Обратим внимание, что в названии некоторых этнических групп раньше и теперь присутствует этноним «русские» как своеобразная этническая метка, знак принадлежности к великой нации. Например, русско-устыинцы, кударинские русские, русские поморы, русская мещёра, русские казаки и др.

Особняком в этом ряду стоят казаки, поморы и камчадалы, указанные отдельными строками. Они, по переписи 2010 г., насчитывали соответственно 67 533, 3113 и 1927 человек ([Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: 9-21](#)).

Во-первых, это говорит о наличии у этих групп глубоких исторических корней и стабильном субэтническом самосознании. На волне возрождения казачества в начале 1990-х гг. около 1 млн жителей Краснодарского края, т.е. каждый пятый, идентифицировали себя в качестве потомков казаков, заявили о своей принадлежности к казачьему сословию («казачьему роду»). Во-вторых, это стало следствием заботы государства о коренных малочисленных народах, народах, подвергшихся репрессиям. В частности, в отношении казачества была принята Федеральная целевая программа государственной поддержки казачьих обществ на 1999–2000-е гг., им выделялись земельные наделы, оказывалась широкая нормативно-правовая, организационная и экономическая помощь ([Бугай, 2022: 498-509](#)).

4. Заключение

Сегодня этническое разнообразие русских проявляется в многочисленных диалектах, говорах, наречиях, фольклоре, обрядах, обычаях, традициях, разнообразной духовной и материальной культуре ([Кропачев, 2022: 118-119](#)). В том числе в этих элементах отражается история русского этноса и его многочисленных субэтносов. Они говорят о сложном, длительном пути сотен народов, этнических групп к единой нации, обладающей общерусским самосознанием, великим русским языком, являющимся языком межнационального общения во многих странах, уникальной историей и культурой.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в соответствии с Планом научной работы Центра изучения истории территории и населения Института российской истории РАН.

Литература

[Большая Российская энциклопедия, 2004](#) – Большая Российская энциклопедия: В 30 т. Том «Россия». М.: Большая Российская энциклопедия, 2004. 1007 с.

[Большой толковый словарь, 2003](#) – Большой толковый словарь донского казачества: Ок. 18 000 слов и устойчивых сочетаний. М.: ООО «Русские словари»; ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство Аст», 2003. 608 с.

[Бугай, 2022](#) – *Бугай Н.Ф.* Проблемы национальной политики Российской Федерации: состояние изучения, опыт регулирования этнических процессов (1990-е – 2015 гг.). М.: Аквариус, 2022. 696 с.

[Бузин, Егоров, 2008](#) – *Бузин В.С., Егоров С.Б.* Субэтноты русских: проблемы выделения и классификации // Малые этнические и этнографические группы: Сб. статей, посвященный 80-летию со дня рождения проф. Р.Ф. Итса / Под ред. В.А. Козьмина. СПб.: Новая Альтернативная Полиграфия, 2008. С. 308-346.

[Всесоюзная перепись населения 1926 г.](#) – Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XVII. Союз Советских социалистических республик. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1929. 111 с.

[Итоги Всероссийской переписи](#) – Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: В 11 т. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. 847 с.

[Кропачев, 2022](#) – *Кропачев С.А.* Этноты России по Всесоюзной переписи населения 1926 г.: справочно-информационное издание. М.: Директ-Медиа, 2022. 132 с.

[Народы России, 1994](#) – Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. 479 с.

[Поляков, 1986](#) – *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М.: Наука, 1986. 272 с.

[Русские, 1999](#) – Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 1999. 828 с.

[Энциклопедия кубанского казачества, 2011](#) – Энциклопедия кубанского казачества / Под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар: Традиция, 2011. 504 с.

References

[Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 2004](#) – Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya: V 30 t. Tom "Rossiya" (2004) [The Great Russian Encyclopedia: In 30 Vols. Vol. "Russia"]. M.: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1007 p. [in Russian]

[Bol'shoi tolkovyi slovar', 2003](#) – Bol'shoi tolkovyi slovar' donskogo kazachestva: Ok. 18 000 slov i ustoichivyykh sochetanii (2003) [Large Explanatory Dictionary of the Don Cossacks: About. 18,000 Words and Stable Combinations]. M.: OOO "Russkie slovari"; OOO "Izdatel'stvo Astrel"; OOO "Izdatel'stvo Ast", 608 p. [in Russian]

[Bugai, 2022](#) – *Bugai, N.F.* (2022). Problemy natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii: sostoyaniye izucheniya, opyt regulirovaniya etnicheskikh protsessov (1990-e – 2015 gg.) [Problems of National Policy of the Russian Federation: the State of Study, the Experience of Regulating Ethnic Processes (1990s – 2015)]. M.: Akvarius, 696 p. [in Russian]

[Buzin, Egorov, 2008](#) – *Buzin, V.S., Egorov, S.B.* (2008). Subetnosy russkikh: problemy vydeleniya i klassifikatsii [Subethnic Groups of Russians: Problems of Identification and Classification]. Malye etnicheskie i etnograficheskie gruppy: Sb. statei, posvyashchennyi 80-letiyu so dnya rozhdeniya prof. R.F. Itsa [Small Ethnic and Ethnographic groups. Collection of Articles Dedicated to the 80th Anniversary of the Birth of Prof. R.F. Itsa] ed. V.A. Koz'min. SPb.: Novaya Al'ternativnaya Poligrafiya, pp. 308-346. [in Russian]

[Entsiklopediya kubanskogo kazachestva, 2011](#) – Entsiklopediya kubanskogo kazachestva (2011) [Encyclopedia of the Kuban Cossacks] ed. V.N. Ratushnyak. Krasnodar: Traditsiya, 2011. 504 p. [in Russian]

[Itogi Vserossiiskoi perepisi](#) – Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 g.: V 11 t. T. 4. Natsional'nyi sostav i vladeniye yazykami, grazhdanstvo. Kn. 1 (2012) [Results of the All-Russian Population Census of 2010: In 11 vols. Vol. 4. National composition and language proficiency, citizenship. Book 1]. M.: IITs "Statistika Rossii", 847 p. [in Russian]

[Kropachev, 2022](#) – *Kropachev, S.A.* (2022). Etnosy Rossii po Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1926 g.: spravochno-informatsionnoe izdanie [Ethnoses of Russia According to the All-Union Population Census of 1926: Reference and Information Edition]. M.: Direkt-Media, 132 p. [in Russian]

[Narody Rossii, 1994](#) – Narody Rossii: Entsiklopediya (1994) [Peoples of Russia: Encyclopedia]. Ed. V.A. Tishkov. M.: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 479 p. [in Russian]

[Polyakov, 1986](#) – *Polyakov Yu.A.* (1986) Sovetskaya strana posle okonchaniya grazhdanskoi voyny: territoriya i naseleniye [The Soviet Country after the End of the Civil War: Territory and Population]. M.: Nauka, 272 p. [in Russian]

[Russkie, 1999](#) – Russkie [Russians]. Ed. V.A. Aleksandrov, I.V. Vlasova, N.S. Polishchuk. M.: Nauka, 1999. 828 p. [in Russian]

[Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g.](#) – Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g. T. XVII. Soyuz Sovetskikh sotsialisticheskikh respublik. Narodnost'. Rodnoi yazyk. Vostrast. Gramotnost' (1929) [All-Union Population Census of 1926, Vol. XVII. Union of Soviet Socialist Republics. Nationality. Native Language. Age. Literacy]. M.: Izdanie TsSU Soyuzu SSR, 111 p. [in Russian]

Русская нация и ее этнические группы в конце XIX – первой четверти XX в.: историко-демографический анализ

Сергей Александрович Кропачев ^{а, *}

^а Институт российской истории РАН, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: rektor@eipk.info (С.А. Кропачев)

Аннотация. Статья посвящена этническим группам русских конца XIX – первой четверти XX в. Все локальные группы русских автор разделяет на этнотерриториальные, этносословные, этноконфессиональные и этнографические. Они формировались в условиях развития территориально-хозяйственных и историко-культурных кластеров: южного и центрально-русского, севернорусского, сибирского, дальневосточного и среднеазиатского. Субэтническим группам русских приходилось адаптироваться к иным климатическим условиям, воспринимать быт и новый тип хозяйствования, элементы материальной культуры аборигенных народов. Степень близости к последним была разной, от самоизоляции до тесных контактов и заключения смешанных браков. При этом, как правило, русские сохраняли свой язык, элементы культуры, этническое самосознание и другие базовые ценности. В статье приводятся демографические показатели локальных групп русских конца XIX – первой четверти XX в.

Ключевые слова: русский этнос, этногенез, этнические группы, субэтническое самосознание, Россия, РСФСР, конец XIX – первая четверть XX в.

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2023. 14(2): 78-91

DOI: 10.13187/rs.2023.2.78
<https://rs.cherkasgu.press>

Problems of Soviet History in Modern Azerbaijani Historiography

Evgeny F. Krinko ^{a, b, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

The article deals with the understanding of Soviet history in modern Azerbaijani historiography. The main historiographical sources are generalizing and special works of modern Azerbaijani historians. The main attention was paid to: 1) the establishment of Soviet power in 1920, 2) general assessment of the Soviet period in the history of Azerbaijan, 3) anti-Soviet uprisings and political repressions, 4) economic and sociocultural transformations during the years of the Soviet power.

The author relies on the principle of historicism, considering the processes and events that took place and their reflection in historiographic sources, taking into account the observance of time sequence, in dynamics and in the general context of the development of modern historiography. The methods of logical and historiographic analysis, as well as comparative historical and problem-chronological methods have been applied during the research.

The rejection of a uniform Marxist paradigm in the Azerbaijani historical science is accompanied by a return to positivism and the emergence of conspiracy theories in explaining the past. Along with this, new themes and subjects have appeared in Azerbaijani historiography due to the expansion of the source base and the emergence of new approaches.

Keywords: Azerbaijani historiography, Azerbaijan SSR, G.A. Aliev, M.D. Bagirov, Sovietization of Azerbaijan, Soviet modernization, Soviet history.

1. Введение

Азербайджанская Республика – одно из наиболее динамичных государств на постсоветском пространстве, развитие которого закономерно вызывает внимание различных исследователей. Несомненный интерес представляет и историческая политика Азербайджана, призванная способствовать формированию национальной идентичности через создание общих для всей страны образов прошлого, специфика которой определяется не только объективными обстоятельствами и задачами, но и практиками их реализации. По словам азербайджанских историков Э.Р. Исмаилова и И.В. Нифталиева: «История должна соответствовать текущему моменту, иметь прообраз в достижениях прошлого, а любые возможные апелляции к прошлому должны находить удовлетворительное объяснение в новом историческом знании» (Исмаилов, Нифталиев, 2009: 202).

Значительную роль в выработке новых знаний о прошлом сыграла в последние три десятилетия азербайджанская историческая наука. В качестве наиболее крупных ее достижений выделяют такие обобщающие труды, как семитомную «Историю

* Corresponding author

E-mail addresses: krinko@ssc-ras.ru (E.F. Krinko)

Азербайджана» (*Azərbaycan tarixi, 1998–2003*), «Энциклопедию Азербайджанской Демократической Республики» (*Azərbaycan xalq, 2004–2005*), «Энциклопедию Нахчевана» (*Naхçıvan ensiklopediyası, 2005*), в которых «вполне определенно сложилось представление о многовековом развитии азербайджанской государственности» (*Исмаилов, Нифталиев, 2009: 203*). Ряд высказанных положений, в первую очередь, касающихся происхождения и расселения народов на Кавказе и их взаимоотношений, подвергается острой критике (см.: *Шнирельман, 2009, Туманян, 2018* и др.). В значительно меньшей степени исследователи обращаются к опыту осмысления советской истории в современной азербайджанской историографии (*Исмаилов, Нифталиев, 2009; Дарвай, 2015* и др.). Между тем, отношение к советскому прошлому приобретает немаловажное значение для понимания основных тенденций в развитии исторической науки и исторической политики в Азербайджане, особенно в контексте постколониальных дискуссий. Именно на советский период истории, охватывающий 70 лет с 1920 по 1991 гг., приходится наиболее длительное существование государственного образования, носившего название Азербайджана: первоначально – Социалистической Советской Республики Азербайджан, с 1936 г. – Азербайджанской Советской Социалистической Республики (далее – АзССР), сыгравшего весомую роль в самом формировании азербайджанцев как нации с собственным самосознанием. Переосмысление насыщенного самыми различными, в том числе и трагическими, событиями периода совместной истории различных народов страны имеет немаловажное значение и для дальнейших перспектив сотрудничества постсоветских государств в научной, историко-мемориальной и культурной сферах. А о стремлении и возможностях азербайджанской историографии представить свои позиции на постсоветском пространстве свидетельствуют уже издание и переиздание значительного количества работ на русском языке не только в Москве, но и в других городах, организация и проведение ряда крупных международных форумов, а также участие ее представителей в различных научных конференциях, в том числе и с докладами по советской истории.

2. Материалы и методы

Основными историографическими источниками выступают обобщающие и специальные работы современных азербайджанских историков, в которых рассматриваются вопросы советского прошлого. С учетом всей широты и многообразия данного круга вопросов, а также степени их изученности главное внимание уделяется следующим из них: 1) установлению советской власти, 2) общей оценке советского периода в истории Азербайджана, 3) антисоветским восстаниям и политическим репрессиям, 4) экономическим и социокультурным преобразованиям. Разумеется, это лишь небольшая часть сюжетов в области советской истории, которые рассматриваются в современной азербайджанской историографии. За рамками данной статьи остались многие другие вопросы, включая историю Великой Отечественной войны, которые требуют специального изучения.

Автор опирался на принцип историзма, рассматривая происходившие процессы и события и их отражение в историографических источниках с учетом соблюдения временной последовательности, в динамике и в общем контексте развития современной историографии. В исследовании применялись методы логического и историографического анализа, а также сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы.

3. Обсуждение и результаты

Для исторических трудов советского времени, посвященных АзССР, были характерны апология действительности, прославление существовавшего строя, замалчивание сложностей и проблем в жизни республики. Подчеркивалось, что только после октября 1917 г. и установления советской власти азербайджанский народ, освобожденный от гнета, впервые получил возможность для создания своей национальной государственности, под руководством коммунистической партии достиг значительных успехов в развитии экономики и культуры (*История Азербайджана..., 1963; Очерки истории, 1963; Пашаев, 1965; Гулиев, 1972, Великий Октябрь, 1977* и др.). Особо отмечались изменения в положении женщины, ее вовлечение в социалистическое строительство, ставшее следствием раскрепощения (*Султанова, 1964* и др.). В соответствии с существовавшими подходами АзССР рассматривалась как суверенное государство в составе СССР (*Шабанов, 1959; Мильман, 1971* и др.). Недолгой истории Азербайджанской Демократической Республики

(далее – АДР) уделялось немного внимания: она считалась буржуазным государством, а возглавлявшие ее члены партии «Мусават» подвергались острой критике, в том числе за сотрудничество с интервентами – турками и англичанами ([Гражданская война, 1983: 25](#)).

В зарубежной историографии XX в. данной теме, как и в целом истории национального вопроса и отдельных народов в СССР, отводилось периферийное место. В этом сказывалось как отсутствие доступных и информативных источников у большинства западных историков, так и сложившиеся в условиях холодной войны стереотипы и предубеждения: «За малыми исключениями, нерусские либо упускались из основного направления, либо к ним относились, как к объектам политических махинаций, иногда – как к жертвам русификации, а порой как к жалким, архаичным сопротивленцам модернизирующейся программе центральных властей» ([Государство наций, 2011: 8](#)). На этом фоне отличался фундаментальный труд Э. Карра, утверждавшего, в частности, что в период существования АДР «правительство Азербайджана стало марионеткой в руках турецкого военного командования», а после ухода турецких, а затем и английских войск «было свергнуто без особых трудностей в результате коммунистического восстания в Баку» ([Карр, 1990: 275](#)). Однако на русском языке вышла только первая книга данного труда уже в самом конце советской эпохи.

Откровенное неприятие советских преобразований в Азербайджане практически с самого начала высказывали представители эмиграции, вынужденных покинуть страну после победы большевиков. Один из создателей «Мусавата» и лидеров АДР, а затем азербайджанского национального движения в эмиграции М.Э. Расулзаде писал, что «провозглашенная в Азербайджане и Туркестане диктатура пролетариата есть, в сущности, та же диктатура Москвы, и ничего больше. Когда столицей империи был Петроград, все было точно так же. И говорить всерьез об автономии, которую якобы получили бывшие независимые республики, просто невозможно». М.Э. Расулзаде негативно отнесся к включению Азербайджана в состав Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики (далее – ЗСФСР) и полагал даже, что: «Азербайджанские ханства при первых царских наместниках на Кавказе были более самостоятельны, чем нынешние кавказские республики при секретарях Заккрайкома» (цит. по: [Балаев, 2013: 28](#)).

Деятельность М.Э. Расулзаде негативно оценивалась в советской историографии, традиции которой продолжены в ряде современных публикаций. Так, О.Ф. Соцков характеризует его следующим образом: «Расул-Заде – туркофил, националист, русофоб» и приводит данные о контактах с германскими и польскими спецслужбами накануне и во время Второй мировой войны ([Соцков, 2003: 123-127](#)). Но в современной азербайджанской историографии произошла переоценка М.Э. Расулзаде. Считается, что среди всей политической элиты АДР он внес «наиболее существенный вклад в создание первого национального государства на мусульманском Востоке». Более того, признается, что М.Э. Расулзаде «сформулировал теоретическую основу современной азербайджанской государственности и внес существенный вклад в ее практическую реализацию» ([Балаев, 2009: 6](#)).

Кардинально изменились в азербайджанской историографии и представления о советском периоде, что характерно для большинства государств, образовавшихся после распада СССР. По словам современного специалиста: «С начала 1990-х гг., стало модным критиковать имперскую политику Москвы. Национальными героями становились сторонники антибольшевистских националистических организаций», в том числе «Мусават» в Азербайджане ([Юматов, 2010: 97](#)).

Установление советской власти в Азербайджане

Современные азербайджанские историки отказываются от прежних стереотипов советской историографии о закономерности советизации в Азербайджане (см.: [Искендеров, 1958](#); [Азизбекова и др., 1969](#) и др.) и оценивают ее как военную агрессию Советской России, положившую «конец независимой азербайджанской государственности в Северном Азербайджане» ([Махмудов, 2005: 28](#)); как оккупацию, прервавшую историю национальной азербайджанской государственности: «...в результате российской интервенции была свергнута власть национального азербайджанского правительства, что на целых 70 лет прервало развитие демократического движения в Азербайджане» ([История Азербайджана..., 1995: 204](#)).

Вошедшие в Баку части Красной армии в обобщающих трудах по истории Азербайджана называют «русскими войсками» ([История Азербайджана..., 1995: 201](#)).

Но при этом здесь же отмечается, что ослабившее азербайджанские войска «восстание в Гарабаге было спровоцировано армянским правительством. Оно явилось результатом координированного плана Эривана и советского командования, имевшего целью облегчить операции наступавшей на Азербайджан» 11-й Красной армии (*История Азербайджана..., 1995: 201*). Этим подчеркивается сговор Армении и Советской России в ликвидации независимости Азербайджана, ставший одним из основополагающих положений в современной азербайджанской историографии.

В то же время позиция кемалистской Турции, фактически поддержавшей действия советского руководства по советизации Закавказья в 1920-1921 гг., находит понимание и фактически оправдывается наличием объективных обстоятельств, в которых та находилась: «Турция, занятая борьбой с западными державами за свою независимость и нуждавшаяся в военной и дипломатической поддержке Советской России, стремилась к установлению тесных отношений с северным соседом» (*История Азербайджана..., 1995: 203*). Отдельные авторы отмечают, что в успехе частей Красной армии в Баку свою роль сыграли и азербайджанские коммунисты, но им не дается столь резких оценок, как советскому руководству. А «успешный и бескровный ход вооруженного переворота в Баку» ставится даже в заслугу войскам гарнизона и правительству АДР, фактически не оказавшим сопротивления частям Красной армии (*Дарабади, 2013: 251-252*).

Общая оценка советского периода в истории Азербайджана

В общих характеристиках советского периода в истории Азербайджана преобладают негативные оценки, отражающие эмигрантскую традицию отказа считать АзССР в полной мере суверенным азербайджанским государством. Часть исследователей признает ее в этом качестве с определенными оговорками, отмечая, что «лишившись независимости, в силу необратимости зародившейся новой исторической традиции, азербайджанская государственность, пусть даже в сильно урезанном виде, сохранилась в советское время» (*Исмалов, 2010: 9*).

К тому же в азербайджанской историографии утвердились представления о том, что республика существенно пострадала вследствие советизации, уступив ряд территорий Армении: «Советская Россия, взявшая на себя роль третейского судьи в армяно-азербайджанских переговорах, а фактически представляя на них Азербайджанскую ССР без участия ее представителей, последовательно проводила политику уступок Араратской Республике в вопросе азербайджанских территорий» (*Исмаилов, 2010: 214*). Критике подвергаются процессы и результаты национально-государственных и административно-территориальных преобразований на Кавказе в советский период, которым приписывается исключительно антиазербайджанский характер (*Qasimli, 2016* и др.). В частности, указывается, что само «решение о создании автономии Нагорного Карабаха было навязано Азербайджану Москвой и ее эмиссарами на Кавказе во главе с Орджоникидзе» (*Исмаилов, 2010: 215*). Азербайджанские историки отказываются видеть в решении национального вопроса в СССР попытки компромисса со стороны советского руководства, ретроспективно перенося современные обиды в прошлое, и считая, что: «Большевики в республике проводили откровенную политику русификации и армянизации» (*Махмудов, 2005: 33*).

Общепринятым для большинства азербайджанских историков является признание тоталитарного характера Советского государства (*Мамедова, 2004* и др.). Особую критику вызывает период сталинизма: «Это период формирования, утверждения и дальнейшего развития тоталитарного режима. Это было время насаждения Системы, основанной на всемерном использовании властью силы, включая методы государственного терроризма для утверждения всеобъемлющего контроля государства над обществом и сохранения этого контроля». Со смертью И.В. Сталина связывается начало нового периода в истории СССР – «постепенного отказа от наиболее крайних, террористических методов поддержания созданной Сталиным Системы» (*Исмаилов, 2003: 6*).

Критика И.В. Сталина и других советских вождей сопровождается переоценкой ряда азербайджанских политических деятелей советской эпохи. Среди них – руководитель временного военно-революционного комитета, поднявшего восстание против правительства АДР, затем первый глава правительства Советского Азербайджана, позже – председатель ЦИК СССР от ЗСФСР Н.Н. Нариманов. В советское время его деятельность подвергалась критике как «национал-уклониста» и достаточно поздно стала предметом специального изучения (*Ахмедов, 1988* и др.). Жаркие дискуссии велись по его поводу и в современной

азербайджанской историографии (Исмаилов, Нифталиев, 2009: 214), но теперь уже критику вызывали другие обстоятельства. Тем не менее, в ряде работ дана высокая оценка роли Н.Н. Нариманова в истории Азербайджана, в том числе в отстаивании его интересов в условиях национально-государственных преобразований первых советских лет (Əhmədova, 1998, Nəsnov, 2005 и др.).

Еще более заметна переоценка личности М.Д. Багирова – первого секретаря ЦК КП(б)/КПСС Азербайджана в 1933-1952 гг. и первого азербайджанца на этой должности фактического руководителя республики (Исмаилов, 2003, Мəmmədov, 2021 и др.). После его смещения в 1953 г. за связь с Л.П. Берией и последующего расстрела в 1956 г., по словам Э.Р. Исмаилова, «о человеке, более 20 лет являвшемся руководителем Азербайджана, писали мало, причем всегда отрицательно <...>. Несколько больше о Багирове стали писать в перестроечное время. И опять лишь в связи с темой массовых репрессий 30-40 г. г. И опять обвинительный уклон при описании деятельности Багирова, игнорирование совокупности факторов, определявших его действия» (Исмаилов, 2003: 32). Современные азербайджанские историки считают, что Багиров «был человек достаточно сложной, противоречивой судьбы, с таким же сложным, противоречивым характером. Все это соответствовало особенностям той исторической эпохи, современником которой ему суждено было стать». При этом М.Д. Багиров «сумел завоевать доверие Сталина. И это, в значительной мере, обеспечивало устойчивость его позиций в Азербайджане» (Исмаилов, 2003: 50), что объясняется «прежде всего, оценкой деловых качеств республиканского руководителя главой союзного государства» (Исмаилов, 2003: 45).

В ряде работ параллельно излагается история Северного и Южного Азербайджана, чем подчеркивается вынужденное разделение одного народа. Жесткой критике при этом подвергается Советская Россия и Иран. Директор Института истории Национальной академии наук Азербайджана (далее – НАНА) академик НАНА Я.М. Махмудов писал: «Точно так же, как в Северном Азербайджане кровавый большевистский режим Советской России положил конец существованию Азербайджанской Народной Республики, так и реакционный шахский режим Ирана в Южном Азербайджане потопил в крови страну Азадыстан. Реакционные силы, разделившие в свое время между собой Азербайджан в Гюлистане и Туркменчае, не дали ему обрести государственную независимость. Вновь север Азербайджана остался в составе России, а юг – в составе Ирана» (Махмудов, 2005: 28).

Новые трагические параллели в судьбах Северного и Южного Азербайджана проводятся при обращении к первым послевоенным годам: «Репрессии против азербайджанского народа как на севере, так и на юге, продолжались и после завершения Второй мировой войны. Национальное правительство (12-е декабря 1945 г. – 14-е июня 1946 г.), созданное на юге Азербайджана, было свергнуто реакционным шахским режимом Ирана. Десятки тысяч поборников свободы были потоплены в крови. Были ликвидированы все демократические реформы, проведенные Азербайджанским Национальным правительством» (Махмудов, 2005: 35). В качестве соответствующего примера репрессий против азербайджанцев в СССР Я.М. Махмудов назвал «новый этап массовой депортации азербайджанцев из Западного Азербайджана (с территории, называемой в советское время Армянской ССР), являвшегося их исконной родиной» в 1948–1953 гг. Причиной этого он считал все те же происки армян при поддержке советского руководства: «Воодушевившись “благословением” властвовавшей в Кремле группировки Сталина-Берии-Микояна, армянские националисты в очередной раз учинили расправу над азербайджанским народом» (Махмудов, 2005: 35).

Обращение к указанным событиям повышает оценку М.Д. Багирова, который «был вдохновлен идеей объединения Азербайджана» и делал все от него зависящее для этого (Исмаилов, 2003: 47). Дж. Гасанлы показал большую роль М.Д. Багирова в мобилизации потенциала АзССР для достижения задачи объединения с Южным Азербайджаном в послевоенные годы (Гасанлы, 2006). Созвучно современным представлениям и утверждение о том, что «М.Д. Багиров в начавшемся новом витке армяно-азербайджанского противостояния проявил себя бойцом» (Исмаилов, 2003: 227).

Общие негативные оценки советского периода меняются, когда речь заходит о приходе к власти Г.А. Алиева, в 1966–1969 гг. – председателя Комитета государственной безопасности при Совете министров АзССР, в 1969-1982 гг. – первого секретаря ЦК КП Азербайджана. По мнению значительного большинства современных азербайджанских

авторов, при нем были созданы экономические, политические, культурно-идеологические и, в известной степени военные, предпосылки азербайджанской государственности (Hüseynova, 2004, Qasımlı, 2006, Qasımov, 2009 и др.). Я.М. Махмудов всю историю АзССР (названную «Коммунистический режим в Северном Азербайджане» и датируемую с 28 апреля 1920 г. по 18 октября 1991 г.) разделил на два неравных по времени периода: «Период тяжелых испытаний (1920-1969)» и «Первый период руководства Гейдара Алиева Азербайджаном: великий поворот к независимости и начало национального возрождения (1969–1982)» (Махмудов, 2005). Время руководства республикой Г.А. Алиевым расценивается в истории Советского Азербайджана «как самый блестящий период строительства за все время его существования». Именно в эти годы: «Произошел подъем во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства. Проводились важные структурные изменения в экономике республики. Были созданы новые прогрессивные отрасли промышленности. <...> В результате дальновидной политики, мудрого и компетентного руководства Гейдара Алиева, Азербайджан в то время превратился в самую передовую сельскохозяйственную республику Советского Союза, в том числе в передовой край хлопководства и виноградарства» (Махмудов, 2005: 38).

Одним из немногих исключений по данному вопросу является книга представителей азербайджанской оппозиции Р.Г. Агаева и З.М. Ализаде, посвященная последним годам истории АзССР в условиях возникновения Карабахского кризиса. Так, З.М. Ализаде отмечал: «Со второй половиной советской эпохи ускорился процесс деградации и распада». По его словам, именно Г.А. Алиев «более всех других в республике, способствовал деградации политической, идеологической и экономической базы советского коммунизма» (Ализаде, 2006). Очевидно, что оценки роли Г.А. Алиева в значительной степени обусловлены политическими факторами.

Антисоветские восстания и политические репрессии

В советской историографии выступления против большевиков упоминались как «попытки воору[енного] сопротивления контрреволюции», инициировавшиеся турецкими офицерами и местными националистами – мусаватистами и дашнаками (Гражданская война, 1983: 27). В современной азербайджанской историографии антисоветским восстаниям 1920 г. и другим актам сопротивления советскому режиму уделяется значительно больше внимания. Основной причиной восстаний считается недовольство политикой новой власти, выражавшейся в применении «террора на государственном уровне в Азербайджане», массовых арестах и грабежах населения. Подчеркивается массовый характер восстаний и жестокость в их подавлении, сопровождавшемся «гибелью мирных жителей, многочисленными фактами мародерства и разбоя. (Исмаилов, 2010: 207-208).

Оправдываются и последующие выступления населения АзССР против советской власти: «Насильственная коллективизация, конфискация всего имущества населения, политика ликвидации кулачества как класса, проводившаяся с конца 20-х гг., довели терпение народа до крайнего предела. Страну вновь охватило движение сопротивления. Произошли новые восстания в Шеки, Закатале, Нахчыване, Хызы, Шамкире, Джебраиле и др. регионах» (Махмудов, 2005: 33).

«Большой террор» стал темой специального исследования Э.Р. Исмаилова (Исмаилов, 2015). Подсчитать общее количество репрессированных в Азербайджане за эти годы, по его словам, не просто. Автор существенно расширяет его за счет членов семей репрессированных граждан: «Видимо, справедливо было бы отнести сюда всех, кто был расстрелян, заключен в лагеря, жен и детей осужденных, высланных за пределы республики. Иными словами, всех, кто пострадал физически и морально. С учетом этого можно предположить, что число репрессированных в Азербайджане в период “большого террора” составило не менее 80 тыс. человек» (Исмаилов, 2010: 234). В результате Э.Р. Исмаилов приходит к выводу о том, что данный период «можно назвать геноцидом против собственного народа. Не вдаваясь в причины кровавой вакханалии, отметим лишь, что, как и во всей стране, организатором и вдохновителем развязывания репрессивной истерии в Азербайджане было высшее советское руководство и прежде всего Сталин» (Исмаилов, 2010: 229). Этим фактически снимается ответственность за проведение репрессий с азербайджанского руководства во главе с М.Д. Багировым, который в предыдущие годы считался «главным виновником разыгравшейся в Азербайджане трагедии» (Исмаилов, 2010: 229). Характеризуя деятельность М.Д. Багирова и подчеркивая,

что он смог уцелеть в период репрессий, в отличие других азербайджанских руководителей (А. Караева, Г. Мусабекова, С. Эфендиева), Э.Р. Исмаилов в другой работе писал: «Вина их всех состояла в том, что они поверили создателю Системы, который убедил их в том, что является тем самым Мессией, который один знает маршрут пути к долгожданному Светлому завтра. И мы не вправе с позиции сегодняшнего дня обвинить их всех за столь фатальное заблуждение. Все они, в том числе Багиров, были исполнителями» (Исмаилов, 2003: 49).

Подчеркивается, что репрессии против азербайджанского народа осуществлялись по инициативе армян, оказавшихся в составе руководства правоохранительных органов республики: «Армяно-дашнакские бандиты в лице Сумбатова-Григоряна-Маркаряна-Мальяна и др. разбойников, обосновавшихся в руководстве Азербайджана и принявшие обличив коммунистов, фактически начали очищать Азербайджан от азербайджанцев, точнее от азербайджанских тюрков» (Махмудов, 2005: 38). В одном ряду здесь упомянуты несколько руководителей правоохранительных органов АзССР, объединенные по их национальной принадлежности:

- генерал-лейтенант Ю.Д. Сумбатов-Топуридзе (армянин по отцу и грузин по матери) – с 15 июля 1934 г. по 10 января 1938 г. председатель ГПУ, начальник управления НКВД, нарком внутренних дел АзССР, в 1947-1953 гг. – заместитель председателя Совета министров АзССР;

- генерал-майор Х.И. Григорян – в 1937-1939 гг. начальник воднотранспортного отдела НКВД АзССР, в 1943-1947 заместитель наркома внутренних дел АзССР;

- генерал-лейтенант Р.А. Маркарян – в 1939-1941 заместитель наркома внутренних дел, в 1941 г. заместитель наркома государственной безопасности, в 1941-1943 гг. заместитель наркома по оперативной работе внутренних дел АзССР.

Вместе с ними упомянут и занимавший более скромные должности в органах НКВД капитан М.Н. Мальян. Интересно отметить, что в 1956 г. Сумбатов-Топуридзе, Григорян и Маркарян были расстреляны вместе с Багировым, но получают совершенно иную оценку своей деятельности. Судьба Мальяна по открытым источникам не известна.

В то же время в этом ряду не указаны руководители органов внутренних дел и государственной безопасности – представители других национальностей (еврей, русский и азербайджанцы), также причастные к осуществлению политических репрессий в АзССР уже в силу занимаемых должностей, что подтверждает определенную ангажированность автора вышеприведенной цитаты:

- старший майор государственной безопасности М.Г. Раев (Я.С. Каминский) – с 10 января по 12 ноября 1938 г. нарком внутренних дел АзССР;

- генерал-майор С.Ф. Емельянов – с 11 февраля 1939 г. по 26 февраля 1941 г. нарком внутренних дел, с 26 февраля по 31 июля 1941 г. нарком государственной безопасности, с 7 августа 1941 г. по 7 мая 1943 г. первый заместитель наркома внутренних дел, с 7 мая 1943 г. по 16 марта 1953 г. нарком / министр государственной безопасности, с 16 марта по 29 июля 1953 г. министр внутренних дел АзССР;

- генерал-лейтенант М.А. Якубов – с 26 февраля 1941 г. по 25 мая 1950 г. нарком / министр внутренних дел АзССР;

- генерал-майор А.И. Атакишиев – с 25 мая 1950 г. по 16 марта 1953 г. министр внутренних дел АзССР.

В свою очередь, Э.Р. Исмаилов утверждает: «Репрессии проводились против всех, невзирая на национальную принадлежность обвиняемых, поэтому вряд ли обоснованной является бытующая порой в Азербайджане точка зрения, что репрессии 1937-1938 гг. были сугубо антиазербайджанской акцией <...>. В многонациональном Азербайджане среди жертв массовых репрессий можно было встретить представителей всех национальностей, проживавших тогда в республике». Его выводы подтверждаются используемыми архивными документами и другими источниками. При этом он считает, что «численность репрессированного азербайджанского населения существенно превышала соответствующие показатели соседних народов – грузин и армян – почти в два раза. Причины историк связывает «с однозначно подозрительным отношением Советского руководства, в том числе Сталина, к выходцам из других стран. К середине 30-х годов в республике проживала огромная колония азербайджанцев иранского происхождения» (Исмаилов, 2010: 233).

При характеристике послевоенного периода Я.М. Махмудов приписывает «обосновавшейся в Кремле армяно-дашнакской клике во главе с А.И. Микояном» планы

«депортации всех азербайджанцев со своей родины в годы войны» (Махмудов, 2005: 35), но не приводит в подтверждение каких-либо документальных свидетельств.

Экономические и социокультурные преобразования.

В ряде работ отмечается «то огромное значение, которое имела для республики развернувшаяся в масштабах СССР индустриализация. За сравнительно короткий исторический период в Азербайджане в несколько раз увеличилась численность рабочего класса. Выросла численность и удельный вес жителей городов. Доля городского населения достигла к концу 30-х годов более 35 %. Баку стал пятым по численности населения городом Союза. Строительство промышленных объектов, восстановление старых предприятий в значительной мере решило проблему безработицы. Азербайджан превратился из аграрной в аграрно-промышленную республику» (Исмаилов, 2010: 224). В то же время отмечаются и присущие данным процессам недостатки, связанные с тем, что создание новой социалистической экономики происходило в форме «односторонней индустриализации и насильственной коллективизации», вследствие чего «экономика Азербайджана была полностью поставлена в зависимость от центра». Высокого уровня развития достигла, главным образом, нефтяная и энергетическая промышленности, в то время как развитию других отраслей, например, легкой и пищевой, уделялось значительно меньше внимания (Исмаилов, 2010: 221).

Во взаимосвязи с экономическими процессами исследуются изменения в социальной структуре азербайджанского общества. И.В. Нифталиев рассматривает подготовку кадров и политику коренизации как одну из необходимых форм решения национального вопроса в АзССР (Нифталиев, 2018 и др.).

Отдельные исследователи, обращаясь к первым советским десятилетиям, признают достигнутые в эти годы успехи в области народного образования, науки, литературы, искусства, многостороннее развитие духовной жизни общества, а также то, что именно тогда «рождались новая советская культура – реальный исторический феномен, ставший значительным фактом отечественной и мировой культуры XX века» при всех «перипетиях и сложностях этого исторического этапа, идеологического прессинга, массовых репрессий и депортаций» (Мусаева, 2015: 17). По мнению Э.Р. Исмаилова, в 1920-1930-е гг. «азербайджанская культура прошла тот путь своего развития, который сегодня тяжело оценить однозначно. С одной стороны, все сферы культуры испытывали усиливающееся влияние официальной политики. В этих условиях трудно говорить о полноценном развитии творческой мысли, о раскрытии возможностей развития всех сфер культуры. Но несомненно и то, что в эти тяжелые, сложные времена в культурном развитии были достигнуты серьезные успехи» (Исмаилов, 2010: 244-245).

В то же время другие авторы возражают: «В годы так называемой “культурной революции” под лозунгами “интернационализма”, создания “новой, пролетарской культуры”, “социалистической культуры”, разрушая культурные памятники азербайджанского народа, уничтожая древние рукописи, неоднократно изменяя алфавит, руководящие органы старались оторвать народ от своих исторических корней, а потом искусственно соединить все народы, объявить о “возникновении” новой исторической общности – “советского народа”» (Гасымлы, 2005: 4). Встречаются в азербайджанской историографии и постколониальные стереотипы. По словам Я.М. Махмудова: «В 20-30-е гг. еще более усилилась и ужесточилась политика национального колониализма». (Махмудов, 2005: 32). Он не нашел ничего положительного в советских социокультурных преобразованиях и поставил их в один ряд с политикой массовых репрессий: «Наряду с массовой резней, ссылками, уничтожались и национально-нравственные ценности народа <...>. Под завесой создания “по форме национальной, а по содержанию социалистической” культуры, уничтожалось все, что составляло национально-духовную ценность, необходимую для существования народа» (Махмудов, 2005: 34).

4. Заключение

В современной азербайджанской исторической науке положения советской историографии подвергаются во многом обоснованной критике за то, что та находилась под влиянием коммунистической идеологии и оставляла без внимания многие острые вопросы, приобретающие табуированный характер: «Азербайджанские советские историки, обходя наиболее щепетильные моменты отечественной истории прошедшего столетия, руководствовались соображениями сугубо политического характера <...> старались твердо

держаться идеологических канонов, получивших право на существование со стороны соответствующих инстанций высшего советского руководства и уже тиражированных и «обоснованных» в работах профессиональных московских историков» (Исмаилов, 2003: 4-5).

Решительный разрыв с предыдущей историографической традицией отражает стремление к расставанию с прошлым, которое рассматривается порой в качестве бремени «колониального наследия». Однако оценки советского периода в современной азербайджанской историографии свидетельствуют о том, что она остается не свободной от влияния политических и идеологических факторов. Это отражают резкое осуждение процессов советизации, жесткая критика советского строя, переоценка отдельных личностей с учетом не только их конкретного вклада в историю Азербайджана и СССР, но и национальной принадлежности.

Традиция негативного восприятия советского опыта была заложена еще находившимися в эмиграции лидерами АДР, критиковавшими лишивших их власти большевиков даже сильнее, чем императорскую Россию, в которой они получали образование, проходили профессиональную и политическую социализацию. Идеализация АДР, считающейся главным предшественником современной Азербайджанской Республики, порой доходит до отказа рассматривать АзССР как определенный этап в развитии азербайджанской государственности и составную часть национальной истории. Но это ведет в конечном счете к обесцениванию судеб нескольких поколений ее жителей, своим трудом закладывавших основы сегодняшнего благосостояния, экономики и культуры Азербайджана. Очевидно, что достижения советской эпохи, при всем трагизме многих событий, не укладываются в классическую схему взаимоотношений метрополии и колоний.

В методологическом отношении отказ от единой марксистской парадигмы нередко сопровождается возвратом к позитивизму и появлением конспирологических теорий в объяснении прошлого (в том числе, представлением о «сговоре» демонизируемых соседей с руководителями Советского государства, которые наделяются чуть ли не перманентным желанием подвергать дискриминации азербайджанцев). Наряду с этим следует отметить и появление в азербайджанской историографии новых тем, что обусловлено расширением источниковой базы и появлением новых подходов, среди которых следует выделить социальную и демографическую историю и другие направления научного поиска. Многие азербайджанские историки широко используют документы фондов не только республиканских, но и российских архивов и другие источники, что создает хорошие возможности для переосмысления различных вопросов. К сожалению, пока в значительно меньшей степени в изучении советской истории используются источники личного происхождения, в том числе материалы устной истории.

Новая версия истории независимого Азербайджана, в отличие от существовавшей в советской историографии, носит подчеркнуто национализированный характер, что, впрочем, характерно в той или иной степени для большинства постсоветских государств. Показательно, что даже при обращении к теме политических репрессий ответственность возлагается на высшее советское руководство и отдельных местных руководителей органов внутренних дел и государственной безопасности – исключительно армян по национальности. В то же время развитие азербайджанской историографии не лишено и собственной специфики, обусловленной воздействием ряда факторов. Одним из них стал Карабахский конфликт, обостривший до предела азербайджано-армянские отношения, что нашло свое отражение в формировании современных исторических представлений. По оценкам специалистов: «Обостренная историческая память пронизывает работы, посвященные армяно-азербайджанским отношениям. Драматические события прошлого в отношениях двух народов переживаются с той же эмоциональностью, что и коллизии наших дней» (Исмаилов, Нифталиев, 2009: 210). Широкое распространение представлений об армянском экспансионизме и стремление к национальной консолидации могут также рассматриваться как последствия Карабахского конфликта. Однако произошедшие в последние годы изменения геополитической ситуации задают новые условия развития азербайджанской историографии, которой предстоит найти соответствующие ответы на вызовы современности.

5. Благодарности

Исследование выполнено в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В.А. Тишков).

Литература

- [Азизбекова и др., 1969](#) – *Азизбекова П., Мнацаканян А, Траскунов М.* Советская Россия и борьба за установление и упрочение власти Советов в Закавказье. Баку: Азернешр, 1969. 323 с.
- [Агаев, Ализаде, 2006](#) – *Агаев Р.Г, Ализаде З.М.* Азербайджан. Конец второй республики, (1988–1993). М.: Граница, 2006. 615 с. [Электронный ресурс]. URL: https://azeribooks.narod.ru/politika/zardusht_alizade/konets_vtoroy_respubliki.htm (дата обращения: 12.11.2023).
- [Ахмедов, 1988](#) – *Ахмедов Т.А.* Нариман Нариманов. Баку: Язычы, 1988. 276 с.
- [Балаев, 2009](#) – *Балаев А.* Мамед Эмин Расулзаде (1884-1955). М.: Флинта, 2009. 288 с.
- [Балаев, 2013](#) – *Балаев А.* Мамед Эмин Расулзаде. На чужих берегах (1922-1943). М.: ООО «ИПЦ „Маска“», 2013. 266 с.
- [Великий Октябрь, 1977](#) – Великий Октябрь и расцвет экономики и культуры Советского Азербайджана. Баку: Элм, 1977. 274 с.
- [Гасанлы, 2006](#) – *Гасанлы Дж.П.* СССР – Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны, 1941-1946 гг. М.: Герои Отечества, 2006. 559 с.
- [Гасанлы, 2009](#) – *Гасанлы Дж.П.* Хрущевская «оттепель» и национальный вопрос в Азербайджане (1954-1959). М.: Флинта, 2009. 661 с.
- [Гасымлы, 2005](#) – *Гасымлы М.Дж.* Азербайджан в международных культурных связях (1946-1990 гг.). Тбилиси: Артанучи, 2005. 300 с.
- [Государство наций, 2011](#) – Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. 376 с.
- [Гражданская война, 1983](#) – Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1983. 704 с.
- [Гулиев, 1972](#) – *Гулиев Дж.Б.* Под знаменем ленинской национальной политики (Осуществление Коммунистической партией ленинской национальной политики в Азербайджане в 1920-1925 гг.). Баку: Азербайджанское государственное издательство, 1972. 458 с.
- [Дарабади, 2013](#) – *Дарабади П.* Военно-политическая история Азербайджана (1917-1920 годы). Баку: Издательский дом «Кавказ», 2013. 296 с.
- [Дарвай, 2015](#) – *Дарвай Р.В.* Азербайджан. Трансформация памяти // Наследники Победы и поражения. Вторая мировая война в исторической политике стран СНГ и ЕС / ред. Т.С. Гузенкова, О.В. Петровская. М.: РИСИ, 2015. С. 206–217.
- [Искендеров, 1958](#) – *Искендеров М.С.* Из истории борьбы Коммунистической партии Азербайджана за победу Советской власти. Баку: Азернешр, 1958. 539 с.
- [Исмаилов, 2003](#) – *Исмаилов Э.Р.* Власть и народ: Послевоенный сталинизм в Азербайджане, 1945-1953. Баку: Адильоглы, 2003. 342 с.
- [Исмаилов, 2010](#) – *Исмаилов Э.Р.* Очерки по истории Азербайджана. М.: Флинта, 2010. 424 с.
- [Исмаилов, 2015](#) – *Исмаилов Э.Р.* История «Большого террора» в Азербайджане. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 228 с.
- [Исмаилов, Нифталиев, 2009](#) – *Исмаилов Э., Нифталиев И.* Проблемы развития национальной истории в Азербайджане / Национальные истории на постсоветском пространстве – II / под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 201–224.
- [История Азербайджана..., 1963](#) – История Азербайджана: В 3 т. Баку: Издательство Академии наук АзССР, 1963. Т. 3. Ч. 1. 538 с. Ч. 2. 529 с.
- [История Азербайджана..., 1995](#) – История Азербайджана с древнейших времен до начала XX в. Баку: Элм, 1995. 432 с.
- [Карр, 1990](#) – *Карр Э.* История Советской России. Кн. 1. Т. 1-2: Большевицкая революция 1917-1923 / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. 763 с.

- Мамедова, 2004** – *Мамедова Ш.Р.* Интерпретация тоталитаризма. Сталинизм в Азербайджане 1920-1930 гг. Баку: Адилоглы, 2004. 319 с.
- Махмудов, 2005** – *Махмудов Я.М.* Азербайджан: краткая история государственности. Баку: «Тэхсил», 2005. 160 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tarixinstitutu.az/Web/uploads/books/books/2017/11/28.Azerbaydjankratkayaistoriyaqosudarstvennosti.pdf> (дата обращения: 12.10.2023)
- Мильман, 1971** – *Мильман А.Ш.* Азербайджанская ССР – суверенное государство в составе СССР. Баку: Азернешр, 1971. 300 с.
- Мусаева, 2015** – *Мусаева Т.А.* Культура Азербайджана на рубеже эпох (20-30-ые годы XX столетия). Баку: Издательство “Elm və Təhsil”, 2015. 376 с.
- Мустафа-заде, 2006** – *Мустафа-заде Р.С.* Две Республики. Азербайджано-российские отношения в 1918-1922 гг. М.: МИК, 2006. 356 с.
- Нифталиев, 2018** – *Нифталиев И.В.* Кадровая политика в Азербайджанской ССР в 1920-1930-е гг.: цели, основные направления и формы осуществления. Баку: Elm və təhsil, 2018. 476 с.
- Очерки истории, 1963** – Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана. Баку: Азернешр, 1963. 771 с.
- Пашаев, 1965** – *Пашаев Н.А.* Очерки истории культурного строительства Советского Азербайджана. Баку: Азернешр, 1965. 312 с.
- Соцков, 2003** – *Соцков Л.Ф.* Неизвестный сепаратизм: На службе СД и Абвера: Из секретных досье разведки. М.: Рипол классик, 2003. 336 с.
- Султанова, 1964** – *Султанова А.И.* Счастливые женщины Советского Азербайджана: (Из истории борьбы КП Азербайджана за раскрепощение женщины-азербайджанки и вовлечение ее в социалистическое строительство). Баку: Азернешр, 1964. 135 с.
- Тунян, 2018** – *Тунян В.Г.* Фальсификация истории восстановления армянской государственности в азербайджанской историографии. Ереван: Издательство ЕГУ, 2018. 396 с.
- Шабанов, 1959** – *Шабанов Ф.Ш.* Развитие советской государственности в Азербайджане. М.: Госюриздат, 1959. 175 с.
- Шнирельман, 2009** – *Шнирельман В.А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003. 592 с.
- Юматов, 2010** – *Юматов К.В.* Дискуссии по проблеме Нагорного Карабаха в научной и периодической печати Армении и Азербайджана в 1987-1991 гг. // *Вестник Томского государственного университета.* 2010. № 330 (январь). С. 95–99.
- Azərbaycan tarixi, 1998–2003** – *Azərbaycan tarixi.* 7 cilddə. Bakı: “Elm”, 1998–2003.
- Azərbaycan xalq, 2004–2005** – *Azərbaycan xalq cümhuriyyəti ensiklopediyası.* 2 cilddə. Bakı: Lider nəşriyyat, 2004–2005.
- Əhmədova, 1998** – *Əhmədova F.* Nəriman Nərimanov – İdeal və gerçəklik (1920-ci il). Bakı: “Elm və həyat”, 1998. 169 s.
- Həsənov, 2005** – *Həsənov H.Ə.* Nəriman Nərimanovun milli dövlətçilik baxışları və fəaliyyəti. Bakı: Elm, 2005. 248 s.
- Hüseynova, 2004** – *Hüseynova İ.* Müstəqil Azərbaycan dövlətinin qurucusu. Bakı, “Təhsil”, 2004, 472 s.
- Məmmədov, 2021** – *Məmmədov A.* Mir Cəfər Bağırov – siyasi portret. Bakı: “Zərdabi Nəşr” MMC, 2021, 424 s.
- Naхçivan ensiklopediyası, 2005** – *Naхçivan ensiklopediyası.* 2 cilddə. Naхçivan: Azər. Milli EA Naхçivan bölməsi, 2005.
- Qasımlı, 2006** – *Qasımlı M.* Heydər Əliyev – İstiqlala gedən yol (1969-1987-ci illər). Bakı: Bakı Universiteti Nəşriyyatı, 2006. 608 s.
- Qasımlı, 2016** – *Qasımlı M.C.* Ermənistanın sovetləşdirilməsindən Azərbaycan ərazilərinin işğalnadək erməni iddiaları: tarix – olduğu kimi (1920-1994-cü illər). Bakı: Azərbaycan Respublikasının Prezidenti yanında Elmin İnkişafı Fondu, 2016, 520 s.
- Qasımov, 2009** – *Qasımov Ə.Q.* Heydər Əliyevin inkişaf strategiyası və Naхçivan Muxtar Respublikası (XX əsrin 70-80-ci illəri). Bakı: Təhsil, 2009, 302 s.

References

Azizbekova i dr, 1969 – *Azizbekova, P., Mnacakanjan, A, Traskunov, M.* (1969) Sovetskaja Rossiya i bor'ba za ustanovlenie i uprochenie vlasti Sovetov v Zakavkaz'e [Soviet Russia and the

- Struggle for the Establishment and Strengthening of Soviet Power in Transcaucasia]. Baku: Azerneshr, 323 p. [in Russian]
- Agaeu, Alizade, 2006** – *Agaeu, R.G, Alizade, Z.M.* (2006) Azerbajdzhan. Konec vtoroj respubliki (1988–1993) [Azerbaijan. The End of the Second Republic (1988–1993)]. M.: Granitsa, 2006. 615 p. [Electronic resource]. URL: https://azeribooks.narod.ru/politika/zardusht_alizade/konets_vtoroy_respubliki.htm (date of access: 11.12.2023). [in Russian]
- Ahmedov, 1988** – *Ahmedov, T.A.* (1988). Nariman Narimanov [Nariman Narimanov]. Baku: Yazichy, 276 p. [in Russian]
- Balaev, 2009** – *Balaev, A.* (2009). Mamed Jemin Rasulzade (1884-1955) [Mamed Emin Rasulzade (1884-1955)]. M.: Flinta, 288 p. [in Russian]
- Balaev, 2013** – *Balaev, A.* (2013). Mamed Jemin Rasulzade. Na chuzhikh beregah (1922-1943) [Mamed Emin Rasulzade. On Foreign Shores (1922-1943)]. M.: OOO «IPC „Maska“», 266 p. [in Russian]
- Velikij Oktjabr', 1977** – Velikij Oktjabr' i rascvet jekonomiki i kul'tury Sovetskogo Azerbajdzhana (1977) [Great October and the Flourishing of the Economy and Culture of Soviet Azerbaijan]. Baku: Jelm, 274 p. [in Russian]
- Gasanly, 2006** – *Gasanly, Dzh.P.* (2006). SSSR-Iran: Azerbajdzhanskij krizis i nachalo holodnoj vojny, 1941-1946 gg. [USSR-Iran: Azerbaijan Crisis and the Beginning of the Cold War, 1941-1946]. M.: Geroi Otechestva, 559 p. [in Russian]
- Gasanly, 2009** – *Gasanly, Dzh.P.* (2009). Hrushhevskaja “otpepel” i nacional'nyj vopros v Azerbajdzhane (1954–1959) [Khrushchev's “Thaw” and the National Question in Azerbaijan (1954–1959)]. M.: Flinta, 661 p. [in Russian]
- Gasymly, 2005** – *Gasymly, M.Dzh.* (2005). Azerbajdzhan v mezhdunarodnyh kul'turnyh svjazjah (1946–1990 gg.) [Azerbaijan in International Cultural Relations (1946–1990)]. Tbilisi: Artanuchi, 300 s. [in Russian]
- Gosudarstvo nacij, 2011** – Gosudarstvo nacij: Imperija i nacional'noe stroitel'stvo v jepohu Lenina i Stalina (2011) [State of Nations: Empire and Nation-Building in the Era of Lenin and Stalin] ed. R.G. Suni, T. Martin. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 376 p. [in Russian]
- Grazhdanskaja vojna, 1983** – Grazhdanskaja vojna i voennaja intervencija v SSSR. Jenciklopedija (1983) [Civil War and Military Intervention in the USSR. Encyclopedia]. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 704 p. [in Russian]
- Guliev, 1972** – *Guliev, Dzh.B.* (1972). Pod znamenem leninskoj nacional'noj politiki (Osushhestvlenie Kommunisticheskoy partiej leninskoj nacional'noj politiki v Azerbajdzhane v 1920–1925 gg.) [Under the Banner of Leninist National Policy (Implementation of the Leninist National Policy by the Communist Party in Azerbaijan in 1920–1925)]. Baku: Azerbajdzhanskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 458 p. [in Russian]
- Darabadi, 2013** – *Darabadi, P.* (2013). Voennopoliticheskaja istorija Azerbajdzhana (1917–1920 gody) [Military-Political History of Azerbaijan (1917–1920)]. Baku: Izdatel'skij dom “Kavkaz”, 296 p. [in Russian]
- Darvaj, 2015** – *Darvaj, R.V.* (2015). Azerbajdzhan. Transformacija pamjati [Azerbaijan. Transformation of memory] Nasledniki Pobedy i porazhenija. Vtoraja mirovaja vojna v istoricheskoj politike stran SNG i ES [Heirs of Victory and Defeat. The Second World War in the Historical Politics of the CIS and EU Countries] ed. T.S. Guzenkova, O.V. Petrovskaja. M.: RISI, pp. 206-217. [in Russian]
- Iskenderov, 1958** – *Iskenderov, M.S.* (1958). Iz istorii bor'by Kommunisticheskoy partii Azerbajdzhana za pobedu Sovetskoj vlasti [From the History of the Struggle of the Communist Party of Azerbaijan for the Victory of Soviet Power]. Baku: Azerneshr, 539 p. [in Russian]
- Ismailov, 2003** – *Ismailov, Je.R.* (2003). Vlast' i narod: Poslevoennyj stalinizm v Azerbajdzhane, 1945–1953 [Power and People: Post-War Stalinism in Azerbaijan, 1945–1953]. Baku: Adil'ogly, 342 p. [in Russian]
- Ismailov, 2010** – *Ismailov, Je.R.* (2010). Oчерki po istorii Azerbajdzhana [Essays on the History of Azerbaijan]. M.: Flinta, 424 p. [in Russian]
- Ismailov, 2015** – *Ismailov, Je.R.* (2015). Istoriya “Bol'shogo terrora” v Azerbajdzhane [The History of the “Great Terror” in Azerbaijan]. M.: Politicheskaja jenciklopedija, 228 p. [in Russian]
- Ismailov, Niftaliev, 2009** – *Ismailov, Je., Niftaliev, I.* (2009). Problemy razvitija nacional'noj istorii v Azerbajdzhane [Problems of the Development of National History in Azerbaijan]

Nacional'nye istorii na postsovetском prostranstve – II [National Histories in the Post-Soviet Space – II] ed. F. Bomsdorf, G. Bordjugova. M.: Fond Fridriha Naumanna, AIRO-XXI, pp. 201-224. [in Russian]

Istorija Azerbajdzhana, 1963 – Istorija Azerbajdzhana (1963) [History of Azerbaijan]: V 3 t. Baku: Izdatel'stvo Akademii nauk AzSSR, T. 3. Ch. 1. 538 p. Ch. 2. 529 p. [in Russian]

Istorija Azerbajdzhana, 1995 – Istorija Azerbajdzhana s drevnejshih vremen do nachala XX v. (1995) [History of Azerbaijan from Ancient Times to the Beginning of the 20th Century] Baku: Jelm, 432 p. [in Russian]

Karr, 1990 – *Karr, Je.* (1990). Istorija Sovetskoj Rossii [History of Soviet Russia]. Kn. 1. T. 1-2: Bol'shevistskaja revoljucija 1917-1923 [Bolshevik Revolution 1917–1923] / transl. from English. M.: Progress, 763 p. [in Russian]

Mamedova, 2004 – *Mamedova, Sh.R.* (2004). Interpretacija totalitarizma. Stalinizm v Azerbajdzhane 1920-1930 gg. [Interpretation of Totalitarianism. Stalinism in Azerbaijan 1920-1930]. Baku: Adilogly, 319 p. [in Russian]

Mahmudov, 2005 – *Mahmudov, Ja.M.* (2005). Azerbajdzhan: kratkaja istorija gosudarstvennosti [Azerbaijan: a Brief History of Statehood]. Baku: “Tahsil”, 160 p. [Electronic resource]. URL: http://www.tarixinstitutu.az/Web/uploads/books/books/2017/11/28.Azerbaydjan_kratkayaistoriyaqosudarstvennosti.pdf (date of access: 12.10.2023). [in Russian]

Mil'man, 1971 – *Mil'man, A.Sh.* (1971). Azerbajdzhanskaja SSR – suverennoe gosudarstvo v sostave SSSR [The Azerbaijan SSR is a Sovereign State within the USSR]. Baku: Azerneshr, 300 p. [in Russian]

Musaeva, 2015 – *Musaeva, T.A.* (2015). Kul'tura Azerbajdzhana na rubezhe jepoh (20-30-ye gody XX stoletija) [Culture of Azerbaijan at the Turn of Eras (20-30s of the twentieth century)]. Baku: Izdatel'stvo “Elm və Təhsil”, 376 p. [in Russian]

Mustafa-zade, 2006 – *Mustafa-zade, R.S.* (2006). Dve Respubliki. Azerbajdzhano-rossijskie otnoshenija v 1918-1922 gg. [Two Republics. Azerbaijani-Russian Relations in 1918-1922]. M.: MIK, 356 p. [in Russian]

Niftaliev, 2018 – *Niftaliev, I.V.* (2018). Kadrovaja politika v Azerbajdzhanskoj SSR v 1920–1930-e gg.: celi, osnovnye napravlenija i formy osushhestvlenija [Personnel Policy in the Azerbaijan SSR in the 1920–1930s: Goals, Main Directions and Forms of Implementation]. Baku: Elm və təhsil, 476 p. [in Russian]

Oчерki istorii, 1963 – Oчерki istorii Kommunisticheskoj partii Azerbajdzhana (1963) [Essays on the history of the Communist Party of Azerbaijan]. Baku: Azerneshr, 771 p. [in Russian]

Pashaev, 1965 – *Pashaev, N.A.* (1965). Oчерki istorii kul'turnogo stroitel'stva Sovetskogo Azerbajdzhana [Essays on the history of cultural construction of Soviet Azerbaijan]. Baku: Azerneshr, 312 p. [in Russian]

Sockov, 2003 – *Sockov, L.F.* (2003). Neizvestnyj separatizm: Na sluzhbe SD i Abvera: Iz sekretnyh dos'e razvedki [Unknown Separatism: In the Service of the SD and Abwehr: From Secret Intelligence Files]. M.: Ripol klassik, 336 p. [in Russian]

Sultanova, 1964 – *Sultanova, A.I.* (1964). Schastlivye zhenshhiny Sovetskogo Azerbajdzhana: (Iz istorii bor'by KP Azerbajdzhana za raskreposhhenie zhenshhiny-azerbajdzhanki i vovlechenie ee v socialisticheskoe stroitel'stvo) [Happy Women of Soviet Azerbaijan: (From the History of the Struggle of the Communist Party of Azerbaijan for the Emancipation of the Azerbaijani Woman and Her Involvement in Socialist Construction)]. Baku: Azerneshr, 135 p. [in Russian]

Tunjan, 2018 – *Tunjan, V.G.* (2018). Fal'sifikacija istorii vosstanovlenija armjanskoj gosudarstvennosti v azerbajdzhanskoj istoriografii [Falsification of the History of the Restoration of Armenian Statehood in Azerbaijani Historiography]. Erevan: Izdatel'stvo EGU, 396 p. [in Russian]

Shabanov, 1959 – *Shabanov, F.Sh.* (1959). Razvitie sovetsoj gosudarstvennosti v Azerbajdzhane [Development of Soviet Statehood in Azerbaijan]. M.: Gosjurizdat, 175 p. [in Russian]

Shnirel'man, 2009 – *Shnirel'man, V.A.* (2009). Vojny pamjati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e [Wars of Memory: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia]. M.: Akademkniga, 592 p. [in Russian]

Jumatov, 2010 – *Jumatov, K.V.* (2010). Diskussii po probleme Nagornogo Karabaha v nauchnoj i periodicheskoj pechati Armenii i Azerbajdzhana v 1987–1991 gg. [Discussions on the Nagorno-Karabakh Problem in the Scientific and Periodical Press of Armenia and Azerbaijan in 1987–1991] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, No. 330 (January), pp. 95–99. [in Russian]

- Azərbaycan tarixi, 1998–2003** – Azərbaycan tarixi (1998–2003) [History of Azerbaijan]. 7 cildə. Bakı: Elm. [In Azerbaijani]
- Azərbaycan xalq, 2004–2005** – Azərbaycan xalq cümhuriyyəti ensiklopediyası (2004-2005) [Encyclopedia of the Azerbaijan People's Republic]. 2 cildə. Bakı: Lider nəşriyyat. [in Azerbaijani]
- Əhmədova, 1998** – *Əhmədova, F.* (1998). Nəriman Nərimanov – İdeal və gerçəklik (1920-ci il) [Nariman Narimanov – Ideal and Reality (1920)]. Bakı: “Elm və həyat”, 169 p. [In Azerbaijani]
- Həsənov, 2005** – *Həsənov, H.Ə.* (2005). Nəriman Nərimanovun milli dövlətçilik baxışları və fəaliyyəti [National Statehood Views and Activities of Nariman Narimanov]. Bakı: Elm, 248 p. [in Azerbaijani]
- Hüseynova, 2004** – *Hüseynova, İ.* (2004). Müstəqil Azərbaycan dövlətinin qurucusu [The Founder of the Independent State of Azerbaijan]. Bakı: “Təhsil”, 472 p. [in Azerbaijani]
- Məmmədov, 2021** – *Məmmədov, A.* (2021) Mir Cəfər Bağırov – siyasi portret [Mir Jafar Bagirov – Political Portrait]. Bakı: “Zərdabi Nəşi” MMC, 424 p. [in Azerbaijani]
- Naxçıvan ensiklopediyası, 2005** – Naxçıvan ensiklopediyası (2005) [Nakhchivan Encyclopedia]. 2 cildə. Nakhchivan: Azər. Milli EA Naxçıvan bölməsi. [In Azerbaijani]
- Qasımlı, 2006** – *Qasımlı, M.* (2005). Heydər Əliyev – İstiqlala gedən yol (1969–1987-ci illər) [Heydar Aliyev – The Road to Independence (1969–1987 years)]. Bakı: Bakı University Press, 608 p. [in Azerbaijani]
- Qasımlı, 2016** – *Qasımlı, M.C.* (2016). Ermənistanın sovetləşdirilməsindən Azərbaycan ərazilərinin işğalnadək erməni iddiaları: tarix – olduğu kimi (1920–1994-cü illər) [Armenian Claims from the Sovietization of Armenia to the Occupation of Azerbaijani Territories: History as It is (1920–1994)]. Bakı: Science Development Fund under the President of the Republic of Azerbaijan, 520 p. [In Azerbaijani]
- Qasimov, 2009** – *Qasimov, Ə.Q.* (2009). Heydər Əliyevin inkişaf strategiyası və Naxçıvan Muxtar Respublikası (XX əsrin 70-80-ci illəri) [Heydar Aliyev's Development Strategy and Nakhchivan Autonomous Republic (70-80s of XX Century)]. Bakı: Education, 302 p. [in Azerbaijani]

Проблемы советской истории в современной азербайджанской историографии

Евгений Федорович Кринко ^{a, b, *}

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

^b Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена осмыслению советской истории в современной азербайджанской историографии. Основные историографические источники – обобщающие и специальные работы современных азербайджанских историков. Главное внимание уделяется: 1) установлению советской власти в 1920 г., 2) общей оценке советского периода в истории Азербайджана, 3) антисоветским восстаниям и политическим репрессиям, 4) экономическим и социокультурным преобразованиям в годы советской власти.

Автор опирался на принцип историзма, рассматривая происходившие процессы и события и их отражение в историографических источниках с учетом соблюдения временной последовательности, в динамике и в общем контексте развития современной историографии. В исследовании применялись методы логического и историографического анализа, а также сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы.

Отказ от единой марксистской парадигмы сопровождается возвратом к позитивизму и появлением конспирологических теорий в объяснении прошлого. Наряду с этим в азербайджанской историографии появились новые темы и сюжеты в связи с расширением источниковой базы и появлением новых подходов.

Ключевые слова: азербайджанская историография, Азербайджанская ССР, Г.А. Алиев, М.Д. Багиров, советизация Азербайджана, советская модернизация, советская история.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: krinko@ssc-ras.ru (Е.Ф. Кринко)

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2023. 14(2): 92-98

DOI: 10.13187/rs.2023.2.92
<https://rs.cherkasgu.press>

Fleet of the Sarapul Tannery (Plant), 1941–1956

Nicholas W. Mitiukov ^{a, *}, Yury L. Kim ^b

^a Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Udmurt State University, Russian Federation

Abstract

With the outbreak of the Great Patriotic War, the Sarapul tannery switched to fulfilling military orders. Since the loss of Donbass made it difficult to supply imported coal, firewood had to be used as the main energy source for production, which had to be transported along the Kama River 20-30 km away. At the end of 1941, to solve the problem of transporting firewood, the company began the construction of the “Kozhkombinat” boat. In 1948, a wooden barge was built for the same purpose, which was listed until 1954. Since for the mentioned years in the report of the enterprise there are no corresponding sums used to increase the balance sheet, it can be concluded that both vessels were built by their own efforts. Since the Leather Plant is not the only enterprise in the city engaged in shipbuilding, this makes it possible to identify Sarapul in 1930–1940s as a shipbuilding center on the Kama. In the second half of the war, the plant began to switch to Kuzbass coal, and its own water transport began to lose relevance. This is clearly demonstrated by the cost figures for ships’s exupatation: if at the beginning of the war the plant spent about 40 thousand rubles per year, then by the end of the war this amount decreased by half. Judging by the reports of the enterprise, it tried to use the fleet for transportation of hay, building materials and other cargoes, but finally in 1956 it was decided to give up the own fleet.

Keywords: Sarapul tannery (plant), water transport, Kama, navigation, Great Patriotic War.

1. Введение

В 1923 г. несколько имевшихся в Сарапуле кожевенных фабрик были объединены в единый трест «Сарапульское кожзаводоуправление». В 1935 г. после ряда реформ и преобразований, а также расширения производства на его базе образовался Сарапульский кожкомбинат, имевший в своей структуре даже школу фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). Предприятие несколько раз меняло свою ведомственную принадлежность и сохранилось до настоящего времени. Его богатая история не могла не привлечь внимания историков. Однако в основном предприятие рассматривается как место вложения купеческого капитала, также упоминается вскользь, что после революции та или иная кожевенная фабрика или завод вошли в кожкомбинат (Козлова, 2013). Изучается история Сарапульского кожевенного треста и в контексте индустриализации, прошедшей в СССР в 1920–1930-е гг. (Хисамутдинова, Васильева, 2021).

Более детально роль сарапульских предприятий в кожевенно-обувном секторе промышленности Удмуртии рассмотрена в работе В.Ю. Войтович (Войтович, 2017), но и там имеются лишь общие фразы и статистика, не дающие представление обо всем Сарапульском

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

кожкомбинате. Достаточно необычна работа Д.А. Черниенко, исследовавшего роль украинцев в становлении и развитии промышленности Удмуртии (Черниенко, 2015), в том числе и в кожевенном секторе легкой промышленности. Нашел отражение в литературе и вопрос, связанный с промышленной архитектурой завода (Рыжкова, 2022). Однако анализ самого кожевенного завода как промышленного предприятия в научных работах отсутствует. В связи с этим не рассматривалась и работа водного транспорта предприятия и его роль в производстве.

2. Материалы и методы

Ранее нами были проанализированы отчеты Удмуртского статистического управления в период с 1936 по 1947 г., в результате чего было установлено, что Сарапульский кожевенный завод имел свой флот в составе одного катера, сохранявший неизменную численность в годы Великой Отечественной войны (Митюков, 2021). Поскольку статистические бланки обезличены, однозначно доказать, что весь период у предприятия имелось одно и то же судно, невозможно, но так как совпала мощность двигателя в начале и конце рассмотренного периода, был сделан вывод, что это вероятнее всего. Позднее нами были расшифрованы формы 26-вод статистических отчетов хозяйств Удмуртии в 1947–1956 гг., показавшие, что, по всей вероятности, этот же флот у предприятия имелся и в указанный период (Mitiukov, Kim, 2023). В связи с этим задача данного исследования состоит в том, чтобы, используя делопроизводственную документацию предприятия периода 1940–1956 гг. и произведя реконструкцию судовых биографий, проанализировать состояние и задачи флота предприятия.

3. Обсуждение и результаты

С началом Великой Отечественной войны Сарапульский кожевенный комбинат переключился на выполнение военных заказов. Поскольку с утерей Донбасса снабжение привозным углем затруднилось, в качестве основного энергоносителя для производства пришлось использовать дрова. В пояснительной записке директора комбината к отчету предприятия за 1941 г. отмечалось: «Основным видом топлива являются дрова. Из года в год места заготовок дров от Сарапула отдаляются, а потому в данное время заготовка дров в массовом масштабе производится только от 20 до 30 км., из которых возможна вывозка только гужевым путем, поэтому при недостатке транспорта, вопрос со снабжением дровами на Кожкомбинате принял угрожающий характер» (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 158. Л. 22). В связи с этим, зимой 1941/1942 г. было решено осуществить постройку собственного судна для транспортировки дров. Интересно отметить, что в отчете за 1941 г., поданном отделом статистики Удмуртской АССР в Центральное статистическое управление, указано, что Сарапульский кожкомбинат Наркомата легкой промышленности уже имеет в своем составе один катер (СГА. Ф. Р-43. Оп. 1. Д. 213. Л. 4).

В промышленно-финансовом плане предприятия на 1942 г. новый катер, названный «Кожкомбинат», описан следующим образом: длина корпуса 10 м, ширина – 2,3 м, мощность мотора СТЗ – 30 л.с. (получается, что на нем стоял керосиновый двигатель СТЗ-30), максимальная грузоподъемность буксируемых судов – до 80 т (фактически ограничивалась 75 т), скорость порожняком без буксира: по течению 17 км/ч, против – 9 км/ч. Скорость без груза с буксиром соответственно – 10 и 5 км/ч, скорость с грузом и буксиром – 9 и 4 км/ч. Часовой расход керосина при ходе против течения – 10 кг, по течению – 7 кг. Предполагалось, что судно начнет навигацию 2 мая, а закончит 15 октября, проработав таким образом 166 дней. Из них планировались 70 дней простоя: 24 – выходные, 15 – плановые ремонты и обслуживание, 30 – простой во время погрузки и выгрузки. Еще один день планировался для осмотра судна, кем в документе не указано, возможно, имелся в виду осмотр представителями речного регистра для выдачи судового свидетельства (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 162. Л. 83). В штате этого года для работы на катере планировались три человека: рулевой, моторист и матрос с месячными окладами 500, 400 и 250 руб. соответственно (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 162. Л. 25). Из данного расписания видно, что судно должно было работать в одну смену, причем рулевой выполнял обязанности капитана. Всего на зарплату команды в год планировалось выделить 16,1 тыс. руб. (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 162. Л. 25 об.). Предполагалось, что в навигацию судно перевезет 4500 т грузов, или 225 тыс. тонно-километров. На это планировалось затратить 10200 кг керосина

(в итоге замененного на технологические отходы спирта), 50 кг бензина, 816 кг автола, 100 кг солидола, 100 кг машинного масла и 50 кг ветоши. Все это выходило в дополнительную сумму 52 713 руб. Учитывая 6700 руб. на амортизацию, 5500 руб. на износ малоценного инвентаря, такелажа и снастей, 5000 руб. на текущий ремонт, 200 руб. на судовое освещение и прочие статьи, всего в год катер требовал затрат на сумму 91 323 руб. (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 162. Л. 82). Интересно, что в документе тип двигателя указан как ХТЗ. Впрочем, и на Сталинградском, и на Харьковском тракторных заводах выпускался лицензионный вариант американского двигателя фирмы "International". Поэтому в данном случае точнее сказать, что на катере стоял СТЗ-30 производства Харьковского завода.

Судя по отчету 1942 г., затраты на катер в этом году составили 48 363 руб. 39 коп. (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 164. Л. 166), что при себестоимости кубометра дров 61 руб. 31 коп. увеличивало ее на 3 руб. 30 коп.

3 января 1943 г. состоялась передача комбината от Наркомлегпрома РСФСР в ведение Наркомлегпрома СССР (в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 февраля 1942 г.). Вместе с предприятием произошла передача «катера 50 л/с (требует ремонта) – 1 шт.» (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 164. Л. 228). Мощность судна указана явно ошибочно (номинальная мощность СТЗ-30 составляла 30 л.с.).

По отчету предприятия 1943 г., дрова по-прежнему приходилось возить за 15–20 км. Тем не менее, оно продолжало испытывать трудности с энергоносителями, из-за чего ему выделили кузбасский уголь и кокс. Содержание катера в 1943 г. вылилось в сумму 24 996 руб. 4 коп. (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 168. Л. 119), что удорожало кубометр дров на 1 руб. 39 коп. при себестоимости 70 руб. 58 коп. (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 168. Л. 121). В 1944 г. предприятие затратило на содержание катера 20 499 руб. 74 коп., а в 1945 г. – 19 593 руб. 99 коп. (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 178. Л. 110). Снижение затрат в военные годы более чем в два раза объясняется постепенным переходом на привозной уголь.

В промфинплане на 1945 г. предполагалось, что судно за навигацию потребит 25 920 кг керосина, 540 кг бензина, 1296 кг автола и 30 кг солидола (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 175а. Л. 91 об.). В отчете 1946 г. есть интересная сумма, которая ранее шла в разделе общих затрат. В этом году по окончании навигации было потрачено 11 руб. 43 коп. на подъем из воды двух якорей, а также 142 руб. 85 коп. на подъем на клети самого катера (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 185. Л. 14).

Отчет 1946 г. не содержит никаких дополнительных сведений о судне. Судя по форме 26-вод, в хозяйстве имеется одно самоходное судно мощностью 32 л.с. (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 185а. Л. 34 об.). Отчет 1947 г. повторил форму 26-вод (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 192. Л. 38 об.). Кроме того, в пояснительной записке указано: «Катер 32 НР, использовавшийся на дроволесозаготовках» (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 192. Л. 114).

В отчете 1948 г. по министерству легкой промышленности одно неназванное хозяйство имеет в своем составе флот (что явно указывает на Кожзавод), состоящий из одного самоходного судна в 32 л.с. и одного сухогрузного несамоходного в 20 т (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 1287. Л. 8). За год они перевезли 1298 т грузов, в том числе 1090 т лесных грузов и дров и 208 т прочих грузов (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 1287. Л. 5). В 1949 г. данные формы 26-вод повторились, и, кроме того, указывалось, что за отчетный год суда перевезли 790,5 т грузов, в том числе 624,5 т дров и 166 т сена (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 211. Л. 133).

В 1950 г. предприятие имело все тот же катер и сухогрузное несамоходное судно. Мощность катера указана в 30 л.с. (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 1941. Л. 15), но это явно просто коррекция цифр. За год перевезено 865 т грузов: 747 т лесных грузов и дров и 118 т прочих грузов (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 1941. Л. 14).

В 1951 г. Сарапульский кожзавод отчитался у себя о наличии одного буксирного катера мощностью 30 л.с. и одного несамоходного сухогрузного судна в 20 т. За навигацию они перевезли 803 т разных грузов, в том числе 702 т дров и лесоматериалов, также 101 т сена (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 2311. Л. 19–19 об.). Больше дополнительной информации о флоте документ не содержит.

В 1952 г. по минлегпрому в Удмуртской АССР числилось всего одно предприятие, имевшее у себя водный транспорт: самоходное судно в 30 л.с. и несамоходное в 20 т (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 22716. Л. 11), которые за год перевезли в общей сложности 1038 т грузов, в том числе 715 т лесных грузов и дров и 323 т прочих грузов (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 22716. Л. 12).

В 1953 г. в хозяйстве снова показаны одно самоходное судно в 30 л.с. и одно несамоходное в 20 т. За год они перевезли 5020 т грузов: 4620 т лесных грузов и дров и 400 т минерально-строительных материалов (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 252. Л. 41). При этом интересно, что в пояснительной записке прямо указано, что в отчетный год завод древолесозаготовками не занимался, поскольку «в централизованном порядке» ему были выделены фонды по углю на 6600 т и по дровам на 1000 м³ (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 252. Л. 119). Судя по отчетности, этот год стал максимальным по переведенным грузам – объем перевозок увеличился почти в пять раз! Возможно, именно это «добило» имевшуюся баржу (Рисунок 1).

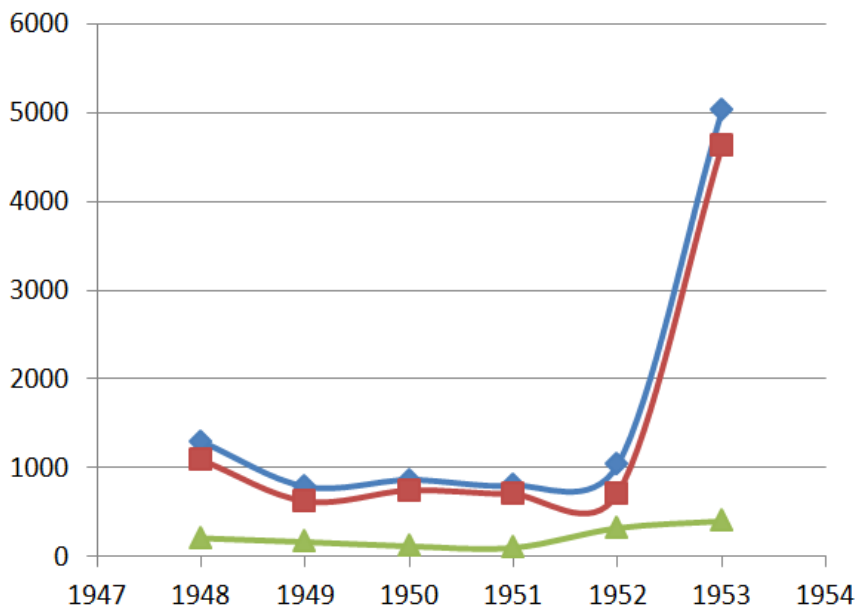

Рис. Объем перевозок (тонны) водным транспортом Сарапульского кожевенного завода в 1948–1953 гг. Верхняя кривая – общий объем грузов, ниже – лесные грузы и дрова, нижняя кривая – прочие грузы. Сост. Н.В. Митюков

В промфинплане на 1954 г. среди затрат на водный транспорт по штатной книге на предприятии значились: рулевой, моторист и шкипер с зарплатами первые два по 23 руб. 43 коп. и второй с 15 руб. 4 коп. При этом фактические затраты на зарплату по предыдущему году составили 12 415 руб., в то время как на 1954 г. планировалось 19 188 руб. (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 260. Л. 53). Амортизационные отчисления планировались в размере 11 тыс. руб. (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 260. Л. 72). Общие же затраты на водный транспорт этого года планировались в размере 40,8 тыс. руб. (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 260. Л. 79). Тем не менее, в пояснительной записке отчета этого года говорилось: «Катер использовался с недостаточной нагрузкой, т.к. имеющаяся баржа по причине износа оказалась непригодна к эксплуатации, а арендовать баржу не целесообразно» (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 263. Л. 41). Эту же информацию подтверждает факт, что реальные затраты на зарплату на водный транспорт этого года составили всего 6503 руб. (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 271. Л. 31) – получается в три раза меньше планировавшейся суммы.

Таким образом, построенная в 1948 г. баржа в 1954 г. уже оказалась списана, что явно указывает на ее деревянный корпус. В этом случае 5–6 лет – нормальный срок службы деревянных несамоходных судов. Кроме того, несмотря на то что в документации она упоминается как баржа, учитывая грузоподъемность 20 т, это скорее всего обычный шитик.

Промфинплан на 1955 г. среди должностей, связанных с водным транспортом, указывает рулевого и моториста с годовой зарплатой по 5400 руб. (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 271. Л. 31). Это подтверждает факт списания баржи, поскольку из штата исчез шкипер. В пояснительной записке отчета этого года говорится: «В настоящем году катер не использовался, ввиду отсутствия баржи. Неоднократные просьбы завода о выделении железной баржи грузоподъемностью 30–50 тонн до сих пор остались неудовлетворенными» (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 277. Л. 45). При плановых затратах на водный транспорт

в 7,6 тыс. руб. по факту завод не затратил ни копейки (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 283. Л. 75). Так что, очевидно, весь год катер простоял на приколе.

В плане 1956 г. затраты на флот отсутствуют (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 283. Л. 75). Интересно, что судно не фигурирует и в отчете этого года. Это объясняется тем, что в соответствии с письмом Росглавка № 7-05-88 от 30 августа 1956 г. «катер самоходный – 1 шт.» балансовой стоимостью 38 298 руб. 93 коп. и износом на 19 149 руб. 46 коп. изъяты у Сарапульского кожзавода для передачи Осташковскому кожзаводу (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 292. Л. 34). Справедливости ради следует отметить, что производственной необходимости в собственном флоте к этому моменту уже не было. В пояснительной записке директора к отчету предприятия указано: «Основным видом топлива на заводе является каменный уголь, поставляемый Кузбасуглесбытом» (СГА. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 292. Л. 67).

4. Заключение

Изложенные факты однозначно свидетельствуют о наличии у Сарапульского кожевенного комбината (завода) катера «Кожкомбинат» в период с 1942 г. (постройка началась с конца 1941 г.) по 1956 г. и неназванного деревянного шитика в 1948–1954 гг. Поскольку за указанные года в отчете предприятия отсутствуют суммы судов, пошедших на увеличение баланса, можно сделать вывод, что они строились своими силами. В этой связи предприятия Сарапула выглядят очень странно – Кожкомбинат не единственный, кто занимался собственным судостроением. Как удалось выяснить, суда своими средствами строили также Сарапульский гортоп, Сарапульский горперевоз, Сарапульский освод, Симонихинская мастерская и др., что позволяет идентифицировать Сарапул в 1930–1940 гг. как центр судостроения на Каме.

Строительство катера «Кожкомбинат» преследовало единственную цель – решить топливную проблему предприятия, поскольку приходилось везти дрова за многие десятки километров от города. С этой же целью построили и шитик. Однако во второй половине войны на завод возобновились поставки угля, в связи с чем наличие своего водного транспорта постепенно потеряло какую-либо актуальность. Это наглядно демонстрируют цифры затрат на суда. Если в начале войны завод тратил около 40 тыс. руб. в год, то к концу войны эта сумма снизилась в два раза. После войны, желая придать рентабельность имевшимся судам, на них также транспортируют сено и стройматериалы, но в итоге из-за нецелесообразности эксплуатации катер в 1956 г. передали Осташковскому кожевенному заводу.

Литература

Войтович, 2017 – Войтович В.Ю. Роль кожевенно-обувной промышленности Удмуртии в экономике России // *Наука Удмуртии*. 2017. № 3 (81). С. 296-302.

Козлова, 2013 – Козлова Д.А. Торговые дома сарапульских купеческих династий. Производственная и коммерческая деятельность // *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. 2013. № 1. С. 129-133.

Митюков, 2021 – Митюков Н.В. Оценка доли мобилизованных судов Сарапульского района Удмуртской АССР в годы Великой Отечественной войны // *International Naval Journal*. 2021. № 9 (1). С. 18-25.

Рыжкова, 2022 – Рыжкова Н.В. Типология, объемно-пространственные и стилистические особенности гражданской архитектуры Сарапула конца XVIII – начала XX века // *Архитектурные ландшафты Сарапула конца XVIII – начала XX века* / Е.К. Блинова, М.В. Курочкин, Т.А. Гильдина, Н.В. Рыжкова, Н.Л. Решетников. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. С. 58-122.

Хисамутдинова, Васильева, 2021 – Хисамутдинова Р.Р., Васильева С.Ю. Легкая промышленность Урала в годы новой экономической политики в контексте раннеиндустриальной модернизации конца XIX – середины XX в. // *Вестник архивиста*. 2021. № 4. С. 1168-1178.

Черниенко, 2015 – Черниенко Д.А. Украинцы Удмуртии: история малой этнической группы // *Историко-культурное наследие славянских народов Камско-Вятского региона*. 2015. № 1 (1). С. 66-76.

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики.

СГА – Управление по делам архивов администрации города Сарапула.

Mitiukov, Kim, 2023 – Mitiukov N.W., Kim Yu.L. Reconstruction of the River Fleets of the Region's Enterprises Based on the Form 26-vod of the Statistical Reports on the Example of the Udmurt ASSR, 1947–1956 // *Russkii Arkhiv*. 2023. 11(1): 28-41.

References

Chernienko, 2015 – Chernienko, D.A. (2015). Ukraintsy Udmurtii: istoriya maloi etnicheskoi gruppy [Ukrainians of Udmurtia: History of a Small Ethnic Group]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie slavyanskikh narodov Kamsko-Vyatskogo regiona*. 1 (1): 66-76. [in Russian]

Khisamutdinova, Vasil'eva, 2021 – Khisamutdinova, R.R., Vasil'eva, S.Yu. (2021). Legkaya promyshlennost' Urala v gody novoi ekonomicheskoi politiki v kontekste ranneindustrial'noi modernizatsii kontsa XIX – serediny XX v. [Light Industry of the Urals during the Years of the New Economic Policy in the Context of Early Industrial Modernization of the Late 19th – the Middle 20th Centuries]. *Vestnik arkhivista*. 4: 1168-1178. [in Russian]

Kozlova, 2013 – Kozlova, D.A. (2013). Torgovye doma sarapul'skikh kupecheskikh dinastii. Proizvodstvennaya i kommercheskaya deyatel'nost' [Trading Houses of Sarapul Merchant Dynasties. Industrial and Commercial Activities]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*. 1: 129-133. [in Russian]

Mityukov, 2021 – Mityukov, N.V. (2021). Otsenka doli mobilizovannykh sudov Sarapul'skogo raiona Udmurtskoi ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Estimation of the Share of Mobilized Ships of the Sarapul Region of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War]. *International Naval Journal*. 9 (1): 18-25. [in Russian]

Mityukov, Kim, 2023 – Mityukov, N.V., Kim, Yu.L. (2023). Reconstruction of the River Fleets of the Region's Enterprises Based on the Form 26-vod of the Statistical Reports on the Example of the Udmurt ASSR, 1947–1956. *Russkii Arkhiv*. 11(1): 28-41.

Ryzhkova, 2022 – Ryzhkova, N.V. (2022). Tipologiya, ob'emno-prostranstvennye i stilisticheskie osobennosti grazhdanskoj arkhitektury Sarapula kontsa XVIII – nachala XX veka [Typology, Volumetric-Spatial and Stylistic Features of the Civil Architecture of Sarapul at the End of the 18th – Beginning of the 20th Century]. *Arkhitekturnye landshafty Sarapula kontsa XVIII – nachala XX veka / E.K. Blinova, M.V. Kurochkin, T.A. Gil'dina, N.V. Ryzhkova, N.L. Reshetnikov [Architectural Landscapes of Sarapul at the End of the 18th – Beginning of the 20th Century / E.K. Blinova, M.V. Kurochkin, T.A. Gildina, N.V. Ryzhkova, N.L. Reshetnikov]. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, pp. 58-122. [in Russian]*

SGA – Upravlenie po delam arkhivov administratsii goroda Sarapula [Department of Archives of the Administration of the city of Sarapul].

TsGA UR – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki [Central State Archive of the Udmurt Republic].

Voitovich, 2017 – Voitovich, V.Yu. (2017). Rol' kozhevenno-obuvnoi promyshlennosti Udmurtii v ekonomike Rossii [The Role of the Leather and Footwear Industry of Udmurtia in the Russian Economy]. *Nauka Udmurtii*. 3 (81): 296-302. [in Russian]

Флот Сарапульского кожевенного комбината (завода) 1941–1956 гг.

Николай Витальевич Митюков ^{a, *}, Юрий Леонидович Ким ^b

^a Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

^b Удмуртский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. С началом Великой Отечественной войны Сарапульский кожевенный комбинат переключился на выполнение военных заказов. Поскольку с утерей Донбасса снабжение привозным углем затруднилось, в качестве основного энергоносителя для производства пришлось использовать дрова, которые приходилось возить по Каме за 20–30 км. В конце 1941 г. для решения проблемы транспортировки дров предприятие

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)

начало постройку катера «Кожкомбинат». В 1948 г. для этой же цели был построен деревянный шитик, числившийся до 1954 г. Поскольку за указанные годы в отчете предприятия отсутствуют соответствующие суммы, пошедшие на увеличение баланса, можно сделать вывод, что оба судна строились своими силами. Поскольку Кожкомбинат не единственное предприятие города, занимавшееся судостроением, это позволяет идентифицировать Сарапул 1930–1940 гг. как центр судостроения на Каме. Во второй половине войны завод начал переходить на кузбасский уголь, и наличие собственного водного транспорта потеряло актуальность. Это наглядно демонстрируют цифры затрат на суда: если в начале войны завод тратил около 40 тыс. руб. в год, то к концу войны эта сумма снизилась в два раза. Судя по отчетам предприятия, оно пробовало использовать флот для транспортировки сена, стройматериалов и других грузов, но в итоге в 1956 г. было принято решение отказаться от своего флота.

Ключевые слова: Сарапульский кожевенный комбинат (завод), водный транспорт, Кама, навигация, Великая Отечественная война.

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2023. 14(2): 99-111

DOI: 10.13187/rs.2023.2.99
<https://rs.cherkasgu.press>

Russian Historiography of Cossack Collaborationism during the Great Patriotic War of 1941–1945

Mikhail V. Pogrebovsky ^{a, *}

^a Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the modern Russian historiography of Cossack collaborationism during the Great Patriotic War. The main historiographical sources are monographs, dissertations and scientific articles written by Russian historians. The interest in this topic arose in the late 1990s, but since the beginning of the 2010s there has been a decline in the research attention to the Cossack collaborationism. In Russian historiography, the political and military activities of the Cossack emigration, the history of the creation, functioning, and disbandment of the largest Cossack collaborationist formations have been studied in sufficient detail: the Cossack camp of marching atamans S.V. Pavlov and T.I. Domanov, 1st Cossack Cavalry Division and 15th SS Cossack Cavalry Corps under General H. von Pannwitz. The most promising areas for further study of Cossack collaboration are the actions of Cossack collaborators on the territory of Ukraine, Belarus and European countries.

Keywords: the Great Patriotic War, collaborationism, Cossacks, Nazi occupation, Russian historiography, Don, Kuban, Terek.

1. Введение

В современной исторической науке исследование проблемы коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны переживает научный подъем и имеет широкие перспективы изучения, но в то же время остается весьма острой для российского общества. В силу своей общественной значимости факты сотрудничества советских граждан с военными, политическими и другими органами нацистской Германии вызывают споры и противоречивые суждения в обществе как таковом и в научной среде в особенности. Количество работ, посвященных различным проявлениям коллаборационизма на территории воевавшего с Германией СССР, с начала XXI в. неуклонно растет. При этом для исследователей наибольший интерес представляет военный коллаборационизм.

Подробный разбор историографии казачьего коллаборационизма в период Великой Отечественной войны является актуальным, поскольку, во-первых, в специализированной литературе данной теме уделяется недостаточно внимания. Историографические обзоры трудов по военному коллаборационизму при рассмотрении казачьего коллаборационизма ограничиваются количественными данными (Хисамутдинова, 2013; Мартынов, 2013; Молодова, 2015; Булыга, 2018). Во-вторых, тема казачьего коллаборационизма связана с такой исследовательской проблемой, как особенности сотрудничества советских граждан с противником в различных регионах СССР: на территории Дона и Кубани оно складывалось несколько иначе, чем, например, в оккупированных областях средней полосы России.

* Corresponding author

E-mail addresses: pogrebovskijmihail@mail.ru (M.V. Pogrebovsky)

В-третьих, изучение историографии казачьего коллаборационизма актуально в контексте того, что казачество сыграло значительную роль в годы Великой Отечественной войны. Большую значимость в России казачество играет и сегодня: с конца XX в. мы можем наблюдать возрастание как общественного, так и научного внимания к данной теме, что отразилось в том числе на специфике формирования историографии проблемы.

2. Материалы и методы

В ходе историографического анализа были рассмотрены монографии, научные статьи и диссертационные исследования, посвященные военному коллаборационизму в годы Великой Отечественной войны. Российская историография включает в себя работы, выполненные российскими учеными и опубликованные с 1992 по 2023 гг. на русском языке на территории Российской Федерации.

Историографические источники были выявлены в электронных каталогах Российской государственной библиотеки, Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, Научной электронной библиотеки КиберЛенинка, в цифровых ресурсах dissercat.com, academia.edu и других. В источниковую базу вошли как обобщающие работы по коллаборационизму в годы Великой Отечественной войны, так и исследования по военному сотрудничеству граждан СССР с нацистскими захватчиками, а также специализированные работы по казачьему коллаборационизму.

3. Обсуждение и результаты

В историографии советского периода изучения коллаборационизма среди советских граждан как самостоятельного научного направления не существовало. Несмотря на то, что деятельность генерал-лейтенанта А.А. Власова и военные преступления национальных добровольческих формирований упоминались и всецело осуждались на страницах ряда работ, посвященных Великой Отечественной войне, создание и деятельность оккупационных органов и органов местного управления на захваченных территориях СССР, функционирование коллаборационистской прессы и военных коллаборационистских структур, действовавших под эгидой германского командования, оставались недостаточно изученными.

Можно выделить несколько работ (Ивлев, Юденков, 1988; Галкин, 1989 и др.), которые затрагивали тему отношений оккупационных властей и населения захваченных территорий. Эти исследования показывают сущность, организацию, методы, формы, масштабы и итоги немецкой пропаганды, ее влияние на граждан СССР, их авторы рассматривают особенности того механизма власти, который создавался захватчиками. Но советские историки конца 1980-х гг. рассматривали не столько пропагандистскую деятельность Германии и коллаборантов, сколько пути и методы Советского Союза по успешной борьбе с этой пропагандой. Нельзя отрицать огромный вклад советских историков в изучение Великой Отечественной войны, но в то же время нужно признать, что идеологическое, духовное и национальное единство народов Советского Союза считалось в то время аксиомой.

Основу изучения казачьего коллаборационизма в современной российской историографии заложил С.И. Дробязко. Именно С.И. Дробязко фактически первым подверг тему военного коллаборационизма среди граждан СССР строгому научному рассмотрению в своей кандидатской диссертации (Дробязко, 1997). Спустя два года после защиты кандидатской диссертации он опубликовал работу, впервые рассматривавшую казачий коллаборационизм как научную проблему вместе с восточными легионами вермахта в российской историографии, что видно из самого названия работы «Вторая мировая война 1939-1945. Восточные легионы и казачьи части в Вермахте» (Дробязко, 1999).

Ввиду широты темы, небольшого объема и популярного характера книга большей частью носит историко-описательный характер. С.И. Дробязко приводит основные факты о наиболее известных казачьих коллаборационистских частях и соединениях, таких, как кавалерийский полк «Платов», кавалерийский полк «Юнгшпульц», Казачий стан, 1-й казачий конный полк, 15-й казачий корпус СС. Остальные казачьи формирования упоминаются достаточно кратко. В данной работе нельзя найти изложения причин и предпосылок казачьего коллаборационизма. Но во введении приводится характеристика деятельности немецкого командования по привлечению коллаборантов на свою сторону. Относительно численности казачьих коллаборационистов С.И. Дробязко говорит крайне бегло и обобщенно: казаки, по его мнению, составляли не более 70 тысяч человек в составе войск вермахта и СС (Дробязко, 1999:

2), притом их распределения по конкретным частям автор не приводит. В работе отсутствует обобщающий вывод, в завершении автор лишь приводит данные о том, что руководители казачьих коллаборационистов были осуждены на открытом судебном процессе над нацистскими военными преступниками в Москве в 1947 г. и казнены.

Тема казачьего коллаборационизма была значительно глубже раскрыта С.И. Дробязко в его работе «Под знамёнами врага» (Дробязко, 2004), вышедшей в 2004 г. Стоит также отметить, что данная работа до сих пор является одним из самых полных обобщающих исследований по вопросам военного коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны. В отличие от первой книги, в данной монографии историк уделяет достаточно много внимания специфике казачьего коллаборационизма, его особенностям, причинам и предпосылкам возникновения. В частности, говорится о том, что казакам, как наиболее сплоченной части русской эмиграции, удалось сохранить и свой особый этос, и даже войсковую организацию. Также казачья эмигрантская среда была наполнена идеями мессианства и возрождения казачества. Автор, кроме того, отмечает, что предпосылки казачьего сотрудничества с врагом можно отнести к 1930-м гг., когда в казачьей эмигрантской прессе возникли идеи о военном реванше и создании независимого казачьего государства.

С.И. Дробязко дал развернутую характеристику казачьим добровольческим частям. Она включала в себя информацию о времени и месте создания подразделений, данные о том, в состав каких формировавших вошли те или иные соединения, переименования этих подразделений, участие в конкретных боевых действиях, сведения о командном составе и дальнейшей судьбе. Всего в работе упомянуто более 200 различных казачьих коллаборационистских вооруженных формирований. Относительно численности казаков-коллаборантов С.И. Дробязко остается на прежних позициях и оценивает их в 70 тысяч человек, из которых около 30-35 тысяч человек относит к войскам СС (Дробязко, 2004: 523). Историк отмечает особое отношение германского командования к казакам, как к людям, наиболее открытым и готовым к сотрудничеству, указывает на пропаганду идеи о полномасштабном сотрудничестве немцев с казаками (Дробязко, 2004: 149). Подробным образом изложен сам процесс создания казачьих коллаборационистских формирований – от попадания казаков в плен до распределения их по военным соединениям и резервным частям.

В рассматриваемой работе историк поднимает и вопрос о том, насколько можно верить имеющимся источникам по теме военного коллаборационизма среди казачества, поскольку пленные могли представляться казаками и вступать в казачьи формирования, не являясь таковыми (Дробязко, 2004: 67). Тем не менее, автор делает вывод о том, что в своей основной массе казаки, пошедшие на сотрудничество, были в своих действиях сознательны и сделали выбор, исходя из своих политических и идеологических убеждений (Дробязко, 2004: 70).

Казачьему коллаборационизму не была посвящена отдельной главы монографии, но, суммируя упоминания о нем в различных разделах, можно сделать следующие выводы: коллаборационисты-казаки в основном представлены уроженцами Дона, Кубани и Терека. Терское казачество на фоне сотрудничества с немцами донцов и кубанцев проявило себя не так активно, но и среди кубанских и донских казаков выделить наиболее лояльных к Германии также сложно, поскольку не всегда человек, позиционирующий себя в данном качестве, попадал в соответствующие соединения. Также нужно сказать, что казачьи части, в отличие от частей из советских военнопленных, таких, как Русская освободительная армия (далее – РОА) или Русский охранный корпус, пользовались гораздо большим доверием гитлеровцев. В связи с этим организация казачьих частей была систематизирована уже к осени 1942 г. (Дробязко, 2004: 160). Казачьим формированиям доверяли боевые задачи, часто использовали для борьбы с партизанами на территории Белоруссии и Украины (Дробязко, 2004: 190), а также, ввиду их специфики, против советской кавалерии (Дробязко, 2004: 205).

С.И. Дробязко приводит много эпизодов боевых столкновений казачьих частей вермахта с советскими войсками. В то же время историк обращает внимание на то, что казаки использовались исключительно как военный инструмент, но никак не политический и не пропагандистский, в отличие от РОА. Он отмечает, что со стороны Германии не было «заигрываний» с казаками по поводу их послевоенной судьбы, поскольку идеи создания т.н. «Казаккии» ни в коей мере не могли входить в планы по дальнейшей эксплуатации Германией захваченных на Востоке территорий (Дробязко, 2004: 349).

Значимым событием в развитии историографии проблемы стала защита в 2003 г. кандидатской диссертации Л.В. Табунщиковой на тему «Донские антисоветские казачьи

структуры и Германия в 1918 и 1941-1945 гг.» (Табунщикова, 2003). Главной целью исследования являлся сравнительный анализ доно-германских контактов в ходе Гражданской и Великой Отечественной войн через рассмотрение влияния немцев на внутривосточную жизнь донцев в 1918 г., и рассмотрение казачьего фактора в оккупационной политике немцев в 1942-1943 гг. В ходе диссертационного исследования Л.В. Табунщикова приходит к ряду выводов, в частности, о том, что если в 1918 г. квазигосударственное казачье образование вступило в контакт с Германией на достаточно высоком уровне союзных отношений, то в период Великой Отечественной войны контакты между немцами и казаками велись на принципиально ином уровне: Третий рейх не видел в лидерах казачьих коллаборантов равных себе политических и военных деятелей, поэтому казачество находилось в подчиненном положении по отношению к нацистским захватчикам.

В 2005 г. в свет вышла монография П.Н. Крикунова «Казаки. Между Гитлером и Сталиным» (Крикунов, 2005). Эта работа на сегодняшний день остается самым главным специализированным исследованием по казачьему коллаборационизму в период Великой Отечественной войны – военному, политическому, идеологическому и иным проявлениям сотрудничества. Необходимо отметить источниковую базу исследования: если С.И. Дробязко использовал для исследования казачьего коллаборационизма преимущественно материалы Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ), Российского государственного архива социально-политических исследований и Российского государственного военно-исторического архива, то П.Н. Крикунов активно использовал и региональные архивы, в частности, Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО), Таганрогский и Шахтинский филиалы ГАРО, Центр государственной документации новейшей истории Ростовской области, Архив Управления Федеральной Службы Безопасности по Ростовской области. Использовались в монографии и зарубежные архивы – в том числе Русский зарубежный исторический архив, куда исследователь обращался за материалами канцелярии атамана М.Н. Граббе, представителя Донского атамана в Чехословакии С.В. Маракуева и т.д. П.Н. Крикунов широко использовал также корпус источников личного происхождения – письма П.Н. Краснова, В.Г. Науменко, Е.И. Балабина, Ф.Ф. Абрамова и других деятелей казачьего коллаборационизма.

Строго говоря, данная работа является обобщающей по всему казачьему коллаборационизму, поэтому П.Н. Крикунов ведет речь не только о боевых частях казаков, но и об их политических и идеологических взглядах. Особого внимания удостоились Казачий стан, 1-я казачья кавалерийская дивизия и 15-й казачий кавалерийский корпус СС генерала Г. фон Паннвица. Гораздо более подробно, чем в работах, упомянутых ранее, рассматриваются планы германского командования на использование казаков-коллаборантов в пропагандистских целях.

Если говорить о численности казаков-коллаборантов, то П.Н. Крикунов полагает, что их точное количество определить сложно, но оно колеблется от 70 до 110 тысяч человек. В своих подсчетах он учитывает детей, женщин и стариков из казачьих семей. Из них от 25 до 30 тысяч человек числились в 15-м казачьем кавалерийском корпусе генерала Г. фон Паннвица, около 30–35 тысяч в Казачьем стане атамана Т.И. Доманова, до 2 тысяч человек – в Казачьем резерве генерала А.Г. Шкуро, около 1,5 тысяч – в 1-м казачьем полку генерала В.Э. Зборовского в составе Русского охранного корпуса. Констатируется, что большое количество казаков в виде отдельных сотен, эскадронов, рот, взводов и команд, а также мелких групп и одиночек, находились как в различных немецких частях, так и в РОА, что значительно усложняет подсчеты (Крикунов, 2005: 53). В то же время тысячи казаков были разбросаны по территории Европы. Весной – летом 1945 г. советским властям было выдано примерно 50–55 тысяч казаков (Крикунов, 2005: 230).

Исследователь проводит данные о территориальном распределении казачьих коллаборационистских частей. В частности, сообщается, что в Ростове-на-Дону в период второй оккупации несли службу в качестве городского гарнизона 800 казаков. Общая численность всех казачьих частей, сформированных на территории Украины, оценивается автором в 15-20 тысяч человек. Присутствие казаков-коллаборантов в Белоруссии оценивается П.Н. Крикуновым всего в 2,5 тысяч человек, в то время как на территории Польши еще в 1944 г. он насчитывает около 15-17 тысяч казаков (Крикунов, 2005: 163). В этом проявляется новизна, поскольку С.И. Дробязко проводил подсчеты по конкретным формированиям, а не по регионам их расположения.

Проводя некоторую дифференциацию между казачьими регионами, исследователь констатирует, что донское казачество было гораздо более организованным и централизованным в сравнении с кубанским. Ссылаясь на опыт добровольческих формирований, созданных на территории современного Краснодарского края, автор делает вывод, что кубанских казаков в среде коллаборантов было меньше донцов (Крикунов, 2005: 150). Подобным образом он попытался условно разделить города на «более» и «менее» казачьи. Например, город Таганрог назван историком «самым неказачьим городом Дона» (Крикунов, 2005: 95), основной костяк коллаборационистских сил здесь составляли не потомственные казаки, как в Штабе Войска Донского, а бывшие белые офицеры и солдаты, сражавшиеся против большевизма в годы Гражданской войны. В свою очередь, Новочеркасск был указан как «наиболее казачий» город Ростовской области (Крикунов, 2005: 94).

П.Н. Крикунов также приводит данные относительно небоевых обстоятельств деятельности казачьих коллаборантов, в частности, рассказывает о выборах атаманов в различных станицах Ростовской области и переписи казачьего населения. По его данным, из всего населения города Ростова-на-Дону, достигавшего 400 тысяч человек, казаками позиционировали себя около 6 тысяч человек, т.е. 1-2 % населения. В работе нашлось место для коллаборационистского казачьего фольклора – приводятся тексты полковых гимнов, песен и частушек, информация о военных оркестрах, формах отдыха и развлечения казаков.

Стоит сказать, что в данной работе затрагивается тема, которой находилось не так много места в предыдущих исследованиях – коллаборационизм среди терского казачества. Отмечается, что на территории проживания терских казаков формирование казачьих частей шло гораздо меньшими темпами, чем на Дону и Кубани (Крикунов, 2005: 152). П.Н. Крикунов рассматривает деятельность 7-го Терского полка под командованием майора Г.П. Назыкова, 10-го Терско-Ставропольского полка полковника Маслова и других формирований, созданных из терских коллаборантов. Также освещены действия 2-го Сибирского полка против партизанских отрядов на территории Белорусской ССР.

Наряду с этим отмечается, что в казачьих землях находились и активные защитники Родины от захвата ее фашистскими оккупантами. Свидетельством этого явилась развернувшаяся партизанская война и подпольная деятельность на оккупированных территориях. Так, только в районе Краснодара действовало 87 партизанских отрядов, многие из которых состояли из казаков (Крикунов, 2005: 216).

Автор рассматривает деятельность коллаборационистов не только на территории СССР, но и на территории других стран Европы в период Второй мировой войны. По оценке П.Н. Крикунова, 1-я казачья кавалерийская дивизия и 15-й кавалерийский корпус СС относились противником к числу самых крупных, надежных и боеспособных воинских формирований из восточных добровольцев и сыграли большую роль в борьбе с югославскими партизанами на завершающем этапе войны. Отчаянность в боевых действиях со стороны казаков-коллаборантов во многом объясняется их планами по обустройству своих земель после окончания войны.

Работа П.Н. Крикунова занимает значительное место в историографии военного коллаборационизма в целом и казачьего коллаборационизма в частности. Исследование темы продолжилось в трудах других историков. Следующим этапом в изучении темы стала работа О.В. Романько «Советский легион Гитлера» (Романько, 2006), вышедшая на следующий год после работы П.Н. Крикунова. В данной работе О.В. Романько, как это видно из названия, исследует участие советских коллаборационистов, в том числе и казаков, в войне в составе вермахта и СС. По мнению О.В. Романько, они составляли не более 70 тысяч человек, если брать в расчет и вермахт, и СС. Причем 50 тысяч казаков О.В. Романько относит к войскам СС и только 20 тысяч человек – к вермахту (Романько, 2006: 568).

В остальном выводы О.В. Романько совпадают с результатами исследований П.Н. Крикунова и С.И. Дробязко, он активно ссылается на них. В основном, он рассматривает 15-й Казачий кавалерийский корпус СС и Казачий стан, военную активность Краснова, Панвица, Доманова и других деятелей казачьего командования. Представляется интересной попытка О.В. Романько выстроить некоторую динамику и иерархию добровольческих формирований в представлении самих немцев: так, наибольшим доверием пользовались добровольцы из германоязычных стран Европы, затем шли другие европейские коллаборационисты, сразу после – казаки, за счет их легендарной отваги и распространенному уже в то время мнению о их антисоветской направленности, затем

формирования из тюрков, мусульман и кавказцев, после – славяне и народы Прибалтики (Романько, 2006: 402).

Весьма интересным представляется такой факт, фигурирующий в работе О.В. Романько: по не совсем ясным причинам немецкая сторона считала понятия «казаки» и «калмыки» родственными. Это выразилось в том, что калмыков часто причисляли к казакам и направляли в казачьи формирования. Автор приводит документ «Использование местных вспомогательных сил на Востоке», выпущенный верховным командованием сухопутных сил вермахта в августе 1942 г., и инструкцию, к нему прилагающуюся. Именно там казаки и калмыки обособлены в отдельный пункт как равноправные союзники, сражающиеся плечом к плечу с германскими солдатами против большевизма в составе боевых частей (Романько, 2006: 399).

Историк говорит о том, что статус всякого иностранного добровольческого формирования зачастую не был постоянным и зависел от внешней военной и политической ситуации. Тем не менее, приводятся причины, по которым казачество находилось на достаточно высоком положении у нацистских захватчиков по сравнению с другими коллаборантами: во-первых, в псевдо-научной нацистской теории о национальной принадлежности казаков говорилось о том, что их предки были арийцами, жившими по соседству с германскими племенами, во-вторых, немцы оценили высокие боевые качества казаков, в-третьих, если отношение Германии к тем или иным народам могло меняться по определенным причинам, казаки представляли собой не этническую общность, а социальную и уже потому не вызвали дополнительных вопросов у немецкого командования.

Свой вклад внес в историю рассматриваемой проблемы известный исследователь различных форм коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны Б.Н. Ковалев. Несмотря на то, что в центре его внимания по большей части находятся различные формы невоенного сотрудничества, в работе «Коллаборационизм в России» нашлось место для проблемы взаимодействия казаков и немцев. В отношении численности казаков-коллаборационистов Б.Н. Ковалев не приводит новой информации, а ограничивается все той же цифрой в 70 тысяч казаков (Ковалев, 2009: 18), не распределяя их между вермахтом и СС. Стремясь рассмотреть деятельность коллаборантов на территории всей оккупированной территории РСФСР и выявить ее особенности, Б.Н. Ковалев берет во внимание случаи кооперации казаков с оккупантами на территории Смоленской, Калужской, Брянской и Псковской областей, а также в берлинской «Казачьей сотне СС» (Ковалев, 2009: 35). Ранее подобного шага не предпринималось, исследователи, как правило, ограничивались Украиной и Белоруссией. В работе Б.Н. Ковалева не было поставлено отдельной задачи относительно казачьего коллаборационизма, однако приведенная монография является качественным дополнением к работам предшествующих исследователей по этой теме.

В дальнейшем отражение темы казачьего коллаборационизма нашло себя в работах ростовского историка Е.И. Журавлева (Журавлев, 2009; Журавлев, 2012). Исследования Е.И. Журавлева носили региональный характер, поэтому в центре внимания находился не казачий коллаборационизм, как таковой, но его проявления на территории Юга РСФСР, в особенности на землях современных Ростовской области и Краснодарского края. Е.И. Журавлев рассматривал коллаборационизм на территории юга России во всех возможных его проявлениях, но внес вклад и в разработку вопроса военного сотрудничества казаков с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны.

Можно отметить следующую новизну в исследованиях данного автора: подробно рассмотрена работа Штаба Войска Донского и его представительств в городах Новочеркасск, Каменск и в других местах. Состав так называемого комитета по казачьим делам, созданного в Ростове-на-Дону с разрешения оккупационной администрации, приведен Е.И. Журавлевым поименно и даже с некоторыми биографическими сведениями (Журавлев, 2009: 22). Историк касается также вопросов коллаборационизма кубанских казаков. Так, приводится весьма интересный и почти не встречающийся в научной литературе эпизод создания казачьего квазигосударственного образования на Юге России (Журавлев, 2009: 23): с разрешения немецкого командования на оккупированной части Кубани был создан т.н. «казачий автономный район», который по окончании войны предлагалось преобразовать в «атаманское губернаторство». Населению здесь гарантировалась полная свобода в культурной, образовательной и религиозной деятельности, в остальном же проживавшие там казаки должны были следить за сохранением оккупационных порядков. Данный эксперимент

Восточного министерства начался в начале октября 1942 г. и завершился с отступлением немцев в феврале 1943 г. Данный факт представляется особо интересным, поскольку до этого для историков более волнующим вопросом была политическая активность донского казачества (Дробязко, 2004: 45; Крикунов, 2005: 160; Романько, 2006: 114).

Е.И. Журавлев подробно рассказывает о политике германского командования по сбору, регистрации и фильтрации казаков перед их распределением по конкретным частям. Например, рассматривается работа Главного штаба формирования казачьих войск Кубани, Дона и Терека, располагавшегося в тогда еще украинском Мелитополе (Журавлев, 2009: 28): для попадания в 3-й Донской полк и особые казачьи формирования обязательным требованием было наличие приговора от судебных инстанций, находящихся в юрисдикции советской власти, на лишение свободы минимум на 10 лет. Подобных характерных эпизодов Е.И. Журавлев приводит достаточно много. Он также внес вклад в рассмотрение проблемы отношений казаков и калмыков, поднятой ранее О.В. Романько. Из изложения автора мы узнаем, что среди калмыцких коллаборантов были националисты, стремящиеся к обособлению от донских казаков, а также т.н. «казакоманы», которые видели будущее поствоенной Калмыкии в составе казачьего образования «Казакия» (Журавлев, 2009: 31).

Автором ряда работ по казачьему коллаборационизму является Е.Ф. Кринко. В одной из статей (Кринко, 2013) историк определяет количество казаков в числе коллаборантов в 70-80 тысяч человек, делая поправку на то, что лишь около 50 тысяч можно было отнести к потомственным казакам, что близко к выводам С.И. Дробязко и О.В. Романько, но значительно ниже показателей, приводимых П.Н. Крикуновым. Основным достоинством работы можно считать то, что в рамках статьи автору удалось достаточно подробно рассказать о деятельности казаков-коллаборантов от начала Великой Отечественной войны до их действий вплоть до весны 1945 г. В другом исследовании (Кринко, 2019) Е.Ф. Кринко сужает объект до коллаборационизма казаков на территории Дона – в частности, речь идет об участии казаков-коллаборантов в сражениях за Ростов-на-Дону, Новочеркасск и Таганрог. Также интересными представляются эпизоды о противостоянии донских казаков по обе стороны фронта – на стороне вермахта и СС – с одной, на стороне РККА – с другой.

С течением времени проблемой казачьего военного коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны заинтересовались историки Краснодарского края. Одним из таких исследователей стал О.В. Ратушняк. Его статья «Участие казачества во Второй мировой войне на стороне Германии» (Ратушняк, 2013), вышедшая в 2013 г. и по названию претендующая на обобщающий характер изложения всего казачьего коллаборационизма в 1939-1945 гг., содержит большое количество эпизодов коллаборационизма среди кубанских казаков. Это позволяет сделать вывод о том, что она носит скорее региональный характер.

В данной статье О.В. Ратушняк более подробно, чем его предшественники, рассматривает деятельность коллаборационистских формирований, состоящих по большей части из кубанских казаков и сформированных на территории Кубани – 82-го казачьего эскадрона под командованием кубанского казака М. Загородного, казачьей части «Свободная Кубань», казачьего резерва под командованием кубанца А. Шкуро. В остальном же статья О.В. Ратушняка представляется историко-описательной. Единственным архивным источником стало дело из ГАРФ, ссылок на региональные архивы не указано, что объясняется, по-видимому, сжатыми рамками работы.

Частично вопрос казачьего коллаборационизма затронул С.И. Линец в статье о коллаборационизме на территории Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны (Линец, 2016). Однако тут казачий коллаборационизм был упомянут всего несколько раз и представлен в самых общих фактах, как и в ряде последующих работ данного автора.

Несколько особняком стоит исследование С.В. Богданова и Я.А. Торхова (Богданов, Торхов, 2016), поскольку оно полностью посвящено деятельности казачьего добровольческого отряда на территории средней полосы России, а не южных ее регионов. В статье приводятся факты из ранее не публиковавшихся материалов архивов региональных управлений ФСБ России по Белгородской области и Курской области. Работа посвящена рассмотрению условий и особенностей формирования Львовского казачьего отряда из числа коллаборантов на территории Курской области в годы немецкой оккупации. Авторы достаточно подробно рассмотрели историю коллаборационистского формирования: рассказывается о создании отряда в г. Рыльске, его руководителях, участии в репрессивных мерах по отношению к населению и партизанах, причинах низкой боеспособности и дальнейшей судьбе.

Одно из последних исследований по изучению сотрудничества казаков и немецких захватчиков – статья Б.А. Малиницкого и Э.Н. Нежигай, опубликованная в 2023 г. (Малиницкий, Нежигай, 2023). Предмет изучения весьма необычный – образ казаков-коллаборантов в литературе. В качестве источников авторы используют повести «Шла война народная» П.К. Ушакова, «Они приближали рассвет» В.А. Попова и другие, а также научные работы по теме коллаборационизма, в том числе, упомянутые выше. Историки проводят параллели между образами коллаборантов, включая и казаков, в художественной и научной литературе. Вывод исследователей состоит в том, что образы казаков-коллаборационистов в двух видах источников не противоречат друг другу, но имеют некоторые различия: если в научной литературе понятие коллаборационизма имеет четкое определение, то в художественной литературе, особенно советского периода, это понятие раскрывается за счет привлечения психологических эффектов и рассуждений о мотивах предательства своей Родины. Данная статья не несет в себе принципиально новых сведений относительно количества казаков-коллаборантов или других вопросов, оговоренных выше, но сама постановка проблемы представляется интересной и заставляет задуматься о том, что подобного рода исследования могут быть проведены, например, и в отношении образа казаков-коллаборантов в кинематографе.

Обобщая данные историографического анализа, можно сделать некоторые выводы по основным вопросам казачьего коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны. Численность казаков-коллаборационистов в российской историографии представлена в работах, носящих как обобщенный, так и специальный характер. Большинство историков, как опубликовавших работы в конце 1990-х гг., так и проводивших исследования в середине 2000-х гг., в том числе, С.И. Дробязко и О.В. Романько, сходятся во мнении, что коллаборантов в среде казаков было около 70 тысяч человек. К вермахту О.В. Романько относит 20 тысяч казаков и 50 тысяч – к СС. С.И. Дробязко – 30 тысяч к войскам СС и 40 тысяч человек – к частям вермахта. Однако есть и альтернативная оценка до 110 тысяч человек в монографии П.Н. Крикунова, из них 30 тысяч казаков данный исследователь также относит к СС. Констатируется, что большое количество казаков в виде отдельных сотен, эскадронов, рот, взводов и команд, а также мелких групп и одиночек, находились как в различных немецких частях, так и в РОА, что значительно усложняет подсчеты.

Наибольшее доверие вызывают данные С.И. Дробязко, поскольку он использует такие источники, как документы из ГАРФ: фонда 5761 (Общеказачье объединение в Германской империи, 1939-1945 гг.), фонда 5762 (Канцелярия Казачьего национально-освободительного движения, 1941-1944 гг.) и фонда 5796 (Юго-Восточное отделение Объединения русских воинских союзов, 1939–1945 гг.). С другой стороны, П.Н. Крикунов, основываясь на не менее репрезентативной источниковой базе, приводит гораздо большее количество казаков-коллаборационистов. Дело в том, что историк включает в их число казаков-эмигрантов и тех жителей Кубани и Дона, которые отступали вместе с казачьими частями вместе с вермахтом при наступлении РККА.

Вопрос о том, насколько военнослужащие казачьих частей вермахта и СС являлись в действительности казаками, впервые поднял в своей работе С.И. Дробязко: «Речь шла о выборе между жизнью и смертью в лагере от непосильного труда, голода и болезней. Изъявляя желание вступить в германскую армию, многие из них объявляли себя “казаками”» (Дробязко, 2004: 67). Но каких-либо конкретных данных о том, сколько казаков можно причислить к потомственным, а сколько попало в казачьи части по другим обстоятельствам, он не привел. Относительно данного аспекта высказал свое мнение и автор ряда статей по коллаборационизму на юге России Е.И. Журавлев (Журавлев, 2009).

На данный момент историкам достаточно сложно сказать, сколько именно в среде коллаборантов было донских, кубанских и других казаков. Конечно, можно подсчитать личный состав всех формирований, носивших названия донских или кубанских. Но, во-первых, не всегда человек, идентифицирующий себя как донской казак, попадал в полк, дивизион, отряд или сотню, носивший соответствующее название. Во-вторых, зачастую донские формирования пополнялись за счет вновь прибывших в распоряжение немцев пленных, беженцев или эмигрантов. Тем не менее, П.Н. Крикунов, проводя некоторую дифференциацию между казачьими регионами, констатирует, что донское казачество было гораздо более организованным и централизованным в сравнении с кубанским (Крикунов, 2005: 93, 150).

Историки склоняются к мнению, что подавляющее большинство казаков пошло на сотрудничество с немцами добровольно и сознательно – это видно из эффективности их боевой деятельности против партизан и по карательным акциям в немецком тылу, что и вызывало особое доверие нацистов. Можно также сказать, что казаки старательно сохраняли свой культурный код, элементы казачьего этоса, обычаи и традиции. В связи с этим можно привести работу К.М. Александрова «Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели» (Александров, 2005: 353), автор которой отмечает, что казаками Дона и Кубани в качестве гимнов воинских подразделений использовались как песни дореволюционного периода, так и народные песни еще XVIII в. Свой вклад в этот вопрос внес Б.Н. Ковалев, приведший данные о выборах атаманов в разных станицах Ростовской области, о быте и повседневности казаков-коллаборантов, а также о музыкальном театре терских казаков в Ставрополе (Ковалев, 2009: 222). В работе П.Н. Крикунова приводится интересный пример с формой астраханских казаков: они могли носить неуставные предметы обмундирования, характерные для казачьей формы дореволюционного периода, чему не препятствовало немецкое командование (Крикунов, 2005: 219).

4. Заключение

Можно сделать следующие выводы о развитии историографии казачьего коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны: зарождение интереса к теме возникло в конце 1990-х гг. Она активно исследовалась историками вплоть до начала 2010-х гг., после чего замечен спад к ней исследовательского интереса. В российской историографии достаточно подробно изучена политическая и военная деятельность казачьей эмиграции, история создания, функционирования, расформирования наиболее крупных казачьих коллаборационистских частей и соединений. Проработаны причины и предпосылки возникновения казачьего коллаборационизма. Большинство историков определяют численность коллаборантов в казачьей среде в 70 тысяч человек.

Как полномасштабное явление, казачий коллаборационизм изучен достаточно подробно и со многих сторон. Однако, если говорить о региональных аспектах, то представляется, что сотрудничество донских казаков с немцами изучено более подробно, чем коллаборация кубанских и терских казаков. Объяснять это можно не только более высокой степенью организации донских коллаборационистов, но и тем, что о них сохранилось больше исторических источников. Вполне возможно, что эвристический потенциал темы не раскрыт и по другим причинам. Так или иначе, коллаборационизм среди кубанского и терского казачества нуждается в дальнейшем изучении историками.

Говоря о методологических сложностях изучения казачьего коллаборационизма, мы сталкиваемся со следующим рядом проблем: во-первых, открытым остается вопрос, насколько правомерно коллаборационистами называть казаков, покинувших Россию в ходе или сразу после Гражданской войны? Юридически такие лица не являются коллаборационистами, поскольку не были гражданами СССР в период Великой Отечественной войны. В таком случае более правильным было бы считать казачьим коллаборационизмом исключительно факты сотрудничества казаков, проживавших в СССР в 1941-1945 гг. Однако в специализированной литературе Краснов, Шкуро, Вдовенко и другие белоэмигранты, бежавшие в Европу в начале 1920-х гг., причисляются к казачьим коллаборационистам.

Во-вторых, неоднократно в исследованиях поднимается проблема того, что мы не можем в полной мере доверять цифрам из источников, поскольку к казакам могли причислять себя как их действительные потомки или прямые представители, так и любые другие военнопленные, пошедшие на данный шаг для сохранения собственной жизни. Определить точное количество «настоящих» и «ненастоящих» казаков практически невозможно. Поэтому будет более правильным основываться на их численности в 70 тысяч человек.

Наиболее изученными вопросами представляются создание и дальнейшая судьба таких вооруженных формирований, как Казачий стан походных атаманов С.В. Павлова и Т.И. Доманова, 1-я казачья кавалерийская дивизия и 15-й казачий кавалерийский корпус СС генерала Г. фон Паннвица. Наиболее перспективными направлениями изучения казачьего коллаборационизма являются действия казаков-коллаборантов на территории Украины, Белоруссии и стран Европы. В последнее время активно обсуждается вопрос о том, что известные казаки-коллаборанты Доманов и Павлов были агентами, работавшими на органы НКВД – НКГБ (Полян, 2021).

Общие проблемы военного коллаборационизма среди казачества достаточно глубоко исследованы, благодаря историкам предыдущих десятилетий, однако тема нуждается в дальнейшем изучении, в том числе, в специальном рассмотрении действий коллаборационистов в отдельных городах и населенных пунктах на материалах областных и краевых архивов.

Литература

Александров, 2005 – Александров К.М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. М.: Яуза, 2005. 752 с.

Богданов, Торхов, 2016 – Богданов С.В., Торхов Я.А. Львовский казачий отряд в системе немецкого оккупационного режима Курской области 1941-1943 гг. [Тамбов] *Грамота*. 2016. № 7(69). Ч. 2. С. 22-25.

Булыга, 2018 – Булыга О.В. Проблема коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной войны в советской и российской историографии // *Вестник Московского университета*. 2018. № 6. С. 81-96.

Галкин, 1989 – Галкин А.А. Германский фашизм. 2-е изд., доп. и перераб. М.: АН СССР, 1989. 352 с.

Дробязко, 1997 – Дробязко С.И. Восточные формирования в составе Вермахта, 1941-1945 гг.: дисс... канд. ист. наук. М., 1997. 239 с.

Дробязко, 1999 – Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939-1945. Восточные легионы и казачьи части в Вермахте. М.: АСТ, 1999. 48 с.

Дробязко, 2004 – Дробязко С.И. Под знаменем врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. М.: Эксмо, 2004. 608 с.

Журавлев, 2009 – Журавлев Е.И. Военно-политический коллаборационизм на юге России в годы немецко-фашистской оккупации (1941-1943 гг.) // *Вестник РУДН. Серия История России*. 2009. № 4. С. 20-33.

Журавлев, 2010 – Журавлев Е.И. Борьба с проявлениями коллаборационизма на юге России в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 годы) // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2010. № 5. С. 61-64.

Журавлев, 2012 – Журавлев Е.И. Политика нацистов по развитию коллаборационизма и ее реализация на Юге России в годы Великой Отечественной войны (1941-1943 гг.) // *Научная мысль Кавказа*. 2012. № 1. С. 60-65.

Ивлев, Юденков, 1988 – Ивлев И.А., Юденков А.Ф. Оружием контрпропаганды: Советская пропаганда среди населения временно оккупированной территории СССР, 1941-1944. М.: Мысль, 1988. 277 с.

Ковалев, 2009 – Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2009. 372 с.

Крикунов, 2005 – Крикунов П.Н. Казаки. Между Гитлером и Сталиным. М.: Яуза, 2005. 607 с.

Кринко, 2013 – Кринко Е.Ф. В составе вермахта и СС: коллаборационистские казачьи части // *Історичні і політологічні дослідження [Донецк]*. 2013. № 4 (54). С. 260–269

Кринко, 2019 – Кринко Е.Ф. Казачий коллаборационизм на Дону в годы Великой Отечественной войны // *Казачество в конце XIX – начале XXI вв.: рассказывание и социокультурные трансформации. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 27–28 июня 2019 г.)*. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. С. 98–104.

Линец, 2016 – Линец С.И. Коллаборационизм на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны: истоки, проявления, масштабы // *Россия в глобальном мире*. 2016. № 8 (31) С. 148-164.

Малиницкий, Нежигай, 2023 – Малиницкий Б.А., Нежигай Э.Н. Явление коллаборационизма на Кубани: анализ исторических источников и художественных произведений // *Культурный ландшафт регионов*. 2023. № 2. С. 44-55.

Мартынов, 2015 – Мартынов Б.С. Белые пятна в исследовании коллаборационизма // *Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). Исторические науки*. 2015. № 11 (20). С. 73.

Молодова, 2015 – Молодова И.Ю. Отечественная историография оккупационного режима, функционировавшего на захваченной фашистами территории РСФСР // *Общество: философия, история, культура*. 2015. № 1. С. 29-33.

Полян, 2021 – Полян П.М. Товарищ походный атаман: Новые документы о двурушничестве Тимофея Ивановича Доманова // Трагедия войны: Гуманитарное измерение вооруженных конфликтов XX века. М.: Яуза, 2021. С. 272-282.

Ратушняк, 2013 – Ратушняк О.В. Участие казачества во Второй мировой войне // Исторические науки. Теория и практика общественного развития. 2013. № 3. С. 125-129.

Романько, 2006 – Романько О.В. Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС. М.: Издатель Быстров, 2006. 668 с.

Табунщикова, 2003 – Табунщикова Л.В. Донские антисоветские казачьи структуры и Германия в 1918 и 1941–1945 гг.: дисс... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 178 с.

Хисамутдинова, 2003 – Хисамутдинова Р.Р. Проблема коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной войны в современной российской историографии и зарубежной литературе // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2013. № 3 (7). С. 117-124.

References

Aleksandrov, 2005 – Aleksandrov, K.M. (2005) Russkie soldaty Vermahta. Geroi ili predатели [Russian Soldiers of the Wehrmacht. Heroes or Traitors]. М.: Yauza, 752 p. [in Russian]

Bogdanov, Torhov, 2016 – Bogdanov, S.V., Torhov, Ya.A. (2016) Lgovskij kazachij otryad v sisteme nemeckogo okkupacionnogo rezhima Kurskoj oblasti 1941-1943 gg. [Lgov Cossack Detachment in the System of the German Occupation Regime of the Kursk Region 1941–1943] Tambov. Gramota. 7(69). Ch. 2. Pp. 22-25. [in Russian]

Buliga, 2018 – Bulyga, O.V. (2018) Problema kollaboracionizma v SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny v sovetskoj i rossijskoj istoriografii [The Problem of Collaborationism in the USSR during the Great Patriotic War in Soviet and Russian Historiography]. Vestnik Moskovskogo universiteta. 6: 81-96. [in Russian]

Drobyazko, 1997 – Drobyazko, S.I. (1997). Vostochnye formirovaniya v sostave Vermahta, 1941-1945 gg.: diss. ... kand. ist. nauk [Eastern Formations within the Wehrmacht, 1941–1945.] [The Thesis for the Degree of Candidate of Science in History]. М., 239 p. [in Russian]

Drobyazko, 1999 – Drobyazko, S.I. (1999). Vtoraya mirovaya vojna 1939-1945. Vostochnye legiony i kazach'i chasti v Vermahte [World War II 1939-1945. Eastern Legions and Cossack Units in the Wehrmacht]. М.: AST, 48 p. [in Russian]

Drobyazko, 2004 – Drobyazko, S.I. (2004) Pod znamenem vraga. Antisovetskie formirovaniya v sostave germanskih vooruzhennyh sil [Under the Enemy's Banner. Anti-Soviet Formations within the German Armed Forces]. М.: Eksmo, 608 p. [in Russian]

Galkin, 1989 – Galkin, A.A. (1989). Germanskij fashizm [German Fascism]. Ed. B.I. Koval'. 2nd ed. М., 352 p. [in Russian]

Hisamutdinova, 2003 – Hisamutdinova, R.R. (2013). Problema kollaboracionizma v SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny v sovremennoj rossijskoj istoriografii i zarubezhnoj literature [The Problem of Collaboration in the USSR during the Great Patriotic War in Modern Russian Historiography and Foreign Literature]. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 3(7): 117-124. [in Russian]

Ivlev, Yudenkov, 1988 – Ivlev, I.A., Yudenkov, A.F. (1988) Oruzhiem kontrpropagandy: Sovetskaya propaganda sredi naseleniya vremenno okkupirovannoj territorii SSSR, 1941-1944 [Weapons of Counterpropaganda: Soviet Propaganda among the Population of the Temporarily Occupied Territory of the USSR, 1941-1944]. М., 277 p. [in Russian]

Kovalev, 2009 – Kovalev, B.N. (2009). Kollaboracionizm v Rossii v 1941-1945: tipy i formy [Collaborationism in Russia in 1941-1945: Types and Forms]. Velikij Novgorod: NovGU imeni Yaroslava Mudrogo, 372 p. [in Russian]

Krikunov, 2005 – Krikunov, P.A. (2005) Kazaki. Mezhdru Gitlerom i Stalinym [Cossacks. Between Hitler and Stalin]. М.: Yauza, 607 p. [in Russian]

Krinko, 2013 – Krinko, E.F. (2023). V sostave vermahta i SS: kollaboracionistskie kazachi chasti [As a Part of the Wehrmacht and SS: Collaborationist Cossack Units] Istorichni i politologichni doslidzhennya [Doneck]. № 4 (54), pp. 260-269. [in Russian]

Krinko, 2019 – Krinko, E.F. (2023). Kazachij kollaboracionizm na Donu v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Cossack Collaborationism on the Don during the Great Patriotic War] Kazachestvo v konce XIX – nachale XXI vv.: raskazachivanie i sociokulturnye transformacii.

Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (g. Rostov-na-Donu, 27–28 iyunya 2019 g.). Rostov-na-Donu: Izd-vo YuNC RAN, pp. 98-104. [in Russian]

[Linec, 2016](#) – *Linec, S.I.* (2016). Kollaboracionizm na Severnom Kavkaze v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: istoki, proyavleniya, masshtaby [Collaborationism in the North Caucasus during the Great Patriotic War: Origins, Manifestations, Scale] *Rossiya v global'nom mire*, № 8 (31), pp. 148-164. [in Russian]

[Malinickij, Nezhigaj, 2023](#) – *Malinickij, B.A., Nezhigaj, E.N.* (2023). Yavlenie kollaboracionizma na Kubani: analiz istoricheskikh istochnikov i hudozhestvennyh proizvedenij [The Phenomenon of Collaboration in the Kuban: Analysis of Historical Sources and Works of Art] *Kulturnyj landshaft regionov*. 2: 44-55. [in Russian]

[Martynov, 2015](#) – *Martynov, B.S.* (2015). Belye pyatna v issledovanii kollaboracionizma [Blind Spots in the Study of Collaboration] *Evrazijskij Soyuz Uchenyh (ESU). Istoricheskie nauki*. 11(20): 73. [in Russian]

[Molodova, 2015](#) – *Molodova, I.Yu.* (2015). Otechestvennaya istoriografiya okkupacionnogo rezhima, funkcionirovavshogo na zahvachennoj fashistami territorii RSFSR [National historiography of the occupation regime that functioned on the territory of the RSFSR captured by the Nazis]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tur*. 1: 29-33. [in Russian]

[Polyan, 2021](#) – *Polyan, P.M.* (2021). Tovarithch pohodnyj ataman: Novye dokumenty o dvurushnichestve Timofeya Ivanovicha Domanova [Comrade Ataman: New Documents about the Double-Dealing of Timofey Ivanovich Domanov]. *Tragediya vojny: Gumanitarnoe izmerenie vooruzhennykh konfliktov XX veka*. M.: Yauza, pp. 272-282. [in Russian]

[Ratushnyak, 2013](#) – *Ratushnyak, O.V.* (2013). Uchastie kazachestva vo Vtoroj mirovoj vojne [Participation of the Cossacks in World War II] *Istoricheskie nauki. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 3: 125-129. [in Russian]

[Roman'ko, 2006](#) – *Roman'ko, O.V.* (2006). Sovetskij legion Gitlera. Grazhdane SSSR v ryadah vermahta i SS [Hitler's Soviet Legion. Citizens of the USSR in the Ranks of the Wehrmacht and SS]. M.: Izdatel' Bystrov, 668 p. [in Russian]

[Tabunshikova, 2003](#) – *Tabunshikova, L.V.* (2003). Donskie antisovetskie kazachi struktury i Germaniya v 1918 i 1941–1945 gg. diss. ... kand. ist. nauk [Don anti-Soviet Cossack structures and Germany in 1918 and 1941–1945]. [The Thesis for the Degree of Candidate of Science in History]. Rostov-on-Don, 178 p. [in Russian]

[Zhuravlev, 2009](#) – *Zhuravlev, E.I.* (2009). Voенно-politicheskij kollaboracionizm na yuge Rossii v gody nemecko-fashistskoj okkupacii (1941-1943 gg.) [Military-Political Collaborationism in the South of Russia During the Years of Nazi Occupation]. *Vestnik RUDN. Seriya Istoriya Rossii*. 4: 20-33. [in Russian]

[Zhuravlev, 2010](#) – *Zhuravlev, E.I.* (2010). Bor'ba s proyavleniyami kollaboracionizma na yuge Rossii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941-1945 gody) [The Fight against Manifestations of Collaborationism in the South of Russia during the Great Patriotic War (1941-1945)]. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki*. 5: 61-64. [in Russian]

[Zhuravlev, 2012](#) – *Zhuravlev, E.I.* (2012). Politika nacistov po razvitiyu kollaboracionizma i ee realizaciya na YUge Rossii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941-1943gg.) [The Nazi Policy on the Development of Collaborationism and its Implementation in the South of Russia during the Great Patriotic War]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 1: 60-65. [in Russian]

Российская историография казачьего коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Михаил Валерьевич Погребовский ^{а,*}

^а Южный федеральный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: pogrebovskijmihail@mail.ru (М.В. Погребовский)

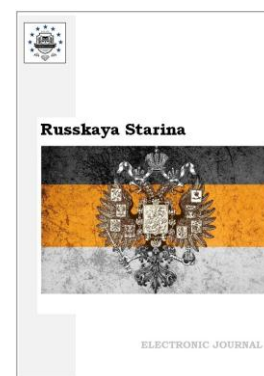
Аннотация. В статье анализируется современная российская историография казачьего коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны. Основными историографическими источниками выступают монографии, диссертации и научные статьи российских историков. Интерес к данной теме возник в конце 1990-х гг., но с начала 2010-х гг. отмечен спад исследовательского внимания к казачьему коллаборационизму. В российской историографии достаточно подробно изучена политическая и военная деятельность казачьей эмиграции, история создания, функционирования, расформирования наиболее крупных казачьих коллаборационистских формирований: Казачьего стана походных атаманов С.В. Павлова и Т.И. Доманова, 1-й казачья кавалерийская дивизия и 15-й казачий кавалерийский корпус СС генерала Г. фон Паннвица. Наиболее перспективными направлениями дальнейшего изучения казачьего коллаборационизма являются действия казаков-коллаборантов на территории Украины, Белоруссии и стран Европы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, коллаборационизм, казачество, нацистская оккупация, российская историография, Дон, Кубань, Терек.

Published in the USA
Russkaya Starina
Has been issued since 2010.
E-ISSN: 2409-2118
2023. 14(2): 112-121

DOI: 10.13187/rs.2023.2.112
<https://rs.cherkasgu.press>

Military Burials of the Great Patriotic War in the Territory of the Historical Necropolis of Taganrog

Elizaveta N. Sedakova ^{a, *}

^a Anton Chekhov Taganrog State Institute (branch), Rostov State University of Economics, Russian Federation

Abstract

The article deals with the military burials of the Great Patriotic War in the territory of the Old Cemetery of Taganrog, Rostov region. The purpose of this work is to characterize the common graves of the Great Patriotic War through the use of data from burial records, reports of irretrievable losses as well as to identify their current state. The possible reasons for the discrepancy between the data on the number of buried Red Army soldiers in the old and new registration cards are presented. In addition, misspelled names in various documents are analyzed. As a result of the study, the problems and prospects for further study of military graves in the historical necropolis of Taganrog have been identified.

Keywords: The Great Patriotic War, military burials, common graves, burial registration cards, Old cemetery, necropolis, Taganrog.

1. Введение

Великая Отечественная война является самой кровопролитной и масштабной войной в истории России. В ходе войны погибли 26,6 млн человек, и мы должны помнить о том героизме, который проявили советские солдаты, отдавая свои жизни во имя Родины и мира. Одной из форм увековечивания памяти о погибших в годы Великой Отечественной войны советских военнослужащих является создание воинских захоронений. В ст. 3 Закона РФ от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» сказано: «Захоронения погибших при защите Отечества с находящимися на них надгробиями, памятниками, стелами, обелисками, элементами ограждения и другими мемориальными сооружениями и объектами являются воинскими захоронениями» ([Закон Российской Федерации, 1993](#)).

2. Материалы и методы

На территории таганрогского городского некрополя располагаются воинские захоронения, входящие в предмет охраны объекта культурного наследия регионального значения «Ансамбль бывшего христианского кладбища», который включен в Единый государственный реестр памятников истории и культуры народов Российской Федерации в 2016 г. ([Приказ Министерства культуры, 2016](#)).

Несмотря на статус объекта культурного наследия, исследований, посвященных Старому кладбищу Таганрога, немного. В монографии В.А. Волошина и В.И. Ратник «Вчера была война» приводится краткая история мемориала с Вечным огнем ([Волошин, Ратник,](#)

* Corresponding author

E-mail addresses: sedakova.elizaveta@outlook.com (E.N. Sedakova)

2008: 364-365). Военские захоронения некрополя Таганрога в контексте создания навигационной системы упомянуты в статье Е.В. Трубниковой (Трубникова, 2015: 122-123). Здесь в нескольких предложениях говорится о том, что в этих братских могилах находится прах погибших красноармейцев, умерших в военных госпиталях. Помимо научных и научно-популярных публикаций, существуют оцифрованные журналы госпиталей, донесения о безвозвратных потерях, размещенные на интернет-ресурсе «Память народа», публикации в таганрогских газетах о перезахоронении, а также неоцифрованные источники, хранящиеся в фондах Таганрогского филиала Государственного архива Ростовской области (далее – ТФ ГАРО). В данной статье они использованы частично, так как их полная проработка не входила в задачи исследования.

Источниками изучения братских могил стали учетные карточки военных захоронений, протоколы заседаний городского Совета депутата трудящихся, хранящиеся в ТФ ГАРО, а также эпитафии, нанесенные на памятниках. Автором были применены теоретические (анализ, синтез) и эмпирические (наблюдение за современным состоянием памятников) методы исследования.

3. Обсуждение и результаты

На сайте «Память народа» есть учетные карточки военных захоронений двух видов. Назовем их условно *старые* и *новые*. Первые датируются 1990 г., вторые – 2014 г. В старых учетных карточках местом захоронения указывается г. Таганрог, юго-западная часть города; в новых – г. Таганрог, Старое кладбище, пер. Лагерный, 2а. В старых учетных карточках приводятся: информация о месте захоронения, виде (братская могила), размере захоронения и его состоянии, описание надгробия, количество похороненных (известных и неизвестных), их персональные данные, сведения о том, кто шефствует над данной братской могилой. Новые карточки в этом смысле проще: указываются номер воинского захоронения, адрес, список захороненных в нем и состояние самого памятника, приводится его фотография. В случае, когда количество похороненных неизвестно, воинское захоронение фигурирует как памятник Неизвестному Солдату. Данные о количестве военнослужащих в братских захоронениях в этих документах разнятся, кроме того, некоторые имена дублируются, что заметно при детальном рассмотрении захоронений. Причинами несовпадения данных о количестве похороненных могут быть ошибки при составлении табличек местными властями вследствие того, что они не располагали необходимой информацией, а также уточнение имен при составлении новых карточек. Причины ошибок в написании имен также могут быть разные. Во-первых, имена могли быть записаны неправильно при заполнении документов. Например, если человек прибывал в тяжелом состоянии в госпиталь, то тот, кто фиксировал информацию, мог неверно расслышать фамилию. Другие данные в таком случае тоже не заполнялись. Во-вторых, сведения могли вноситься с ошибками по политическим соображениям. К военнопленным зачастую относились с подозрением, поэтому они могли намеренно искажать информацию о себе. В одной строке фамилии, имени и отчества ошибки могут быть многократными: Шварцабель (Шварцапель) Ишман (Шимон) Шулевич (Шмулевич)¹ (Донесение о потерях: Шварцапель). Встречаются даже три варианта одной фамилии: Шныко, Шныков, Шнипко Степан Афанасьевич. Список можно продолжать.

На Старом кладбище расположены семь братских могил Великой Отечественной войны, которые и будут описаны ниже.

1. Воинское захоронение № 61-1103². Мемориал с Вечным огнем на братском захоронении (1941–1945) (см. Рисунок 1). Изначально данный памятник был деревянным. Однако 16 октября 1947 г. его заменили. В ТФ ГАРО хранится постановление исполкома горсовета депутатов трудящихся, предписывающее: «Установить на городском кладбище на месте расположения братских могил памятник воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны». В данном документе указано: «...открытие памятника приурочить к дню 30-й годовщины Советской армии – 23 февраля 1948 г» (ТФ ГАРО. Ф. Р-165. Оп. 4. Д. 59. Л. 37об.)

¹ В скобках указан вариант в донесении о потерях.

² Здесь и далее пятизначный номер захоронения – это учетный номер захоронения в Военно-мемориальном центре Вооруженных сил РФ.

На памятнике были нанесены золотой краской 396 фамилий красноармейцев 130-й и 416-й таганрогских стрелковых дивизий, а также эпитафия: «Вечная память героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Вечный огонь был зажжен в 1965 г. (Волошин, Ратник, 2008: 365).

Памятник представляет собой обелиск с усеченной вершиной из кирпича, отделанный цементным раствором. Его высота – 9,5 м, размеры у основания – 2,5 x 2,5 м. Общее число захороненных – 2000 человек, из них известных – 427 (Учетная карточка № 6). В другой карточке известных – 453 (Учетная карточка № 61-1103). Над захоронением шефствовал Металлургический завод.

По бокам от обелиска располагаются тумбы, на которых были установлены бронзовые скульптуры воина и женщины-воина, утраченные в 1990-е гг. (см. Рисунок 2). Согласно учетным карточкам, это два отдельных захоронения, но мы их рассмотрим в рамках мемориала с Вечным огнем, поскольку композиционно они составляют единый комплекс.

Рис. 1. Мемориал с Вечным огнем. Фото: Е. Седаковой. Сентябрь 2022 г.

Рис. 2. Одна из тумб, оставшихся от скульптур. Фото Е. Седаковой. Сентябрь 2021 г.

1.1. Бронзовый памятник в виде фигуры воина высотой 2 м. Кирпичный постамент – 2 x 2 м, его высота – 0,7 м. Размеры захоронения – 7 x 5 м. Памятник установлен в 1978 г. Над захоронением шефствовала железнодорожная станция «Таганрог-1». Количество похороненных неизвестно (Учетная карточка № 9).

1.2. Бронзовый памятник со скульптурой женщины-воина высотой 2 м. Постамент из кирпича высотой 0,7 м, размеры у основания – 1 x 1,5 м. Размеры захоронения – 3 x 4 м. В 1947 г. произведено перезахоронение 50 неизвестных с братской могилы у железнодорожной станции «Таганрог-1». В этом же году установлен данный памятник со скульптурой. Над ним шефствует Металлургический завод (Учетная карточка № 10).

В 2010 г. были уточнены данные по захороненным в вышеупомянутых братских могилах. Более 500 имен красноармейцев, умерших в госпиталях в период оккупации города (1941–1943), размещены на каменных табличках, закрепленных на обелиске и оставшихся от скульптур тумбах. Сами таблички были расположены на гранях постаментов, где когда-то возвышались статуи, и на внешней стороне обелиска. На одном постаменте –

73 имени (Учетная карточка № 61-1098), на другом – 199 (Учетная карточка № 61-1099). Имена, известные до уточнения, были нанесены позади мемориала на гранитных табличках. В 2013 г. ранее установленные гранитные таблички с 396 именами были полностью заменены копиями в новом стиле без дополнительной проверки самих списков. Также на обелиске появилась дополнительная надпись: «Список военнопленных, умерших в больницах г. Таганрога в период оккупации города немцами 17 октября 1941 – 30 августа 1943 гг.» (Мемориал с вечным).

2. Военское захоронение № 61-1100. Памятник на братской могиле в виде канонического четырехгранника с расширенным основанием, выполненный из нержавеющей листовой стали, с ограждением (см. рис. 3). Размер захоронения – 12 x 4 м. Высота мемориала – 5,55 м. Размеры у основания – 2,1 x 2,0 м, на верхней части основания расположены пять красных звезд, ниже прибита табличка с именами 23 захороненных. В верхней части памятника есть табличка, украшенная красной звездой, на которой можно прочесть: «Родина никогда не забудет боевых подвигов воинов, павших в Великой Отечественной войне 1941–1945». Пирамиду венчает красная звезда. Памятник установлен в 1947 г. Над захоронением шефствовал завод «Красный котельщик» (Учетная карточка № 1).

3. Военское захоронение № 61-1101. Обелиск с усеченной вершиной из листового крашеного железа, на каждой плоскости вершины расположена красная звезда. Размеры захоронения – 4,5 x 4,5 м. Высота надгробия – 4,65 м, размеры у основания – 2 x 2 м. В средней части памятника на одной его плоскости изображен якорь, на другой нанесена эпитафия: «Вечная слава героям, павшим за свободу и независимость нашей Родины». Он установлен в 1944 г. Всего захороненных – 81, имена всех известны (Учетная карточка № 2). В новой карточке на мемориальных табличках – 86 имен (Учетная карточка № 61-1101). Всего шесть плит, декорированных красной звездой и венком, на них расположены таблички с именами. На одной из табличек есть надпись: «Морские пехотинцы, погибшие за освобождение гор. Таганрога в 1943 году». Над захоронением шефствовали судоремонтный завод и морской порт.

Рис. 3. Военское захоронение № 61-1100. Фото Е. Седаковой. Сентябрь 2022 г.

Рис. 4. Военское захоронение №61-1102. Фото Е. Седаковой. Сентябрь 2021 г.

4. Воинское захоронение №61-1102. Стела из листовой нержавеющей стали высотой 7 м (см. рис. 4). Размеры захоронения – 10 x 50 м. Размеры у основания – 3,5 x 5 м. Ниже середины располагается перекладина с датами: «1941–1945». На верхней части стелы изображен орден Великой Отечественной войны. На мемориальной доске из металла выгравированы 54 имени. Табличка в отличном состоянии. Памятник периодически подвергается окраске. Братская могила огорожена. В 1965 г. была установлена стела вместо памятника 1945 г. Над захоронением шефствовал завод «Красный Гидропресс» ([Учетная карточка № 3](#)).

5. Воинское захоронение №61-1097. Надгробие на братской могиле выполнено в форме усеченного четырехгранника из кирпича, отделанного цементным раствором, высотой 1,3 м (см. рис. 5). Размеры основания – 2,5 x 4,6 м. Размеры захоронения – 4 x 9 м. На всей плоскости надпись: «Вечная слава героям 1941–1945 гг.». Поименный список отсутствует. В новой карточке фигурирует как могила Неизвестному солдату. Памятник установлен в 1947 г. Над ним шефствует завод «Прибой» ([Учетная карточка № 8](#)).

Рис. 5. Воинское захоронение №61-1097. Фото Е. Седаковой. Сентябрь 2021 г.

6. Воинское захоронение №61-1096. Мемориал в виде усеченной пирамиды из кирпича, отделанный цементным раствором (см. рис. 6). Памятник на момент написания статьи окрашен белой краской, ближе к верхушке прикреплена красная звезда. Есть ограждение. Размер захоронения – 3 x 4 м. Высота мемориала – 5,6 м. Размер у основания – 2 x 2 м. Памятник установлен в 1958 г. Имена погребенных неизвестны (могила Неизвестному Солдату). Над захоронением шефствовал кожевенный завод ([Учетная карточка № 11](#)).

7. Воинское захоронение №61-1577. Братская могила двух летчиков в виде стелы из черного полированного гранита ([Учетная карточка № 61-1577](#)). Вверху памятника изображены два самолета типа Як-1. На стелу нанесены фотографии летчиков с именами и датами их жизни: «Капитан Егоров Алексей Гаврилович 30.09.1916–17.04.1943. Ст. лейтенант Единархов Иван Яковлевич 28.08.1917–17.04.1943». Ниже надпись: «Героически погибли в неравном бою после посадки на занятый немцами аэродром «Таганрог-Вест»». Памятник находится в отличном состоянии.

Рис. 6. Военное захоронение №61-1096. Фото Е. Седаковой. Сентябрь 2022 г.

В донесениях о безвозвратных потерях причиной выбытия значится потеря ориентировки лидером, вследствие чего ведомые самолеты сели на аэродром, занятый врагом. Легчики служили в 291-м истребительном авиационном полку 265-й истребительной авиационной дивизии ([Донесение о безвозвратных потерях](#)).

4. Заключение

В статье были рассмотрены воинские захоронения Великой Отечественной войны на территории Старого кладбища Таганрога. Сведения о данных мемориалах были уточнены с помощью учетных карточек захоронений, а также донесений о безвозвратных потерях. Внешний вид захоронений удовлетворительный, они периодически подвергаются косметическому ремонту, однако некоторые таблички на захоронениях требуют обновления в силу того, что имена на них уже плохо читаемы. В результате исследования были выявлены неточности в учетных карточках захоронений с мемориальными плитами, а также различия сведений о погребенных в новых и старых карточках. Имена на табличках могут дублироваться, т.е. в двух братских могилах может числиться один и тот же человек. В написании фамилий тоже встречаются неточности. По некоторым захоронениям списка погибших нет. Такие мемориалы фигурируют как могилы Неизвестному солдату. Перспективы дальнейшего изучения воинских захоронений на историческом некрополе связаны с созданием книги Памяти, в которую потом можно будет включить и сведения по другим захоронениям Великой Отечественной войны, расположенным на территории Таганрога. Все эти вопросы требуют отдельных исследований.

5. Благодарности

Автор выражает благодарность зрителю Старого кладбища, краеведу Алексеенко Елене Александровне за ценные советы и рекомендации в подготовке материала статьи.

Литература

Волошин, Ратник, 2008 – Волошин В.А., Ратник В.И. Вчера была война. Таганрог и годы немецко-фашистской оккупации (октябрь 1941 – август 1943 гг.). Таганрог: Лукоморье, 2008. 396 с.

Донесение о безвозвратных потерях – Донесение о безвозвратных потерях [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie3000387/?static_hash=8f5a2f6ab6bfd6f1e90c846f3beb2e7av2 (дата обращения: 21.03.2023).

Донесение о потерях: Шварцапель – Донесение о потерях. Шварцапель Шимон Шмулевич [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/eahEM> (дата обращения: 23.07.2023).

Закон Российской Федерации, 1993 – Закон Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» [Электронный ресурс]. URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11965274%40egNPA (дата обращения: 14.03.2023).

Мемориал с вечным – Мемориал с вечным огнем на братском захоронении ВОВ (1941–1945) [Электронный ресурс]. URL: <http://cemetery.su/grave/6> (дата обращения: 17.03.2023).

Приказ Министерства культуры, 2016 – Приказ Министерства культуры Ростовской области от 10.10.2016 г. № 87-16 [Электронный ресурс]. URL: http://cemetery.su/uploaded_images/pdf/cemetery_official_doc.pdf (дата обращения: 14.03.2023).

Трубникова, 2015 – Трубникова Е.В. Создание навигационной системы Таганрогского некрополя // *Вестник Таганрогского института управления и экономики*. 2015. № 1 (21). С. 122-123.

ТФ ГАРО – Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области.

Учетная карточка № 1 – Учетная карточка воинского захоронения № 1, Приложение № 2 к директиве Министерства обороны СССР 1990 г. Д-35, Россия, 30 июля 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial.php?id=261233032&static_hash=8768748fcbd3bfe2054a94a81cada533v2 (дата обращения: 17.03.2023).

Учетная карточка № 2 – Учетная карточка воинского захоронения № 2, Приложение № 2 к директиве Министерства обороны СССР 1990 г. Д-35, Россия, 30 июля 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial.php?id=261233062&static_hash=8768748fcbd3bfe2054a94a81cada533v2 (дата обращения: 17.03.2023).

Учетная карточка № 3 – Учетная карточка воинского захоронения № 3, Приложение № 2 к директиве Министерства обороны СССР 1990 г. Д-35, Россия, 30 июля 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial.php?id=261233151&static_hash=8768748fcbd3bfe2054a94a81cada533v2 (дата обращения: 18.03.2023).

Учетная карточка № 6 – Учетная карточка воинского захоронения № 6, Приложение № 2 к директиве Министерства обороны СССР 1990 г. Д-35, Россия, 30 июля 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial.php?id=261233213&static_hash=a92ссe6f1d9595e9298317b910751cedv2 (дата обращения: 16.03.2023).

Учетная карточка № 8 – Учетная карточка воинского захоронения № 8, Приложение № 2 к директиве Министерства обороны СССР 1990 г. Д-35, Россия, 30 июля 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial.php?id=261233023&static_hash=08сeе26ebed2c5f222e26ba478eafb6v2 (дата обращения: 18.03.2023).

Учетная карточка № 9 – Учетная карточка воинского захоронения № 9, Приложение № 2 к директиве Министерства обороны СССР 1990 г. Д-35, Россия, 30 июля 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial.php?id=261233026&static_hash=08сeе26ebed2c5f222e26ba478eafb6v2 (дата обращения: 16.03.2023).

Учетная карточка № 10 – Учетная карточка воинского захоронения № 10, Приложение № 2 к директиве Министерства обороны СССР 1990 г. Д-35, Россия, 30 июля 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial.php?id=261233029&static_hash=a0db490409e7f2d9421ad53e23a487dev2 (дата обращения: 16.03.2023).

Учетная карточка № 11 – Учетная карточка воинского захоронения № 11, Приложение № 2 к директиве Министерства обороны СССР 1990 г. Д-35, Россия, 30 июля 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial.php?id=261233020&static_hash=08сeе26ebed2c5f222e26ba478eafb6v2 (дата обращения: 18.03.2023).

Учетная карточка № 61-1098 – Учетная карточка воинского захоронения № 61-1098 [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial.php?id=89364243&static_hash=08сeе26ebed2c5f222e26ba478eafb6v2 (дата обращения: 17.03.2023).

Учетная карточка № 61-1099 – Учетная карточка воинского захоронения № 61-1099 [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial.php?id=89364040&static_hash=08cee26bed2c5f222e26ba478eafbf6v2 (дата обращения: 17.03.2023).

Учетная карточка № 61-1101 – Учетная карточка воинского захоронения № 61-1101 [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial.php?id=89363951&static_hash=8768748fcbd3bfe2054a94a81cada533v2 (дата обращения: 17.03.2023).

Учетная карточка № 61-1103 – Учетная карточка воинского захоронения № 61-1103 [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial.php?id=89364289&static_hash=e18539b3e8376fc8ef7aob93ef3b1fo8v2 (дата обращения: 16.03.2023).

Учетная карточка № 61-1577 – Учетная карточка воинского захоронения № 61-1577 [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial/89364754/> (дата обращения: 19.03.2023).

References

Donesenie o bezvozzratnykh poteryakh – Donesenie o bezvozzratnykh poteryakh [Report of Irrecoverable Losses]. [Electronic resource]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie3000387/?static_hash=8f5a2f6ab6bfd6f1e90c846f3beb2e7av2 (date of access: 03.03.2023). [in Russian]

Donesenie o poteryakh: Shvartsapel' – Donesenie o poteryakh. Shvartsapel' Shimon Shmulevich [Report of Losses. Shvartsapel' Shimon Shmulevich] [Electronic resource]. URL: <https://goo.su/eahEM> (date of access: 23.07.2023). [in Russian]

Memorial s vechnym – Memorial s vechnym ognem na bratskom zakhoroneniі VOV (1941–1945) [Memorial with Eternal Flame at the WWII Mass Grave (1941–1945)] [Electronic resource]. URL: http://cemetery.su/grave/6_8f5a2f6ab6bfd6f1e90c846f3beb2e7av2 (date of access: 17.03.2023). [in Russian]

Prikaz Ministerstva kul'tury, 2016 – Prikaz Ministerstva kul'tury Rostovskoi oblasti ot 10.10.2016 g. № 87-16 [Order of the Ministry of Culture of the Rostov Region of October 10, 2016 No. 87-16] [Electronic resource]. URL: http://cemetery.su/uploaded_images/pdf/cemeter_official_doc.pdf (date of access: 14.03.2023). [in Russian]

TF GARO – Taganrogskaa filial Gosudarstvennogo arkhiva Rostovskoi oblasti [Taganrog Branch of the State Archive of the Rostov Region].

Trubnikova, 2015 – *Trubnikova, E.V.* (2015). Sozdanie navigatsionnoi sistemy Taganrogskaa nekropolya [Creation of a Navigation System for the Taganrog Necropolis]. *Vestnik Taganrogskaa instituta upravleniya i ekonomiki*. 1(21): 122-123. [in Russian]

Uchetnaya kartochka № 1 – Uchetnaya kartochka voinskogo zakhoroneniya № 1, Prilozhenie № 2 k direktive Ministerstva oborony SSSR 1990 g. D-35, Rossiya, 30 iyulya 1992 g. [Military Burial Record Card No. 1, Appendix No. 2 to the Directive of the Ministry of Defense of the USSR 1990 D-35, Russia, July 30, 1992] [Electronic resource]. URL: https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial.php?id=261233032&static_hash=8768748fcbd3bfe2054a94a81cada533v2 (date of access: 17.03.2023). [in Russian]

Uchetnaya kartochka № 2 – Uchetnaya kartochka voinskogo zakhoroneniya № 2, Prilozhenie № 2 k direktive Ministerstva oborony SSSR 1990 g. D-35, Rossiya, 30 iyulya 1992 g. [Military Burial Record Card No. 2, Appendix No. 2 to the Directive of the Ministry of Defense Directive of the USSR 1990 D-35, Russia, July 30, 1992] [Electronic resource]. URL: https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial.php?id=261233062&static_hash=8768748fcbd3bfe2054a94a81cada533v2 (date of access: 17.03.2023). [in Russian]

Uchetnaya kartochka № 3 – Uchetnaya kartochka voinskogo zakhoroneniya № 3, Prilozhenie № 2 k direktive Ministerstva oborony SSSR 1990 g. D-35, Rossiya, 30 iyulya 1992 g. [Military Burial Record Card No. 3, Appendix No. 2 to the Directive of the Ministry of Defense of the USSR 1990 D-35, Russia, July 30, 1992] [Electronic resource]. URL: https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial.php?id=261233151&static_hash=8768748fcbd3bfe2054a94a81cada533v2 (date of access: 18.03.2023). [in Russian]

Uchetnaya kartochka № 6 – Uchetnaya kartochka voinskogo zakhoroneniya № 6, Prilozhenie № 2 k direktive Ministerstva oborony SSSR 1990 g. D-35, Rossiya, 30 iyulya 1992 g. [Military Burial Record Card No. 6, Appendix No. 2 to the Directive of the Ministry of Defense of the USSR 1990 D-35, Russia, July 30, 1992] [Electronic resource]. URL: https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial.php?id=261233151&static_hash=8768748fcbd3bfe2054a94a81cada533v2

naroda.ru/memorial/burial.php?id=261233213&static_hash=a92cec6f1d9595e9298317b910751cedv2 (date of access: 16.03.2023). [in Russian]

Uchetnaya kartochka № 8 – Uchetnaya kartochka voinskogo zakhroneniya № 8, Prilozhenie № 2 k direktive Ministerstva oborony SSSR 1990 g. D-35, Rossiya, 30 iyulya 1992 g. [Military Burial Record Card No. 8, Appendix No. 2 to the Directive of the Ministry of Defense of the USSR 1990 D-35, Russia, July 30, 1992] [Electronic resource]. URL: https://pamyatnaroda.ru/memorial/burial.php?id=261233023&static_hash=08cee26ebed2c5f222e26ba478eafbf6v2 (date of access: 18.03.2023). [in Russian]

Uchetnaya kartochka № 9 – Uchetnaya kartochka voinskogo zakhroneniya № 9, Prilozhenie № 2 k direktive Ministerstva oborony SSSR 1990 g. D-35, Rossiya, 30 iyulya 1992 g. [Military Burial Record Card No. 9, Appendix No. 2 to the Directive of the Ministry of Defense of the USSR 1990 D-35, Russia, July 30, 1992] [Electronic resource]. URL: https://pamyatnaroda.ru/memorial/burial.php?id=261233026&static_hash=08cee26ebed2c5f222e26ba478eafbf6v2 (date of access: 16.03.2023). [in Russian]

Uchetnaya kartochka № 10 – Uchetnaya kartochka voinskogo zakhroneniya № 10, Prilozhenie № 2 k direktive Ministerstva oborony SSSR 1990 g. D-35, Rossiya, 30 iyulya 1992 g. [Military Burial Record Card No. 10, Appendix No. 2 to the Directive of the Ministry of Defense of the USSR 1990 D-35, Russia, July 30, 1992] [Electronic resource]. URL: https://pamyatnaroda.ru/memorial/burial.php?id=261233029&static_hash=a0db490409e7f2d9421ad53e23a487dev2 (date of access: 16.03.2023). [in Russian]

Uchetnaya kartochka № 11 – Uchetnaya kartochka voinskogo zakhroneniya № 11, Prilozhenie № 2 k direktive Ministerstva oborony SSSR 1990 g. D-35, Rossiya, 30 iyulya 1992 g. [Military Burial Record Card No. 11, Appendix No. 2 to the Directive of the Ministry of Defense of the USSR 1990 D-35, Russia, July 30, 1992] [Electronic resource]. URL: https://pamyatnaroda.ru/memorial/burial.php?id=261233020&static_hash=08cee26ebed2c5f222e26ba478eafbf6v2 (date of access: 18.03.2023). [in Russian]

Uchetnaya kartochka № 61-1098 – Uchetnaya kartochka voinskogo zakhroneniya № 61-1098 [Military Burial Record Card No. 61-1098] [Electronic resource]. URL: https://pamyatnaroda.ru/memorial/burial.php?id=89364243&static_hash=08cee26ebed2c5f222e26ba478eafbf6v2 (date of access: 17.03.2023). [in Russian]

Uchetnaya kartochka № 61-1099 – Uchetnaya kartochka voinskogo zakhroneniya № 61-1099 [Military Burial Record Card No. 61-1099] [Electronic resource]. URL: https://pamyatnaroda.ru/memorial/burial.php?id=89364040&static_hash=08cee26ebed2c5f222e26ba478eafbf6v2 (date of access: 17.03.2023). [in Russian]

Uchetnaya kartochka № 61-1101 – Uchetnaya kartochka voinskogo zakhroneniya № 61-1101 [Military Burial Record Card No. 61-1101] [Electronic resource]. URL: https://pamyatnaroda.ru/memorial/burial.php?id=89363951&static_hash=8768748fcbd3bfe2054a94a81cada533v2 (date of access: 17.03.2023). [in Russian]

Uchetnaya kartochka № 61-1103 – Uchetnaya kartochka voinskogo zakhroneniya № 61-1103 [Military Burial Record Card No. 61-1103] [Electronic resource]. URL: https://pamyatnaroda.ru/memorial/burial.php?id=89364289&static_hash=e18539b3e8376fc8ef7a0b93ef3b1f08v2 (date of access: 17.03.2023). [in Russian]

Uchetnaya kartochka № 61-1577 – Uchetnaya kartochka voinskogo zakhroneniya № 61-1577 [Military Burial Record Card No. 61-1577] [Electronic resource]. URL: <https://pamyatnaroda.ru/memorial/burial/89364754/> (date of access: 17.03.2023). [in Russian]

Voloshin, Ratnik, 2008 – *Voloshin, V.A., Ratnik, V.I.* (2008). *Vchera byla voina. Taganrog i gody nemetsko-fashistskoi okkupatsii (oktyabr' 1941 – avgust 1943 gg.)* [Yesterday was the war. Taganrog and the years of Nazi occupation (October 1941 – August 1943)]. Taganrog: Lukomor'e, 396 p. [in Russian]

Zakon Rossiiskoi Federatsii, 1993 – *Zakon Rossiiskoi Federatsii ot 14 yanvarya 1993 g. № 4292-1 «Ob uvekovechenii pamyati pogibshikh pri zashchite Otechestva»* [Law of the Russian Federation of January 14, 1993 No. 4292-1 “On Perpetuating the Memory of those Killed in Defense of the Fatherland”] [Electronic resource]. URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11965274%40egNPA (date of access: 14.03.2023). [in Russian]

Воинские захоронения Великой Отечественной войны на территории исторического некрополя Таганрога

Елизавета Николаевна Седакова^{а, *}

^а Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются воинские захоронения времен Великой Отечественной войны (1941–1945) на территории Старого кладбища г. Таганрога Ростовской области. Целью данной работы является характеристика братских могил на основе данных учетных карточек захоронений, донесений о безвозвратных потерях, а также выявление их современного состояния. Представлены возможные причины расхождения данных о количестве похороненных красноармейцев в старых и новых учетных карточках. Помимо этого, проанализированы ошибки в написании имен в различных документах. В результате проведенного исследования выявлены проблемы и определены перспективы дальнейшего изучения воинских захоронений на историческом некрополе Таганрога.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, воинские захоронения, братские могилы, учетные карточки захоронений, Старое кладбище, некрополь, Таганрог.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sedakova.elizaveta@outlook.com (Е.Н. Седакова)
